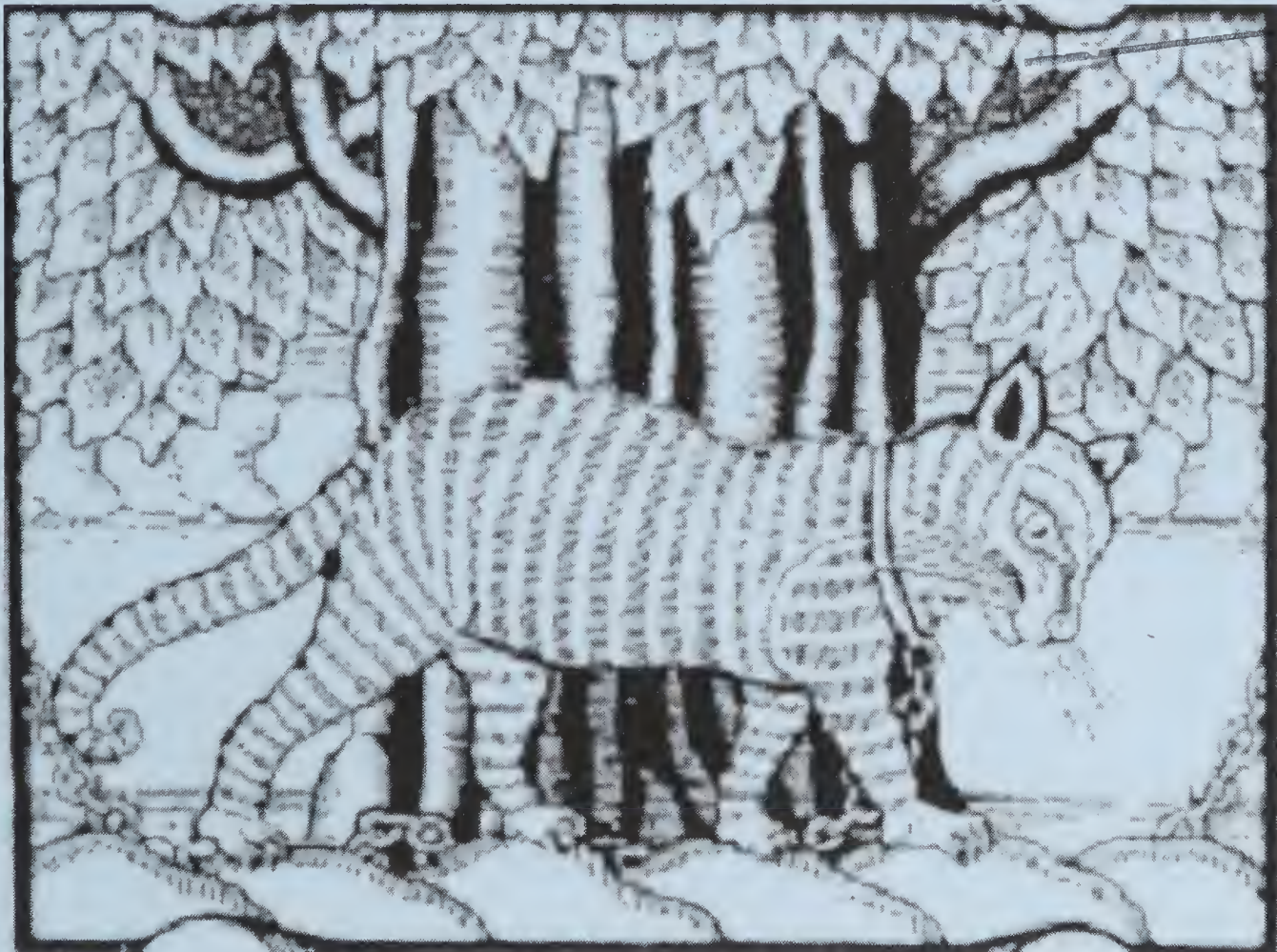

SOLANUS

INTERNATIONAL JOURNAL FOR RUSSIAN & EAST EUROPEAN
BIBLIOGRAPHIC, LIBRARY & PUBLISHING STUDIES

New Series Vol. 19 2005

School of Slavonic and
East European Studies
University College London

SOLANUS

INTERNATIONAL JOURNAL FOR RUSSIAN & EAST EUROPEAN
BIBLIOGRAPHIC, LIBRARY & PUBLISHING STUDIES

New Series Vol. 19 2005

CONTENTS

<i>W. F. Ryan</i> , Russia and the Magic of Cats	page 7
<i>A. Kh. Gorfunkel'</i> , Zhiznennaia udacha: znakomstvo i perepiska s Dzhonom Simmonson	14
<i>Villi Petritskii</i> , Pobornik knigi i slavianskoi kul'tury. Nechto vrobe memuara	22
<i>James H. Billington</i> , Tribute to John Simmons, on the Occasion of a Milestone Birthday	30
<i>Iaroslav Isaievykh</i> , Fedir Maksymenko: The Fate of a Bibliologist in the Context of Good, Bad and 'Mixed' Periods in the History of Ukrainian Scholarship	32
<i>Gary Marker</i> , <i>Plach Smirennogo Knigoveda</i> , or the Tale of a Document Worth Publishing	41
<i>A. A. Guseva</i> , Izdaniia moskovskogo Pechatnogo dvora v period patriarshestva Nikona	48
<i>A. V. Voznesenskii</i> , K voprosu o retseptsii Ostrozhskoi Biblii na moskovskom Pechatnom dvore (na materiale Psaltiri)	55
<i>Ralph Clemenison</i> , John Joseph De Camillis and his Italian book	61
<i>E. L. Nemirovskii</i> , Dzhon Simmons i mirovoi fond izdanii Ivana Fedorova	67
<i>I. V. Pozdeeva</i> , Regional'nye opisaniia rannepechatnoi kirillicheskoii knigi i ikh istoriko-kul'turnoe znachenie	73
<i>N. A. Kopanev</i> , Peterburgskie podpischiki na pervoe londonskoe izdanie 'Magasin des enfans' M. Leprens de Bomon	84
<i>C. L. Drage</i> , Model Conversations in P. I. Zhdanov's <i>Angliska Grammatika</i>	92
<i>W. E. Butler</i> , Thomas Baston and Peter the Great	104
<i>Anthony Cross</i> , Sir Arthur Helps's <i>Oulita the Serf</i> (1858)	107
<i>Edward Kasinec</i> , with <i>Robert H. Davis, Jr</i> , The 1866 'Russian Souvenirs' of Gustavus Vasa Fox	113
<i>Marianna Tax Choldin</i> , <i>E. Iu. Genieva</i> and <i>I. A. Bordachenkov</i> , Pis'mo L. I. Rylova v TsK KPSS i ego posledstviia dlia VGBIL i samego Rylova	120
<i>Patricia Kennedy Grimsted</i> , Tracing 'Trophy' Books in Russia	131
<i>Gregory Walker</i> , Three Thousand Theses: The Bibliography of British Theses in Slavonic Studies	146
<i>Contributors</i>	152

Price of this volume: £10.00 sterling or \$15 U.S., including postage. Sterling payment should be sent to the Solanus Business Manager (address below) by cheque or international money order made payable to SOLANUS. Dollar payments can be made by wire, cheques or credit cards. Make cheques payable to EAST VIEW PUBLICATIONS. Send payment to:

East View Publications
3020 Harbor Lane North
Minneapolis, MN 55447, U.S.A.

Wire information: bank account no. 091000019–3930096794, Wells Fargo Bank, Minnesota, U.S.A.

Please state on cheques or wire transfers that payment is for *Solanus*, and quote the invoice number.

Subscriptions and advertising enquiries should be addressed to the Solanus Business Manager:

Milan Grba
Solanus Business Manager
The British Library
Slavonic and East European Collections
96 Euston Road
LONDON NW1 2DB
Telephone: +44 (0)20 7412 7590
Fax: +44 (0)20 7412 7554
E-mail: milan.grba@bl.uk

Other enquiries should be sent to the Editor (e-mail: cgthom@yandex.ru).

Solanus is published by the School of Slavonic and East European Studies,
University College London (SSEES UCL), Senate House, Malet Street,
London WC1E 7HU

© SSEES 2005

The views expressed in *Solanus* are not necessarily those of SSEES
or of the Editorial Board

Typeset in Plantin and Times Cyrillic at Oxford University Computing Services
by Stephen Ashworth Typesetting, Oxford.

Cover motif: Detail from I. A. Bilibin, 'Kot uchenyi', frontispiece to A. S. Pushkin,
Skazka o zolotom petushke, St Petersburg, Ekspeditsiia zagotovleniia
gosudarstvennykh bumag, 1910.

Editorial Board

Professor C. L. Drage, Imperial College, University of London
Professor W. Gareth Jones, Professor Emeritus, University of Wales, Bangor
Dr Martyn Rady, School of Slavonic and East European Studies,
University College London
Dr W. F. Ryan, Emeritus Professor of Russian Studies, The Warburg
Institute, University of London
Mr Ray Scrivens, Cambridge University Library
Dr Kate Sealey-Rahman, School of Slavonic and East European Studies,
University College London
Dr Christine Thomas, London, *Editor*
Dr Gregory Walker, Oxford

Business Manager

Milan Grba, The British Library

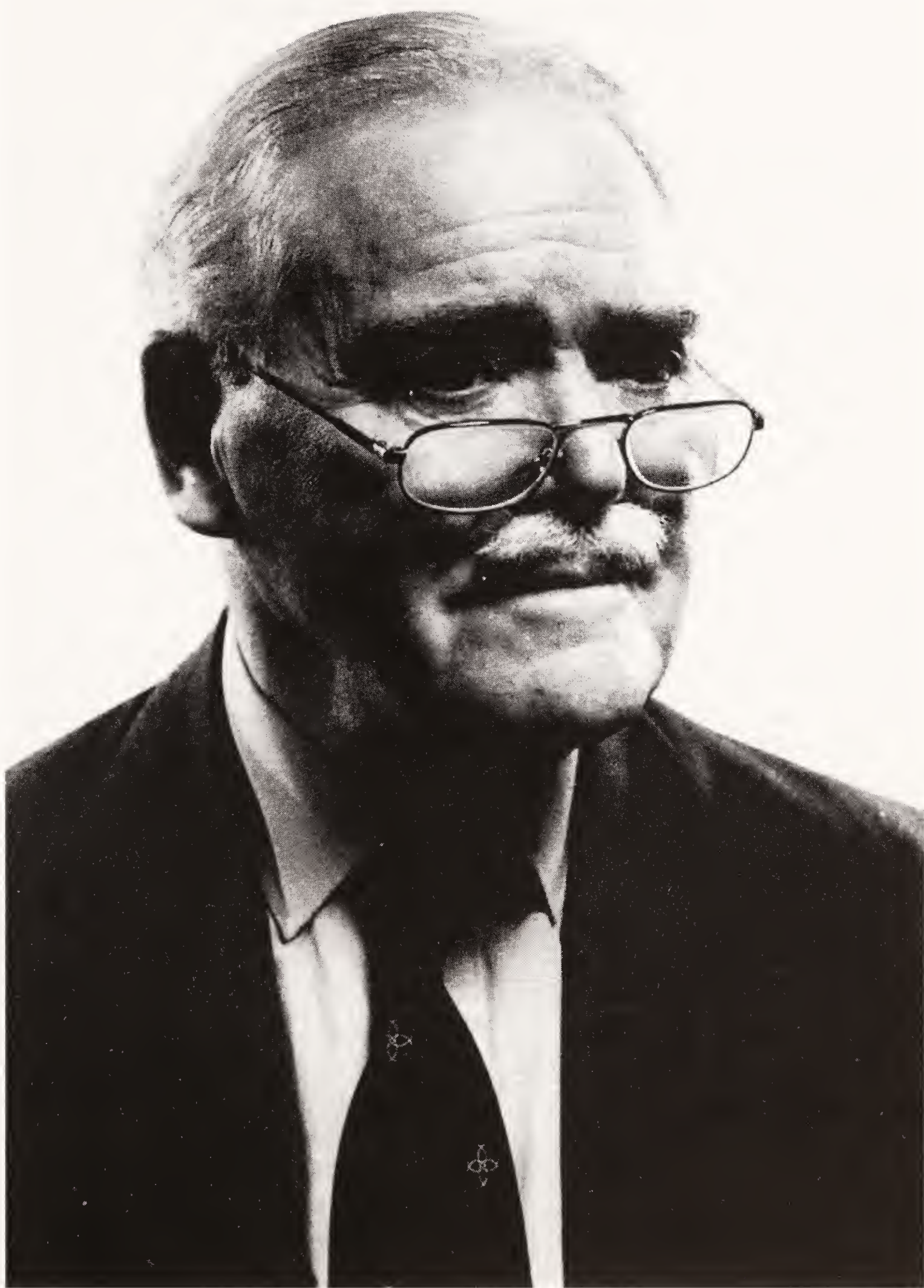
International Advisory Panel

Dr J. J. Brine, Lancaster
Professor W. E. Butler, The Vinogradoff Institute, University College London
The Very Rev. Alexander Nadson, Francis Skaryna Belarusian Library,
London
John S. G. Simmons, Emeritus Fellow, All Souls College, Oxford
Dr Miranda Beaven Remnek, University of Illinois at Urbana-Champaign
Professor Jeffrey Brooks, John Hopkins University, Baltimore
Professor Marianna Tax Choldin, Mortenson Distinguished Professor
Emerita, Chicago
Edward Kasinec, Slavic and Baltic Division, The New York Public Library
Professor Gary Marker, University of New York at Stony Brook
Dr Wojciech Zalewski, Stanford University Libraries
Dr Horst Röhling, Bochum
Dr Jürgen Warmbrunn, Herder-Institut, Marburg

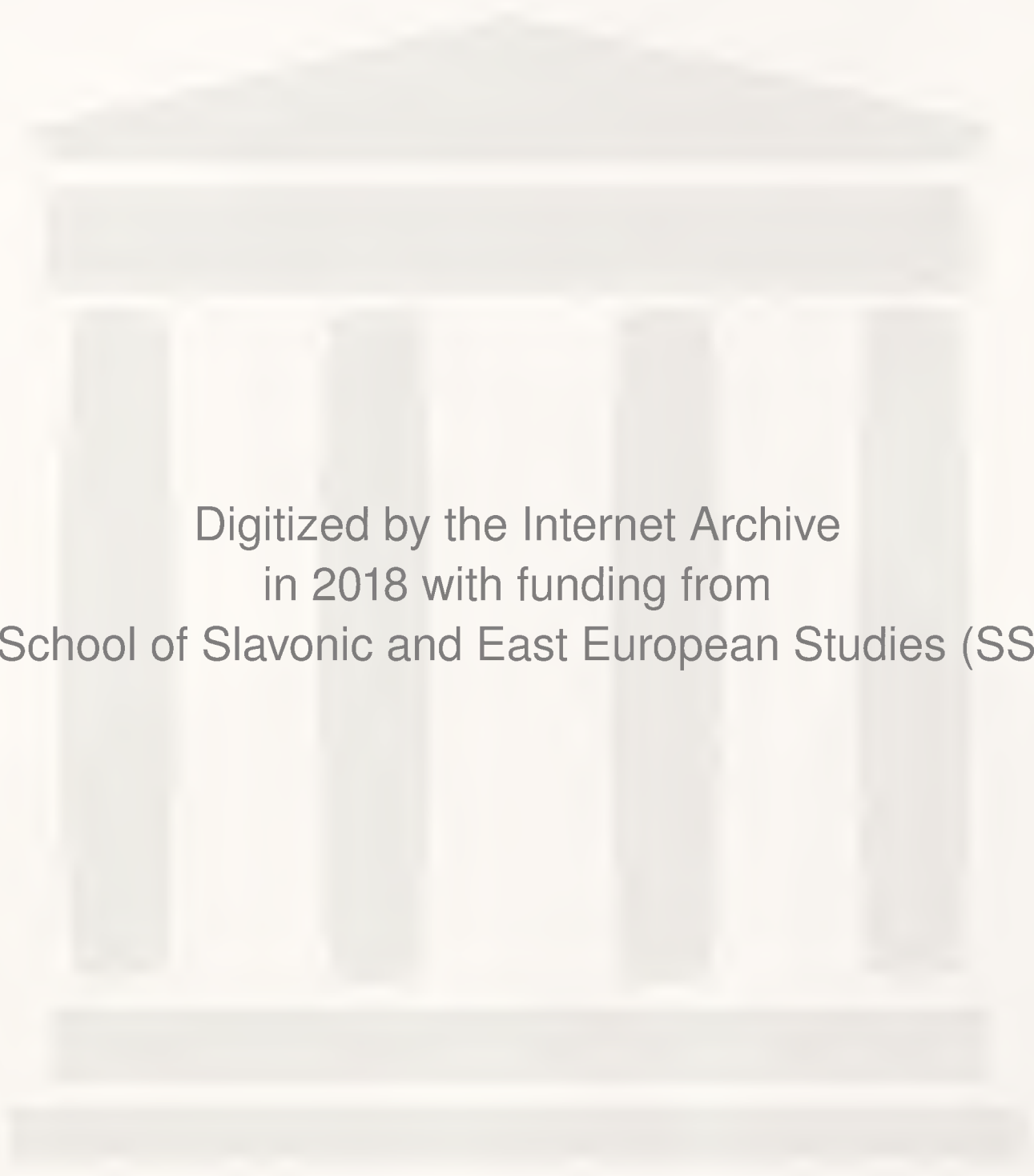
Dedication to John Simmons

The editors and contributors offer this volume (*not* a Festschrift) to John Simmons on the occasion of his ninetieth birthday, and hope its contents will leave him in no doubt of our deep affection for him and our gratitude for the inspiration, help and encouragement he has given to two generations of Slavonic scholars, especially bibliographers, librarians, and historians of the book.

J. S. G. Simmons

Digitized by the Internet Archive
in 2018 with funding from
UCL School of Slavonic and East European Studies (SSEES)

Russia and the Magic of Cats

W. F. Ryan

The variety of books on a surprising range of subjects which contain expressions of gratitude to John Simmons is a testimony to his erudition, to his generosity, and to his strongly held belief that it is the duty of librarians to be helpful. Being helpful, in John's case, meant not only maintaining a vast international correspondence and an information service which alerted his many contacts to new, usually Russian, publications in their subject, but also himself editing books and writing articles on a wide range of subjects encompassing Russian history, abecedaries, printing history, paper and watermark history (on which he is a world authority), All Souls College and other English antiquities. In fact John Simmons is an outstanding example of that now endangered species, the scholar librarian.

In all this scholarly activity there is, however, no mention of one other important aspect of John's life—and since this is a non-Festschrift I venture to offer a non-bibliothecary tribute to it. As anyone will know who was ever taught by John at Oxford (he did that too, excellently), visited him, or has been privileged to be on his extensive Christmas card list, John is a self-confessed ailurophile—indeed, he introduced most of us to this relatively unfamiliar word (not in the old *OED* but now flourishing on the internet). Some have suspected that at least one of the Cs on the Simmons Tie Club tie really stands for 'cat-loving'. The Christmas cards, usually on feline themes, and annotated, alas, are not listed in the Simmons *Autobibliography*.¹ They are, nevertheless, amusing and very collectable occasional pieces which linger in the memory. We shall surely not forget the sad spectacle of the Hanged Cat, or the ingenious escape of the Macchiavellian Feline from the Comic Lion in E. C. Bentley's fable (with the bonus of the cat watermark of Hermann Katz, 1805), or the imaginative reconstruction of Nelson's cat, which would have been a credit to Gerasimov himself, had he ever thought of it, or the suppositious cat of Tsar Aleksei Mikhailovich ('Le vrai portrait du chat du grand Duc de Muscouie', 1663) or the explication of the Kot kazanskii, or the Mice burying the Cat, all of which have at one time or another graced our festive mantelpieces and excited the curiosity of our friends and family.

As one of many grateful recipients over the years of much wisdom and guidance, not to mention Christmas cards, I therefore offer on this occasion a few observations on cats in Russia, from the perspective of one of my own current

¹ J. S. G. Simmons, *An Autobibliography 1933–1974* (Oxford, 1975), 18 pp. Portrait frontispiece, no index (in the Russian manner). Idem, *An Autobibliography: Supplement 1975–1984* (Oxford, 1985), vi, 10 pp. Portrait frontispiece. ISBN 0-9504373-8-7.

interests, Russian magic, one of the few topics to which John has not, as far as I can discover, turned his scholarly attention.

The references to cats in the earlier Russian literature are not numerous; there is nothing, for example, to match the ninth-century Irish monk's poetic tribute to his cat Pangur Bán.² In fact the earliest Russian reference to cats appears to be in the Laurentian Chronicle, *sub anno* 1096, where a quotation from the apocalyptic Methodius of Patara mentions cats among the disgusting things eaten by the race of Japheth, a practice later condemned in a fourteenth-century penitential.³ The Nikonian Chronicle, *sub anno* 1230, records the famine of that year and describes how the starving Russians resorted to cannibalism and eating cats, dogs and horses. This evident unease about cats re-emerges later in folk beliefs about the uncleanness of cats and hints at their demonic associations. For example, to prevent a dead *koldun* (magician) from returning to haunt a house as a revenant (which in Russian belief he might easily do), it was necessary to leave a roast cat for him in the stove.⁴ No less distressing to cat-lovers than the evidence of medieval ailurophagy,⁵ but closer to our theme and to more recent folk belief, is a reference to devils taking the form of cats, their transmogrification as it were, in the seventeenth-century *Zhitie* of Sergei Nuromskii.⁶

Russian popular beliefs about cats are as ambivalent as their often similar English equivalents, but their magical and otherwordly associations are unmistakable.⁷ The cat is associated with the *domovoi*, the house goblin in East Slav popular demonology who may actually take the form of a cat, and the cat is the first animal to be sent into a new house.⁸ From ancient times the behaviour of

² I know this to be a favourite poem of John's because he once treated me to a mini-lecture on the first translator of the poem, Kuno Meyer, the great German Celtologist and at one time Professor of Celtic at Liverpool.

³ *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* (Moscow, 1975–), s.v. *kotka*.

⁴ A. N. Afanas'ev, *Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu*, 3 vols (Moscow, 1865–69), vol. I, p. 650.

⁵ Also not in the *OED*, or other dictionaries of English, but its existence is established by the internet Wikipedia in a comment on an election press release (12 September 2003) from the Ontario Progressive Conservative Party, which referred to rival Ontario Liberal Party leader Dalton McGuinty as an 'evil reptilian kitten-eater from another planet'.

⁶ *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* (note 3), s.v. *kotka*.

⁷ O. V. Belova, '*Narodnaia Bibliia*': *Vostochnoslavianskie etnologicheskie legendy* (Moscow, 2004), pp. 178–79, notes the East Slavonic legend of the cat being created from the fur glove of the Virgin Mary, and the belief that the cat is either a clean animal because it is the first to welcome the newly dead into heaven, or an unclean animal because it ate mice and rats which were devils in animal form. Belova also charts the widespread belief that cats and dogs had to be fed with the first bread made from the first corn of the season (*ibid.*, IV.2.). More generally see Stith Thomson, *Motif-Index of Folk Literature*, rev. edn (Bloomington, 1955–58): G303.3.3 (devil as cat); G.252 and D702.1.1 (witch as cat).

⁸ For some discussion and bibliography of this, and of the role of the cat as the functional equivalent of the bear in several folklore contexts see B. A. Uspenskii, *Filologicheskie razyskaniia v oblasti slavianskikh drevnostei* (Moscow, 1982), p. 102, n. 141. In Finland too the cat may be the

cats has provided omens, and some of these (hearing a cat miaow, seeing a cat in a window, dreaming of a cat) are to be found in the *Volkhovnik*, one of the books of divination (perhaps of Greek origin, certainly extant in Latin as the *Tabula prenostica Salomonis*) condemned in the record of the Stoglav Council in Moscow in 1552.⁹ More recently recorded beliefs are: if the cat settled in the opening of the stove flue (*pechura*) there would be frost (the cat on the stove was one of the omens believed in by Tat'iana in Pushkin's *Evgenii Onegin* (5, 5)); if the cat was sleeping soundly it would be hot; if the cat covered its nose there would be frost or bad weather; if the cat scratched the floor there would be wind; if the cat scratched the wall there would be bad weather; if the cat lay belly upwards it would be hot; if the cat licked its paws there would be good weather; if it licked its body there would be bad weather.¹⁰

This prognostic ability of cats was no doubt a point in their favour as pets, together with their domestic utility in keeping down mice. Moreover cats could be lucky, and it meant seven years bad luck to kill one. But although cats were worshipped in ancient Egypt and much prized later in many parts of the world for their beauty and air of otherworldly mystery, in many other respects cats had an unenviable fate, in the details of which Russia differed little from the rest of Europe, and for that matter America.

In Russian folk stories cats are common enough, but not necessarily in a magical context.¹¹ The major exception is the *Kot-Baiun*, a demonic cat-like monster with magical powers in a number of Russian folktales, who appears to be the source of Pushkin's rather more benign 'kot uchenyi', the 'learned cat' who sings songs and tells stories, in the prologue to his folk-style poem *Ruslan and Liudmila*.¹²

form taken by the spirit of the house or the bathhouse (i.e. the *domovoi* or *bannik* in Russia): see Marjatta Jauhainen, *The Type and Motif Index of Finnish Belief Legends and Memorates* (Helsinki, 1998).

⁹ See W. F. Ryan, *The Bathhouse at Midnight: An Historical Survey of Russian Magic and Divination* (Stroud and University Park, Penn., 1999), pp. 139–44; on the Latin version see Charles S. F. Burnett, 'A Note on Two Astrological Fortune-Telling Tables', *Revue d'histoire des textes*, XVIII, 1988, pp. 257–62.

¹⁰ Russian beliefs cited from V. Dal', *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*, 2nd edn (Moscow and St Petersburg, 1880–1882), s.v. *koshka*; for the wealth of English beliefs see I. Opie and M. Tatem, *A Dictionary of Superstitions* (Oxford, 1989), s.v. *cat*; Steve Roud, *The Penguin Guide to the Superstitions of Britain and Ireland* (London, 2003), pp. 63–71. The belief that a cat washing itself foretold rain is found in both England and Russia.

¹¹ On the other hand cats do not appear at all in the admittedly quite inadequate index of the classic work on Slav folk belief, A. N. Afanas'ev, *Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu* (note 4), although in fact cats do occur at several points in the text; see in particular vol. I, pp. 647–51, where Russian cat beliefs are placed in the whole context of world mythology as understood at that time. Cats rarely appear in magic spells, although Kliaus in his motif index does list one spell in which a cat takes away an illness: V. L. Kliaus, *Ukazatel' siuzhetov i siuzhetnykh situatsii zagovornyykh tekstov vostochnykh i iuzhnykh slavian* (Moscow, 1977), p. 92 (I.XV.11/AK).

¹² 'Cats are modest. They make no show of accomplishments. You never hear of a learned cat. Learned pigs, bears and dogs, who can tell what time of day it is, and how many spectators are

One must assume that Bulgakov relied at least in part on this tradition when he created the monstrous demonic black were-cat Begemot in his novel *Master i Margarita*.¹³ When cats do appear in stories they have, as in other countries, a reputation for cunning and a liking for an easy life. In real life they could be killed for their fur or for their presumed magical properties. The trade in dead cats must have been at least as widespread as the trade in live cats: Dal's great nineteenth-century dictionary, always well informed in matters of rural craft and magic, lists four separate words (*koshatnik*, *koshkoder*, *koshkar'*, *koshkodav*) for itinerant tradesmen who would offer small trinkets or domestic items in exchange for cats, which they would then kill on the spot for their fur, but significantly utter as they did so a protective charm: 'It is not I who kill you but your mistress.'¹⁴ Of these four professional names the last two can be found as surnames, the last, *Koshkodav* (= cat-killer) dating from at least the sixteenth century, and currently used in Russia as a contemptuous term for 'satanist' (from the alleged practice of satanists sacrificing cats in graveyards).¹⁵ There is no evidence that the Koshkin family (*koshkin* = cat's), from which the tsars and emperors of the Romanov dynasty derived,¹⁶ belonged to this group (although it may have added to the satirical significance of the popular prints of the 'Kot kazanskii', and the 'Mice burying the Cat', usually seen as mockery of Peter the Great).

The supposed magical properties and uses of cats fall into several categories, all at the nastier end of the magical spectrum.

As mentioned above, cats could be devils in disguise, a fact also well known in the West and noted in the *Malleus maleficarum* (II, Q1, ch. 9), and, as in other countries, black cats were often thought to be shape-shifting witches, or their familiars. In the mid-nineteenth century in the Mozhaïsk area of Moscow province a whole peasant *mir* is reported to have gathered together on the feast of Agrafena Kupal'nitsa (24 June) to kill a *prozhinshchitsa*, a witch alleged to have blighted their rye crops. They stoned a cat which appeared at the cross-roads, believing it to be the transformed witch, and immediately the woman

present (which last is easily told, to the sorrow of the showman,) are common. But who ever heard of a learned cat?' (statement in an article ascribed to Edgar Allan Poe, 'Desultory Notes on Cats', *Philadelphia Public Ledger*, 19 July 1844).

¹³ An online Bulgakov encyclopedia at <http://www.bulgakov.ru/b/begemot/> suggests that Bulgakov got the name from M. A. Orlov's *Istoriia snoshenii cheloveka s diavolom* (1904), notes on which were found in his papers; Behemoth is mentioned there as one of the demons involved in the possession of the nuns of Loudun in the 1630s.

¹⁴ s.v. *koshka*; see also *bulga* (*bulgachit'*).

¹⁵ At the time of writing this was a live topic in the Russian press, and a press release of 17 December 2004 announced the establishment of a new department in the Interior Ministry to combat satanism. This will no doubt bring comfort to Russian cat-lovers, not to mention their cats.

¹⁶ See B. O. Unbegaun, *Russian Surnames* (Oxford, 1972), p. 14. Boris Unbegaun devoted a whole paragraph of thanks in the preface to this book to his friend and colleague John Simmons.

suspected of being the witch fell ill, and remained so until she died (twelve years later!).¹⁷ The notion that a witch will show on her ordinary human body any injury inflicted on her while in her magical form is widespread.¹⁸ Very recently (July 2004) *Komsomolskaia Pravda* reported that a winged cat thought to be an emissary of Satan had been killed by villagers near the Central Russian city of Kursk. Other demonic cats in the Russian tradition include the *koshka zemlianaia* (earth cat), a fantastic creature which guards hidden treasure (demonic guardians of buried treasure are a standard feature of European folklore) and, according to the miners of the Urals, had fiery ears, and the *kolovertysk* (*koloversh*) an apparently marsupial magic cat who lived under the stove or floor and helped housekeepers, in particular witches—it had a large pouch in front in which it could bring back stolen milk (witches and cats both have reputations all over Europe for stealing milk).¹⁹

A second magical property of cats, mostly black, was, appropriately enough, catalytic: cats could potentiate charms and other magical procedures. For example to obtain a *nerazmennyi rubl'*, a coin which the owner will always have no matter how often he spends it, one had to tie up a black cat with tarred twine and sell it for a rouble,²⁰ or alternatively one could swaddle a black cat, take it to the bathhouse at midnight, and speaking the words: 'Here is a child for you—give me an everlasting rouble', throw the cat into the bathhouse, run out, make three circles around you with a cross, and say the magic protective word *chur*.²¹

Unfortunately these catalytic cats were often effective only if killed, usually by being buried alive. For example, one recorded malefic charm invoking devils, and using the ancient device of a knotted cord, also requires the person making the curse to do it at night, after removing his cross and killing a black cat.²² One variant of the interesting practice of *opakhiwanie* (ritual ploughing of a protective circle round a village, often at midnight, with women pulling the plough, to protect it from an epidemic disease such as plague or cholera), recorded in the far northern region of Zaonezh'e, involved two naked widows who had to circle the village three times holding in either hand a cock

¹⁷ E. N. Eleonskaia, 'Zapisi obychaev i obriadov Moskovskoi gub. Mozhaiskogo y.', in *idem*, *Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii* (Moscow, 1994), pp. 193–230 (221).

¹⁸ For analogous British beliefs, see Katherine M. Briggs, *Nine Lives: Cats in Folklore* (London, 1980), pp. 86–93.

¹⁹ M. Vlasova, *Russkie sueverii: entsiklopedicheskii slovar'* (St Petersburg, 1998), s.vv. *zemlianaia kosha*; *kolovertysk*.

²⁰ Dal', *Tolkovyi slovar'* (note 10), s.v. *nerazmennyi*.

²¹ L. N. Maikov, 'Velikorusskie zaklinaniia', *Zapiski Imp. Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniiu etnografii*, II, 1869, pp. 417–580 (repr. St Petersburg and Paris, 1992, with new pagination, postscript and notes by A. K. Baiburin), no. 269. Voronezh region.

²² M. Zabylin, *Russkii narod. Ego obychai, obriady, predaniia, sueverii i poeziia* (Moscow, 1880; repr. 1989), p. 396. Recorded in Mezen' near the White Sea.

and a black cat, which they buried alive on the outskirts of the village.²³ A widespread belief was that any small animal such as a cat or dog which was found during the ploughing had to be killed because it was the personification of death.²⁴

A similar practice is the sacrificial burying of cats. For example, a cruel but perhaps ecologically sound method of keeping down weeds in Belarus was to bury a live cat in a field.²⁵ Burying a cat or dog under a new house was thought to guarantee the quality of the livestock.²⁶

The last and nastiest employment of cats in magic is one which Russia shares with most of Europe and America. This is the belief in the *kost' ne-vidimka* or bone of invisibility, which, together with the 'dead hand' and the 'dead candle' of human wax, was much prized by burglars as a means of entering their victims homes unseen.²⁷ This bone was to be found in a black cat which had not a single white hair; the cat was to be boiled alive until its flesh fell from the bones and the special bone then extracted. If kept in the mouth it would both make you invisible and open locks.²⁸ This belief also exists in Finland,²⁹ and an identical method of obtaining the bone is described in the grimoire ascribed to St Cyprian (history obscure) and still published as a chapbook in Spain as the *Libro de San Cipriano*, known popularly as a *cipri-anillo*, and in Portugal and Brazil as the *Livro de São Cipriano*. It is presumably from this source that the Black Cat Bone amulet is widely known, especially in the southern USA, Mexico, South America and the Caribbean. For its popularity as an amulet in hoodoo/voodoo and blues and jazz culture the internet will provide a wealth of confusing information.

St Cyprian, c. 400 (*ci-devant* in the West, where he was removed from the calendar of saints in 1968), was, according to legend, a black magician who reformed and became a bishop. His original profession prompted a variety of later associations with magic in both Russia and the West.³⁰ Possession of magical texts, including a prayer of St Cyprian for driving out evil spirits, was

²³ K. K. Loginov, *Material'naia kul'tura i proizvodstvenno-bytovaia magiia russkikh Zaonezh'ia* (St Petersburg, 1993), p. 34.

²⁴ A. F. Zhuravlev, *Domashnyi skot v pover'iakh i magii vostochnykh slavian* (Moscow, 1994), p. 111.

²⁵ Belorussian practices described in L. I. Min'ko, *Sueveriiia i primety* (Minsk, 1975), pp. 106–107.

²⁶ Zhuravlev, *Domashnyi skot v pover'iakh i magii*, p. 24. This comes from the Tenishev archive, No. 509:11. For English foundation sacrifices of cats, and burials of cats as vermin scarers see Margaret M. Howard, 'Dried Cats', *Man*, LI, 1951, pp. 149–51.

²⁷ Ryan, *Bathhouse at Midnight* (note 9), pp. 185–86, 210–11, nn. 186, 187, 190.

²⁸ F. F. Bolonev, *Narodnyi kalendar' semeiskikh Zabaikal'ia (vтораia polovina XIX–nachalo XX v.)* (Novosibirsk, 1978), p. 60; Dal', *Tolkovyi slovar'* (note 10), s.v. *kost'*.

²⁹ Jauhiainen (note 8), D.106.

³⁰ See Ryan, *Bathhouse at Midnight* (note 9), p. 26, n. 35.

part of the evidence against an abbot in a court case in Russia in 1722.³¹ His connection with this particular piece of cat magic is not obvious, apart perhaps from the method of his martyrdom, which was to be boiled alive in a pot.

As I finish writing this piece I wonder if it is, after all, an entirely proper piece to offer to a cat-lover. One can see why cats need nine lives.

³¹ Ibid., p. 419.

Жизненная удача: знакомство и переписка с Джоном Симмонсом

А.Х. Горфункель

Кажется, это было в конце 1960 — в начале 1961 гг. Сотрудников ленинградских библиотек пригласили в Дом Кино на просмотр только что отснятого фильма о библиотеке Вольтера. О самом фильме у меня не осталось отчетливых воспоминаний: слишком много возникло впоследствии впечатлений, связанных с хранящимся в Публичной библиотеке собранием, с чтением маргиналий Вольтера, с расшифровкой его записей на титульных листах книг и его восхищенных или едких замечаний на полях — они за многие годы наслоились на первое, вероятно, вполне серьезное отношение к добротной работе кинематографистов. Как обычно, собравшимся предложили выступить с оценкой фильма. И, как часто бывает, возникла заминка: никто не собирался прервать затянувшееся молчание. Первым, кто решился выступить, оказался неизвестный мне человек. Прежде всего он поразил меня своим удивительным русским языком. Человек небольшого роста, одетый в непринятую в ту пору 'тройку' (костюм с вышедшим в те времена из моды жилетом) заговорил отличным, хотя несколько устаревшим по нашим понятиям, но в то же время безо всякого акцента, ясным русским языком. Его яркое и краткое выступление запомнилось, а по рядам прошел невнятный шорох: кто этот неведомый для собравшихся человек. Кто-то из Публичной библиотеки пояснил: выступавший был ученый из Англии доктор Джон Симмонс. Речи других участников обсуждения не остались в памяти. Вскоре, во время посещения Отдела редких книг Публичной библиотеки, нас познакомила Татьяна Александровна Быкова, хранитель коллекций русских старопечатных книг и составитель каталогов изданий Петровской эпохи.

В дальнейшем мы многократно виделись с д-ром Джоном Симмонсом во время его приездов в Ленинград, и в Научной библиотеке Ленинградского университета, и в Публичной библиотеке. Я получал от него оттиски и ценные публикации, посвященные русской истории. Очень рано я стал обмениваться с д-ром Симмонсом выпущенными мною каталогами: на них он откликался рецензиями в главном библиофильском журнале Англии 'The Book Collector'. Там были помещены его отзывы на Каталог инкунабулов университетской библиотеки, а также на Каталог книг кириллической печати 16-17 вв. и

Каталог палеотипов; еще раньше им была опубликована заметка о моей статье, касавшейся прижизненных изданий Джордано Бруно в библиотеках Ленинграда. Очень важными были и опубликованные д-ром Симмонсом сведения об инкунабулах в советских библиотеках — в то время они явились первыми сообщениями такого рода в зарубежной печати — задолго до выхода в свет сводного каталога инкунабулов.

Для понимания нашей дальнейшей переписки и книгообмена с Джоном Симмонсом необходимо прояснить некоторые обстоятельства. Советские ученые (а в особенности те из них, кто попадал в категорию ‘невыездных’ и для кого не только служебные командировки, но и туристические поездки были закрыты) не имели возможности получать книги из-за границы. Книжные фонды иностранных изданий в научных библиотеках, особенно в Ленинграде, были крайне ограничены. Правда, позднее для докторов наук была приоткрыта щель: они имели право получать книги на сумму 40 долларов в год, но условия были странные: если нужные книги не оказывались на книжном рынке (разумеется, речь шла только об изданиях, допущенных советской цензурой; к счастью, для историков античности и медиевистов это ограничение почти никогда не действовало), то на следующий год эта сумма не переносилась. После защиты докторской я, кажется, только один раз воспользовался этой благой возможностью. Единственным способом получения необходимых изданий был свой ‘личный’ книгообмен с коллегами. Д-р Симмонс превосходно понимал ситуацию и постоянно помогал своим корреспондентам. Я был одним из тех, кто широко использовал такую возможность; многие книги в моей библиотеке появились таким путем. Правда, когда я попросил прислать мне микрофильм книги из Бодлеянской библиотеки Оксфордского университета (сочинение итальянского философа и религиозного мыслителя Франческо Пуччи, изданное в 1592 г.), бдительная советская таможня ‘завернула’ присланный мне микрофильм отправителю, и мне ничего не осталось делать, как посетовать на судьбу итальянского эмигранта-еретика: при жизни его книга вызвала гневную отповедь со стороны католиков, лютеран и кальвинистов, а сам он был обезглавлен и сожжен в Риме; теперь он дождался кары от московских безбожников. Д-р Симмонс отметил в своем ответном письме, что я не утратил чувства юмора, и прислал мне ксерокопию книги. Впрочем, бывало и не до чувства юмора; после советской интервенции в Афганистан посылка книг и оттисков оказалась под более серьезной угрозой. На книгах, приносимых для контроля в Публичную библиотеку, даже если это были современные издания русских классиков, ставили жирный лиловый штамп, свидетельствующий, что книга допущена к отправке за-границу; в этих обстоятельствах я вынужден был вообще отказаться от пересылки

своих оттисков и книг. Много позднее, когда я рассказал об этом позорном штампе в письме к моему коллеге профессору Джованни Аквилеккье, он писал мне, что именно это насилие над книгой вызвало в нем особое отвращение.

Начиная с 1975 года оксфордский ученый издавал ‘Памятки’ — мемориальные публикации, посвященные русским коллегам, ушедшим из жизни. За двадцать лет им было опубликовано 8 таких изданий, включавших краткие биографические сведения, библиографию и портреты ученых — библиографов, историков и филологов, посвятивших себя служению книге, этому, по выражению Джона Симмонса, ‘Фирменному знаку человечества’.¹ Во времена ‘холодной войны’ это был редкий и выдающийся знак внимания к заслугам русских исследователей, с которыми его связывали долгие годы дружбы.

Наступившие годы перестройки облегчили переписку с зарубежными коллегами, а затем и поездки за рубеж. Воспользовавшись потеплением в международных отношениях д-р Симмонс именно в эти годы (начиная с 1986 г.) создает клуб, именующийся ‘Орденом галстуконосцев’ — общество, посвятившее себя служению книги. Его английское название — ‘4Cs Club’ — имело своим девизом; ‘Conserve — Consider — Contribute — Cooperate’, или, в русском переводе Ю.М. Левина, ‘Сохранять — Соображать — Содействовать — Сотрудничать’. Это, полу-серьезное, полу-шутливое объединение не имело ни устава, ни членских взносов, ни собраний, весь его ‘штат’ состоял из одного единственного ‘Основателя-Тирана’ (Founder-Despot), который сам и определял членство в нем; избранные им участники получали вместе с извещением подарок — галстук (дамы — брошь) с эмблемой четырех С. Основатель Ордена-Клуба выразил надежду, что, учитывая провозглашенную в СССР (и в странах советского блока) гласность и открытость, эта затея не вызовет у его восточно-европейских коллег сомнения и страха, а лишь доставит удовольствие to decent citizens (*‘poriadochnye lyudi’*).

Так оно и было; но у некоторых из членов нового ордена-клуба эта шутка вызвала тяжелые и малоприятные воспоминания. Как-то мне позвонил профессор Библиотечного института; мы с ним не были знакомы, но он нашел мое имя в списке ранее принятых ‘галстуконосцев’. Видно было, что он был явно испуган оказанной ему честью: слишком недалеко были времена, когда всякий, а тем более неожиданный контакт с заграницей, сопряженный с членством в какой-то непонятной

¹ Этим изданиям посвящена моя статья ‘Оксфордская биобиблиография русских книговедов (“Памятки” Дж.С.Г. Симмонса)’, опубликованная в ‘Историко-библиографических исследованиях’, вып. 7, Санкт-Петербург, 1998, с.146-155, а затем в английском переводе в журнале ‘Solanus’, vol. 14. 2000, pp. 5-12: ‘The Oxford Bibliographies of Russian Bibliographers: John Simmons’s *Pamiatki* and the 4Cs Club’.

организации, грозил слишком серьезными бедами. Я как смог успокоил его, сославшись на обычный британский юмор. Не слишком доверяя мне, он спросил: ‘Так Вы полагаете, что это в порядке юмора?’ Кажется, мои уверения не слишком подействовали на него, и через некоторое время он позвонил снова и получил тот же утешительный ответ. Мне было бы легко забыть этот, в общем-то малозначительный эпизод, если бы он не напомнил одну небольшую главу в позднейших воспоминаниях Ефима Григорьевича Эткинда, с характерным названием: ‘Так мы жили’.²

В последующие десятилетия Орден галстуконосцев-книговедов, посвятивших себя служению истории славянской (и не только славянской) книги вырос до двухсот членов, распространившись в России, в странах бывшего Советского Союза (Грузии, Литве и Украине), а также в Великобритании, Австралии, Бельгии, Франции, Германии, Ирландии, Израиле, Люксембурге, Нидерландах, Новой Зеландии, Польше, Румынии, Швейцарии и в США. За этой шутейно-серьезной (serio-comic) игрой проявилась попытка возвращения к гуманистическим устоям и ценностям европейской культуры. У членов ‘Клуба четырех С’ немало серьезных заслуг в изучении книги, начиная с издания фундаментальных каталогов библиотечных собраний и работы над созданием сводных каталогов славянской старопечатной книги — о чем д-р Джон Симмонс говорил в давние годы, когда это казалось несбыточной мечтой — в 1964 г., во времена празднования 400-летия выхода в свет ‘Апостола’ Ивана Федорова. Особенно существенным оказался вклад в изучение славянской старопечатной книги самого ‘Тирана-Основателя’ ‘Клуба четырех С’. Достаточно вспомнить изданные им каталоги-справочники филиграней З.Участкиной и Н.П. Лихачева, справочники по русской исторической библиографии. В последующие годы я сам стал предлагать кандидатуры в клуб ‘4С’ и рад был, что многие из них встретили его одобрение.

Переписка с д-ром Джоном Симмонсом продолжилась и в США; в первый же день моего появления в Бостоне (11 декабря 1993 г.) меня ожидало его письмо, присланное моей дочери в августе 1993 г., в нем он заверил ее в том, ‘that I am at his service here, and wish him — *i suoi* — all success’. В ближайшем письме я получил список — List of members of the 4Cs Club — ‘Ордена галстуконосцев’ в США, где наряду с другими участниками клуба (с некоторыми я уже был знаком, с иными вступил в переписку) обнаружил и свое имя.

Год спустя д-р Симмонс прислал мне рекомендацию в Русский исследовательский центр при Гарвардском университете, где с весны

² Эткинд Е.Г. Записки незаговорщика. Барселонская проза. С.Петербург, 2001, С.372-373.

следующего, 1995 года, я и имею честь состоять, получив благодаря этому возможность участвовать в работе Старо-славянского семинара и заниматься в одной из лучших библиотек страны, богатой как собранием славянских старопечатных книг (и их микрофильмов, полученных из российских библиотек), так и превосходными фондами новейших русских научных изданий, не говоря об интересующей меня по моей другой — итальянской — специальности коллекции западно-европейских изданий XV—XVIII веков в Гарвардском отделе редких книг и рукописей (Houghton Library).

Мы продолжали обмениваться научными публикациями. Среди них особо ценным был присланный мне каталог: ‘Cyrillic books printed before 1701 in British and Irish Collections. A Union Catalogue’, составленный Ральфом Клеминсоном, Кристиной Томас, Диляной Радославовой и Андреем Вознесенским, посвященный д-ру Джону Симмонсу (при посвящении была опубликована эмблема ‘Четырех С’) и с его предисловием.

Когда я послал д-ру Симмонсу статью ‘Вид на костер с балкона: Анна Ахматова — от Жданова до Жолковского’, напечатанную сперва в одной из бостонских русских газет, а затем в петербургском журнале ‘Звезда’ (с постановления о котором начался в 1946 г. очередной этап гонений на русскую интеллигенцию), он сообщил мне (в письме от 1 января 1997 г.), что передал копию статьи автору известных воспоминаний об Ахматовой Исае Берлину, а мне прислал сборник его литературоведческих статей. В ответ на мою полемическую статью ‘Игра без правил’, напечатанную в ‘Новом Литературном Обзоре’, и касающуюся попытки российского ‘не-стратфордianца’ опровергнуть авторство Шекспира, приписав его произведения супругам Ретлендам, он пожалел, что среди нас уже нет прекрасного исследователя творчества великого английского поэта профессора А. Аникста (также принадлежавшего к кругу ‘галстуконосцев’): ‘Had Sasha Anikst (4C) still been with us he would have put the *chudak* in his place’ (в письме от 11 мая 1998 г.).

Иногда мы отправляли присланные друг другу оттиски ‘по принадлежности’: так он передал подаренный мною автореферат кандидатской диссертации В.А. Ромодановской о Геннадиевской Библии, которая ‘deserves a doctorate in my opinion’ — ‘to Taylor Institution here and hope you will approve of my adding it to the collection’ (1 сентября 1999 г.); я в свою очередь отправил присланный мне д-ром Симмонсом буклет о коте адмирала Нельсона историку древней Руси, бывшему моряку и превосходному знатоку военно-морской истории профессору Ю.Г. Алексееву, и получил ответ: ‘Your reaction to the Nelsonian cat gave much pleasure. I’m happy to know that it is in appropriate hands in SPb’

(16 марта 2000 г.).

В переписке шла речь не только о наших собственных научных занятиях. С неизменным интересом и симпатией отзывался д-р Симмонс о моих коллегах, работы которых он прочитал (а потом свел и личное знакомство с ними во время их пребывания в английских библиотеках). Он радовался приезду в Англию моих друзей, сообщал о лекциях А.В. Блюма в Глазго и в Лондоне, которые ‘*made a very poriadochny impression*’ (12 марта 2000 г.). В его письмах встречаются одобрителные высказывания о русских исследователях старопечатной книги: ‘*An exemplary scholar*’, ‘*A good man*’, и написанные латиницей похвалы: ‘*Molodets!*’, ‘*Chudnoje pokolenie!*’. Когда я сообщил ему об археографическом ‘родословии’, восходящем от создателя Древнехранилища Пушкинского Дома Владимира Ивановича Малышева (через моих коллег и их учеников) к его ‘правнуку’ Андрею Владимировичу Вознесенскому, д-р Джон Симмонс вспомнил о своем давнем знакомстве-дружестве с Владимиром Ивановичем и о подаренном им складне XIX века; впоследствии он передал этот складень местной русской православной церкви в память о коллеге по занятиям славистикой Надежде Даниловне Городецкой.

На присланный мною сборник Владимира Бударagina ‘Книга посвящений’ — стихов, обращенных к его друзьям и коллегам по Пушкинскому Дому, д-р Симмонс ответил не только благодарностью (‘*splendid anthology which gave great pleasure*’), но и отметил ее связь с русской традицией: ‘*The genre is a peculiarly Russian one, I think — that of “occasional verse” [...] It is a charming activity, in any case*’.

Добрые отношения связывали д-ра Джона Симмонса с семьей Люблинских — Александрой Дмитриевной (исследователем средневековой Франции) и Владимиром Сергеевичем (вольтероведом и знатоком первопечатной книги); в свое время он пригласил Александру Дмитриевну в гости, дав ей возможность поработать в фондах тамошних библиотек; обоим были посвящены страницы в его ‘Памятках’. В России был подготовлен сборник памяти выдающихся ученых, включавший библиографию, воспоминания и их неопубликованные работы, а также исследования их учеников и продолжателей. Однако, издание затягивалось, и я счел необходимым сообщить об этом д-ру Симмонсу: подготовленная к печати книга ‘пока не имеет перспектив: у дирекции ГПБ-РНБ нет денег и желания издавать её’ (письмо от 16 августа 2000 г.). Я имел в виду, что д-р Симмонс найдет возможным как-то воздействовать на дирекцию: как и в прежние советские времена она больше прислушивалась к советам из-за рубежа. Однако ответ английского коллеги привел меня в радостное изумление.

Сразу же после получения моего письма д-р Джон Симмонс

откликнулся на него решительным образом: 'I was sad to hear the Ljublinskii volume is held up. You know how much I respected them both—*poriadochnye liudi* if ever there were such, and scholars who kept the flame of good learning and decency burning when to do so called for civic courage of the highest order. I have reached the time of life when I can afford to support good causes, and would sponsor the Liublinski volume [...]. I give you full power to negotiate with the Publichka on that basis. It would be an anonymous contribution to be made on publication' (24 августа 2000 г.). Я немедленно созвонился со своими знакомыми в Петербурге и попросил их передать предложение английского ученого составителю и редактору сборника Л.И. Киселевой. Состоявшаяся вскоре поездка в Петербург на Первые Лихачевские чтения дала возможность лично переговорить с ней об осуществлении этого издания. Уже в следующем году я имел возможность поздравить д-ра Симмонса с днем рождения и сообщить ему о выходе в свет сборника памяти А.Д. и В.С. Люблинских. Я все же пожалел, что там никак не обозначена его поддержка этого издания — но Людмила Ильинична Киселева сказала мне, что такова была его воля. В то же время — *Sapienti sat*: помещенная на титульном листе великолепная эмблема 'Ордена галстуконосцев' ('Клуба 4С') ясно указывала на прямую и тесную связь издания с 'Тираном-Основателем' ордена. Мне оставалось поблагодарить д-ра Джона Симмонса и от своего имени, и от всех учеников Александры Дмитриевны и Владимира Сергеевича.

С некоторым опозданием (17 июля 2001 г.) сборник дошел и до Оксфорда; надпись на титульном листе была датирована 21 мая — адресат отметил не без иронии: 'The posts were better in the eighteenth century' (в открытке, посланной мне в день получения книги).

В день моего 75-летия (11 июля 2003 г.) я был обрадован неожиданным телефонным звонком из Оксфорда; это был один из лучших подарков к моему Birthday. Полгода спустя я послал д-ру Симмонсу отпечаток из сборника 'Книга' с заметкой в связи с этим юбилеем, написанной моими учениками и коллегами Н.И. Николаевым и И.Х. Черняком. Вскоре я получил из Оксфорда отзыв об этой статье: 'It is a rare event to see a scholar's Contribution so accurately and affectionately presented'; далее в письме шла речь о сборнике 'Книга', который поддерживал 'flag of scholarship flying', публикуя работы А.А. Сидорова, Т.Н. Каменевой и А.С. Зерновой и многих других, 'who had the heart of the matter in them—yourself and even the capitalist, myself. Good luck to them!'

Читатели этой заметки могли обратить внимание на то, как часто в письмах д-ра Симмонса употребляется — в латинской транскрипции — термин '*poriadochnye liudi*' (decent citizens), свидетельствующий о моральной составляющей понятия интеллигенции — в полной мере он может быть применен к герою нашего сегодняшнего повествования. Мое

знакомство и переписка с д-ром Джоном Симмонсом принадлежит к числу самых несомненных жизненных удач.

В одном из писем д-р Джон Симмонс прислал мне ряд важных и в то же время serio-comic сетенций. Вот они:

OBITER LECTA SIVE PERFECTA

ALWAYS MAKE A NOTE

EMOTION IS A GOOD ENGINE BUT A LAMENTABLE
STEERING WHEEL

ONE IS SELDOM MORE INNOCENTLY EMPLOYED THAN
WHEN GIVING PLEASURE TO OTHERS

NEVER READ A BOOK WITHOUT A PENCIL IN ONE'S HAND

POST-IMPERIAL BRITAIN MUST LIVE BY HER WITS

THERE'S ALWAYS A MISTAKE [Simmons's Law]

THINK!

VIOLENCE — THE ARGUMENT OF THE BRUTAL AND STUPID

A WORLD DYING OF STUPIDITY

CONSERVE * CONSIDER * CONTRIBUTE * COOPERATE

Поборник книги и славянской культуры

Нечто вроде мемуара

Вилли Петрицкий

Почти три десятилетия творческого и дружеского общения с профессором Джоном Симоном Габриелем Симмонсом дают право начать эту статью с шутки. Кстати, дорогой юбиляр и сам не прочь пошутить. В одно из писем профессор вложил компьютерный ярлык, обрамленный изящными виньетками и знаменитыми четырьмя С по углам. В рамке из виньеток были заключены два изречения на русском языке. Сверху: 'Книга — огромная сила. В.И.Л.' (Владимир Ильич Ленин — В.П.) И под этим: 'Книга — фирменный знак человечества. J. S. G. S.'. Я бы предпочел оставить в рамке лишь последнее, сократив его на одно слово — 'фирменный'. Это слово отдает каким-то коммерческим душком...

Знакомство, к сожалению, лишь заочное, с Джоном Симмонсом следует отнести к середине 70-х годов прошлого века. Наслышанный о знаменитом британском библиографе и историке славянской и русской книги от давнего университетского учителя профессора Павла Наумовича Беркова, я отважился послать в Оксфорд мою книгу об Альберте Швейцере, сопроводив посылку кратким повествованием о своих научных и библиофильских интересах.

Каково же было мое удивление и, пожалуй, даже восторженное изумление, когда через некоторое время я получил из Оксфорда не только книги Швейцера и книги о нем на английском языке, но и ксерокопию статьи профессора Симмонса 'Библиотека Д.В. Ульянинского. Preface' — Cambridge, 1972. IV p. с лестной дарственной надписью: 'One of 100 "offprints" May 1974—this one for Willy Petrickij, bibliophile and philosophe (high callings!) of Leningrad. J. Simmons. Oxford. Dec. 1975'.

Мог ли я тогда предположить, что через многие годы мне доведется поздравлять Джона Симмонса, как и Альберта Швейцера, с девяностолетием со дня рождения!

В посылке находилось и обширное послание с предложением обращаться за помощью и пожеланием дальнейших успехов на избранном поприще. Симмонс знал, что именно в 1975 году его новый корреспондент стал преемником профессора Беркова, возглавив научную секцию книги и графики Ленинградского Дома ученых Академии наук СССР.

Минуло уже более двух десятилетий, но я и сегодня искренне

благодарен профессору Симмонсу за его отзывчивость и благородную помощь в самом начале моего творческого пути. Вполне закономерно, что девизом созданного Симмонсом 'ордена галстуконосцев', о котором речь пойдет ниже, стали четыре слова — *conserve* (сохранять), *consider* (соображать), *contribute* (содействовать) and *cooperate* (сотрудничать). Этот девиз дорогого юбиляра достоин стать девизом мирового сообщества ученых.

С течением времени переписка ширилась. Мы обменивались информацией о работе, мнениями о новых публикациях коллег. Почти в каждое из писем Джон Симмонс вкладывал оттиски своих работ и кратких библиографических справок из журнала 'The Library'. Поражало, какое количество статей и книг, изданных в СССР и в славянских странах, должен был прочесть или просмотреть рецензент для того, чтобы дать их краткую, но четкую аннотацию. Именно тогда стал понятен объем и масштаб кропотливой библиографической работы старшего коллеги.

Профессор Симмонс регулярно снабжал меня иллюстрированными, изданными на превосходной бумаге приглашениями на заседания Общества библиофилов Оксфордского университета, расспрашивал о работе секции книги и графики Дома ученых, о новых библиофильских находках. Помнится, в конце 70-х годов я сообщил о приобретении рукописей Максима Горького, Сергея Есенина и Константина Бальмонта. Рукопись последнего, предисловие к третьему изданию в России сочинений Перси Шелли, особенно заинтересовала моего уважаемого корреспондента, и Симмонс предложил мне тотчас же сообщить ему все, что я знаю о связи Бальмонта с Оксфордским университетом, пообещав в случае исполнения мною его предложения в назначенный срок порадовать меня библиофильским подарком.

К счастью, будучи достаточно знаком с творчеством Бальмонта, я немедленно ответил, что поэт бывал в Оксфорде и выступал в университете. Симмонс поблагодарил за быстрый и полный ответ, подтвердив свое намерение. Прошло немало времени. Мы обменивались письмами, но я не осмеливался напомнить о давнем обещании. И вдруг в неожиданном письме, которое последовало тотчас же за только что полученным, профессор сообщил: на конференцию в Ленинград едет молодой ученый, имя которого по прошествии лет запямятовал; он остановится в гостинице 'Ленинград' — ждите звонка.

Начало 80-х годов в СССР было, мягко говоря, неудобным. Власти, ожесточенные движением диссидентов, преследовали граждан за попытки получить неофициальную информацию. Встречи с иностранцами не только не поощрялись, но и преследовались. Через неделю последовал звонок из гостиницы. На хорошем русском языке назначались дата и час встречи: 'Ожидайте у окна регистратора. Я высокого роста. Буду в

темном костюме.’

Приехал в гостиницу минут за десять до времени встречи. Вестибюль полон милиции. Узнавать, что произошло, не было резона. Беспокойно хожу неподалеку от окна регистратора, изредка поглядывая на часы. Вот и десять. Из двери, ведущей в фойе, человек высокого роста в темном костюме не появляется. Проходит еще пять минут. Где же хваленая британская пунктуальность? И в этот миг молодой мужчина направляется прямо ко мне. Приветствуем друг друга: ‘Это для Вас’ — ‘Спасибо’ и, раскланявшись, спешно покидаю вестибюль гостиницы с пакетом, до боли сжимаемым правой рукой. Сворачиваю в первую попавшуюся улицу, затем — в другую, выхожу на набережную и, только сев в трамвай, решаюсь вскрыть пакет: ‘Боже! Какие сокровища презентовал мне мой старший друг!’

В пакете оказались три письма князя Петра Кропоткина, революционера, ученого, талантливое мемуариста; два письма Сергея Степняка-Кравчинского, также революционера и писателя; письмо лауреата Нобелевской премии известного ученого-биолога Ильи Мечникова. Письма Кропоткина и Кравчинского на английском языке. Они датированы 90-ми годами XIX века. Письмо Мечникова на французском языке, датировано 1903 годом.

Даже по истечении длительного времени невозможно передать великую радость, испытанную мною при получении столь щедрого дара. Ответил дорогому коллеге сердечным благодарственным письмом и вскоре опубликованной статьей ‘Подарок профессора Симмонса’ (Книжное обозрение, Москва, 30 апреля 1982). Сразу же возникло желание рассказать российским читателям об истории писем, об их авторах и адресатах. Начал раскопки в архивах, которые грозили затянуться надолго. Вновь пришлось обратиться за помощью к Джону Симмонсу.

Вынужден прервать хронологию повествования, чтобы пояснить: разыскание, а подчас и принесение в дар ценных историко-культурных материалов и документов российского происхождения, оказавшимся по тем или иным причинам за рубежом, стало, оказывается, для профессора Симмонса нормой поведения. Почетный доктор Оксфордского университета писатель Корней Чуковский сообщал в ‘Литературной газете’ (Москва, 11 окт. 1968), что редакция 13-томного собрания писем Ивана Сергеевича Тургенева приносит ‘глубокую благодарность ... Дж. С.Г. Симмонсу ... за его постоянную помощь в разыскании автографов Тургенева за рубежом.’

Большую и бескорыстную помощь оказал Джон Симмонс и мне в работе над статьей о письмах Петра Кропоткина. Он отыскал бесценные сведения о корреспондентах Кропоткина, а также

Кравчинского и Мечникова в газетах 'Staffordshire Advertiser' за 1914-й год, 'Манчестер Гардиан' за 1933-й год, в книге Чарлза Роули, 'Пятьдесят лет бескорыстного труда' (1912), во 'Французском биографическом словаре' (1956). Успех поиска несомненно был обеспечен высочайшим профессионализмом и талантом профессора Симмонса, ученого-библиографа.

Статья 'Три послания из прошлого. К 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина' была опубликована в журнале 'Нева' (С.-Петербург, 1992, № 11-12). Сведения об адресатах писем Степняка-Кравчинского и Мечникова использованы в моей книге 'Врезанные в память письма ...' (С.-Петербург, 1998). И в статье, и в книге, конечно же, выражалась глубочайшая признательность профессору Джону Симмонсу.

Оставляю коллегам возможность поведать о юбиларе как ученом-библиографе и историке славянской и древнерусской книжности и возьму на себя смелость хотя бы вкратце охарактеризовать профессора Симмонса как выдающегося историка культуры. Хотел бы вспомнить о том, что первой научной публикацией восемнадцатилетнего юноши была статья в сборнике Бирмингемского университета 'Почему Гамлет не убил короля?' Первая же работа молодого ученого удостоилась премии. И это было, на мой взгляд, вполне закономерно, так как она имела, в современных терминах, междисциплинарный характер. История Дании, шекспироведение, психологический, криминологический и литературоведческий аспекты сливались воедино в процессе выстраивания авторской гипотезы.

Тот же культурологический подход блестяще реализован профессором Симмонсом в большой работе о Генрихе-Вильгельме Лудольфе, авторе первой на Западе грамматики русского языка, переизданной в Оксфорде в 1950 году. Без знания специфики русской культуры эпохи предпетровских реформ, быта того времени невозможно было понять, *почему* Лудольф взялся за эту работу и, несмотря на трудности, выполнил ее. Ведь Лудольф побывал в Московии около 1693 года, а 'Grammatica Russica' вышла в свет уже в 1696 году, незадолго до возвращения Петра Великого из затянувшегося зарубежного вояжа.

Хотелось бы напомнить также, что Джон Симмонс впервые побывал в СССР в 1935 году, когда после убийства С.М. Кирова начала раскручиваться спираль 'большого террора' (в этом году был расстрелян мой отец). Безусловно эта действительно первая поездка ученого в Россию усилила его интерес к истокам русской культуры, так как без обращения к ним не удастся определить истинных противоречивых тенденций состояния и развития русской культуры того времени.

Характерно, что именно в страшном для советских людей 1937 году к изучению вклада Г.-В. Лудольфа в европейскую культуру обратились

крупные русские лингвисты — в Ленинграде вышла книга профессора Б.А. Ларина ‘Русская грамматика Лудольфа 1696’, а в журнале ‘Советское языкознание’ (1937, т. III) была опубликована статья на ту же тему профессора С.П. Обнорского. Думается, Джон Симмонс ознакомился с этими трудами, когда готовил в 1950 году к переизданию книгу Лудольфа.

Замечательным историко-культурным исследованием явилась статья Симмонса ‘Тургенев и Оксфорд’, опубликованная в журнале ‘Oxoniansia’ в 1968 году. В статье подробно на обширном фактическом материале исследована роль И.С. Тургенева в развитии и укреплении русско-английских культурных связей. Писатель многократно посещал Англию, начиная с 1847 года; был знаком с У. Теккереем; участвовал в 1871 году в праздновании столетия со дня рождения В. Скотта, а в 1879 году приехал в Оксфорд в связи с присуждением ему степени почетного доктора гражданского права Оксфордского университета.

Говоря об этой теме, нельзя не упомянуть интересную работу ‘Oxford’s Russian Honorary Doctors’ (1996). В ней представлен интереснейший историко-культурный материал, охватывающий период с 1602 года до наших дней. Профессору Симмонсу удалось выявить всех русских почетных докторов Оксфордского университета. Первым в 1763 году стал граф А.Р. Воронцов, а среди наших современников — Д.Д. Шостакович, К.И. Чуковский, А.А. Ахматова, М.Л. Ростропович, И.А. Бродский, профессор Ю.Д. Левин, академики Н.Н. Семенов, М.П. Алексеев, В.М. Жирмунский, Д.С. Лихачев, И.М. Гельфанд, А.Д. Сахаров. Особенно ценен библиобиографический комментарий к этой работе. Так, благодаря разысканиям Джона Симмонса, в комментарии можно ознакомиться с ранее неизвестными сведениями, например, о забытом генерале Н.А. Саблукове (с. 12).

Рассмотренная выше работа профессора Симмонса — следствие его увлеченных занятий в последние годы изучением истории Оксфордского университета, одного из старейших в Европе. В ‘Encyclopaedia of Oxford’ (1988) опубликован десяток статей ученого о выдающихся деятелях университета XIV—XIX веков, об университетской библиотеке. Все статьи содержат новый и ценный историко-культурный материал.

Библиофильство — неотъемлемый элемент развитой национальной культуры. Поэтому вполне понятно, что профессор Симмонс как книжник не мог в своей творческой работе обойти библиофильской проблематики. Еще в 1972 году с предисловием ученого в Кембридже вышло тиражом 225 экземпляров факсимильное воспроизведение трехтомника ‘Библиотека Д.В. Ульянинского’, признанного библиофильского раритета. Десять лет тому назад, в 1994 году, в Амстердаме был издан солидный двухтомник, посвященный коллекциям

знаменитого русского библиофила Н.П. Лихачева. Джон Симмонс принял участие в этом издании статьей ‘Nikolai Petrovich Likhachev (1862–1936): Scholar and Pioneer Russian Codicologist and Student of Watermarks’.

Результаты научных исследований профессора Симмонса не раз появлялись на страницах российских изданий. В сборнике ‘Книга. Исследования и материалы’ была опубликована его большая статья ‘О некоторых старопечатных кириллических книгах в Дублине’ (Москва, 1963, сб. 8). В книге ‘Русско-европейские литературные связи. Сборник статей к 70-летию со дня рождения академика М.П. Алексеева’ (Москва—Ленинград, 1966) напечатаны статьи ‘Тургенев и Оксфорд’ и ‘Самюэль Джонсон “на берегах Волги”’.

Английский ученый снискал глубокое уважение многих видных деятелей русской культуры. Мой старший друг академик Дмитрий Лихачев называл Джона Симмонса подвижником книги. Изучая древнерусскую культуру, Лихачев не раз обращался к трудам профессора Симмонса. Когда последний был редактором журнала ‘Oxford Slavonic Papers’, в этом издании печатались работы Д.С. Лихачева, М.П. Алексеева, В.М. Жирмунского.

Число русских корреспондентов Джона Симмонса поистине безгранично. Упомяну лишь немногих — М.П. Алексеев, А.А. Аникст, И.Е. Баренбаум, П.Н. Берков, А.С. Зернова, Н.П. Киселев, Т.Н. Копреева, Г.Г. Кричевский, Ю.А. Лабынцев, О.Г. Ласунский, Ю.Д. Левин, Д.С. Лихачев, В.С. Люблинский, А.И. Маркушевич, Е.Л. Немировский, Я.Б. Рабинович, А.А. Сидоров, Г.Г. Фирсов, С.О. Шмидт ... О трудах профессора Симмонса в России писали А.П. Гольдберг, О.Г. Ласунский (особо следует отметить его статьи в энциклопедическом словаре ‘Книговедение’, 1982, и энциклопедии ‘Книга’, 1999), С.П. Луппов, Е.Л. Немировский, Г.Г. Фирсов, К.И. Чуковский.

Профессор Джон Симмонс притягивал к себе интересных людей со всего света неизменной готовностью прийти на помощь, стремлением поделиться поистине безграничными знаниями. Он основал пользующееся широкой известностью неофициальное общество — Орден галстуконосцев. Передо мной лежит, очевидно, один из ранних списков восточноевропейских кавалеров Ордена (1988). В нем всего 14 имен. Из них — три москвича и семь ленинградцев (Б.Л. Кандель, Ю.Д. Левин, Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье, В.А. Петрицкий, Я.Б. Рабинович, С.А. Рейсер, Г.Г. Фирсов). В одном из последних (1994) насчитывается уже ... 68 имен. Москвичей — 22, петербуржцев — 33. В том же 1994 году профессор Симмонс писал мне: ‘Извините, что беспокою Вас, но я надеюсь сделать новый список: еще два имени из Петербурга — Ольга Петровна Лихачева из БАН и второй ..., кто сейчас возглавляет отдел редкой книги РНБ

[Н.А. Копанев — В.П.]. Дайте их координаты и все, что необходимо.’

Принадлежность к Ордену галстуконосцев высоко котируется как среди библиографов, книговедов, историков книги, так и среди библиофилов. Судя по кавалерам Ордена, хотя бы москвичам и петербуржцам, значительная часть их относится к элите российского книжного мира.

Привлекающей к Джону Симмонсу чертой его духовного облика выступает искреннее уважение к памяти предшественников, внесших существенный вклад в развитие науки о книге и книжной культуры. Не могу вновь не отметить большого историко-культурного и мемориального значения серии брошюр, посвященных российским библиографам, книговедам, историкам книги и библиофилам.

22 сентября 1975 года Джон Симмонс выступил с докладом на совещании британских библиотекарей-библиографов-славистов в Роял Холлоуей Колледже Лондонского университета. Доклад назывался ‘Русская библиография и некоторые русские библиографы’. К докладу была издана своего рода памятка с портретами русских ученых, о которых шла речь, и перечнем их основных трудов. И доклад, и памятка вызвали большой интерес.

Последнее и побудило профессора Симмонса продолжить подготовку и выпуск в свет подобных изданий. Впоследствии они обогатились краткими биографическими справками. Каждое из изданий завершалось стихотворением Самюэля Батлера ‘Не средь теней Стигийской скорбной тьмы ...’ (1912). С 1975 по 1994 годы были изданы восемь брошюр, в которых представлены двадцать известных деятелей российской науки о книге и библиофилии. В статье ‘Наш испытанный друг’ (Книжное обозрение, Москва, 17 августа 1990), посвященной 75-летию Джона Симмонса, я дал подробный обзор шести изданий.

В многолетней переписке с Джоном Симмонсом с его стороны уделялось постоянное внимание к деятельности секции книги и графики Петербургского Дома ученых Российской Академии наук. Два моих предшественника на посту руководителя секции — Т.А. Быкова и П.Н. Берков — стали персонажами упомянутых выше брошюр. Поэтому Симмонс ревниво относился к работе секции при новом руководителе. Члены секции и я благодарили маститого коллегу за лестное внимание и, в свою очередь, никогда не забывали об английском друге секции. На наших заседаниях не раз звучали доклады о научной работе и библиотеке профессора Симмонса, демонстрировались и обсуждались его новые публикации.

В 1995 году по решению бюро секции и Совета Дома ученых, возглавляемого академиком А.Д. Ноздрачевым, профессору Джону Симону Габриелю Симмонсу по случаю его 80-летия было

присвоено звание иностранного почетного члена секции книги и графики Петербургского Дома ученых Российской Академии наук. В числе почетных членов секции, избранных ранее, известные ученые-востоковеды академики В.М. Алексеев, И.Ю. Крачковский, историк литературы академик Д.С. Лихачев, члены-корреспонденты Академии наук П.Н. Берков, Н.К. Пиксанов. Таким образом, профессор Джон Симмонс попал в неплохую компанию... Кстати, недавно к этой компании присоединился еще один британский ученый, профессор-правовед Уильям Батлер.

Сезон 2000/ 2001 годов открылся в секции докладом профессора И.Е. Баренбаума, только что вернувшегося из Оксфорда, 'Друг русской и славянской культуры Джон Симмонс. К 85-летию со дня рождения.' Выступали также члены секции и ее гости. Экспонировалась грандиозная выставка.

Для меня лично профессор Джон Симмонс — образец Человека, который сам себя сделал. Для меня дорогой юбиляр — не только крупный ученый, но и Человек большой, щедрой души, Учитель и старший Друг.

Tribute to John Simmons, on the Occasion of a Milestone Birthday

James H. Billington

John Simmons was, during my years at Oxford (1950–1953), the very model of a scholar-librarian. He facilitated the use of resources in a dispersed library system and provided an example of how scholars can unselfishly advance the work of others. In the years since I have become Librarian of Congress I have often had occasion to think of, and to refer to, the example of John Simmons as the kind of knowledge navigator who is needed not just by scholars but by the world in general. Indeed, the programme we are working on, which I hope to leave behind as my final legacy to the Library of Congress, is designed to create a new type of knowledge navigator for this strange age in which digital and analogue materials must be mixed together to take scholarship on to the next stage of its development.

Oxford had, in the years when I was writing my doctoral dissertation there, very rich holdings but very inadequate cataloguing data. Because of this, anyone wanting to work—particularly in an exotic field, as Russian studies was still considered in those days—had a tremendous need for someone who knew what was where. John Simmons arrived, as I recall, at the Taylor Institution, and although his distinguished career later took him to the Codrington Library in All Souls College, he was from the very beginning a source of wisdom about the entire range of holdings in Oxford. He did not merely help search out the existence and location of things at Oxford. He suggested other places in England—Birmingham, where he had previously been, and London, where all scholars eventually have to go. He not only imparted valuable information about books, he procured the books in the stacks, brought them to the hungry reader. He often added comments of his own about the nature of the edition or the publisher, and little details about whether this or that Encyclopedia was ever finished under the difficult conditions that often prevailed in Russia. Not only I, but others, ranging from my dissertation supervisor, Sir Isaiah Berlin, to fellow workers in the field—all of us, whenever we would get together then or since to talk about materials and problems of research, would always have occasion to refer to John Simmons.

After I left Oxford and started teaching at Harvard, I remember seeing John at one of the first international Slavic conferences that was genuinely open to people from the West in the post-Stalin era. John was not only an intelligent and friendly face at the conference, but an excellent guide in meeting the true heroes of the Soviet period, who conserved that grand old tradition

of love of books and ranging curiosity by working in libraries rather than in the academies or universities, where propaganda and Marxist ideology were semi-obligatory. John not only knew these people but facilitated my contact with them in places like the rare books section of the Lenin Library. More importantly, he wrote excellent and often moving tributes to them as they retired or died. This distinguished Oxford librarian was in that sense celebrating for the Russian people the heroes that were otherwise neglected by their own culture. These bibliographic heroes tirelessly preserved and advanced a deep knowledge of Russian and Slavic culture under very difficult circumstances, and ones that prevented Russia itself from honouring them publicly. He also had a special love of unearthing neglected Russian and Slavic materials in various parts of the Oxford library complex. He was instrumental in launching and contributing heavily to *Oxford Slavonic Papers*, which became, when he was working with it, a major source for faithfully republished and lovingly annotated documents.

Aside from being an example and an inspiration as a dedicated librarian, John was also a dedicated guide through libraries. When we brought the Library of Congress's national support group, the James Madison Council, through Oxford in 1991, he gave them a marvellous tour of the Codrington and All Souls. Many of them commented that the best thing about visiting Oxford was their brief but inspiring exposure to John. It brought back memories of the time when he and his wonderful late wife would invite even lowly students to tea and the civilising effects of their hospitality. He was a great bibliophile, and I was happy to be able to purchase some of his excellent library of early Russian materials for the Kennan Institute of the Wilson Center, shortly after I founded it as a centre for Russian studies here in Washington.

More importantly, in my time as Librarian of Congress, I have benefited from my recollections of how he operated in determining what to look for in curators and the ideal way in which they should relate to scholars and others in search of materials. Indeed, my vision of future knowledge navigators is, in good measure, designed to combine the new searching techniques that digital material invites with the older, and in a way, far more fundamental skills of substantive knowledge and good judgement in weeding through materials, which John Simmons did so well, so lovingly, and so long at Oxford and elsewhere.

Finally, I would be delinquent if I did not mention John's frequent mailings of information about which Russians got honorary degrees at Oxford or the small *Lesefrüchte* that he mined from the constant exploration that he himself was doing amid the bibliographic treasures that he so graciously mediated to others.

What a great treasure and what a great example John Simmons has been for the world of scholarship and for the cause of civilisation.

Fedir Maksymenko: The Fate of a Bibliologist in the Context of Good, Bad and 'Mixed' Periods in the History of Ukrainian Scholarship

Iaroslav Isaievych

Fedir Pylypovych Maksymenko (1897–1983) was an outstanding Ukrainian bibliographer and a talented historian of early Cyrillic book printing in Eastern Europe. His bibliographies and book catalogues as well as his innovative essays on diverse bibliological problems made a vital contribution not only to book studies but also to the development of Ukrainian humanities as a whole.¹ Still, perhaps much more time-consuming and no less important was the almost invisible (and often not officially recorded) part of his activities. I refer here to what we call 'consultations', i.e. innumerable answers to questions from students, professionals, and professors, as well as hundreds of written replies to bibliographic inquiries. There was an impression that they covered almost all possible areas of human knowledge. However, what FP (let me call him by this abbreviation) loved most were questions related to practical and theoretical bibliology. Many of his letters turned into profound research articles in which Fedir Pylypovych disinterestedly and generously shared his vast knowledge with everybody who turned to him for help. Such consultations often included information which nobody except FP would be able to unearth in the most unexpected places. It is a pity that some authors used FP's discoveries to claim authorship for themselves.

Let me begin with a translation of excerpts from a short 'autobiography' written by FP for his file with the personnel department at his places of work. I will add my comments in brackets. Under the Soviet regime, those experienced in such matters knew that strictly the same text had to be repeated on all occasions. Differences in various versions of a CV, if found out, could be a pretext for coercing confessions about biographical facts which one considered safer to conceal.

Autobiography of Fedir Pylypovych Maksymenko.

I was born on 23 January, old style (5 February, new style) 1897 in the village of Bilenke, former Katerynoslav county, into the family of a [Orthodox] priest [Under the Soviet regime, most people preferred, if possible, not to recall clerical parentage. FP, on the contrary, in the entry on himself, written at the request of the editors of the *Ukrainian Soviet Ency-*

¹ On Maksymenko's life and works, see: M. L. Butryn, *Fedir Pylypovych Maksymenko: Bibliohrafichnyi pokazhchyk* (Lviv, 1983); N. F. Korolevych, *Bibliohraf Fedir Pylypovyych Maksymenko* (Kiev, 1996); N. F. Korolevych, *Ukrains'ki bibliohrafy XX stolittia* (Kyiv, 1998), pp. 170–99.

F. P. Maksymenko
School of Slavonic
East European Studies
University College London

clopedia,² considered it natural not to hide his 'social origins', which was not favourable for his career]. In 1917 I graduated from the Katerynoslav Theological Seminary and entered Kyiv University, where I remained until the end of 1918 when, because of the impossibility of supporting myself in Kyiv, I had to discontinue my studies and go to the Donbas. In 1919 to 1922 I worked in various cultural institutions, as a librarian at the Donetsk *gubernia* board of education, the manager of a *zemstvo* school museum (which after the coming of Soviet rule was reorganized into the county museum of regional studies), in Artemivsk [then Bakhmut] as the head of the library section of the county division for political education, and as the head of the *raion* library in Kostiantynivka. In connection with my official duties, I compiled a bibliography of Donetsk regional studies, published in a local pedagogical periodical *Prosveshcheniie Donbassa*.³ In 1922 I resumed my studies at the Kyiv Institute of People's Education (into which Kyiv University had been reorganized) and graduated from its History Department (at the Professional Education Faculty) in 1925. I did not work in schools, but concentrated on the areas of library science and bibliography in various libraries and research institutions in Kyiv.

Next, FP listed without break his places of work before the Second World War. The first was an academic library, the next were institutions not suited to his qualifications: 'I worked at the All-People's Library of Ukraine (before its reorganization as the Library of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR) as a librarian, then as an assistant of the department head, a research associate in the departments of 'Ukrainica' and, later, of acquisitions, and finally as a head of the newspaper department; [as an accountant of the production complex of the orphanage no. 10, 1933⁴]; as a librarian and statistician at the Woodworkers' Trade Union (1934–1935); as a librarian and bibliographer at the Kyiv Research Institute of Nutrition (1936–1937 and 1939–1941); bibliographer at the Kyiv Second Medical Institute; bibliographer at the Scientific Library of Kyiv University (1939–1941)'. [Identical years indicated for work at the last three institutions may indicate the necessity of leaving a job and returning to it or, rather, simultaneous part-time jobs in three libraries because the salary at any one place was insufficient].

Why did FP leave the rather prominent posts in the main library of the country and switch to the modest job of 'librarian and statistician'⁵ at the

² *Ukrains'ka Radians'ka Entsyklopediia*, vol. 8 (Kyiv, 1962) (second Ukrainian edition, vol. 6 (1981), p. 320). In Russian: *Ukrainskaia Sovetskaia Entsiklopediia*, vol. 5 (1981), p. 242.

³ *Materialy k bibliografii Donetskogo kraia (preimushchestvenno Bakhmutskogo uezda), Prosveshcheniia Donbassa* (Bakhmut, 1922), nos. 6/7, 8, 10.

⁴ This position is not mentioned in the autobiography quoted here.

⁵ In another version of his autobiography, FP called this job only accountant (*oblikovets*), which was one of the lowest grades in the bureaucracy. Perhaps, in order to survive, FP had to accept an extremely modest rank, but agreed to take care of the small book collection of the woodworkers' union. And perhaps, when writing CVs to find a better job he gave his position a relatively more prestigious title. This, of course, is merely my supposition.

Union of Woodworkers? The answer is clear to everybody who knows the changes in the political situation in Soviet-ruled Ukraine in the 1920s and 1930s. The turning point in FP's life and work was determined by the switch of the Soviet rulers from a comparatively tolerant cultural policy to one of unprecedented repressions and terror.

The first decade after the Civil War is known as the heyday of the humanities in Ukraine. As in other disciplines, it was the time of an upsurge in theoretical bibliology studies and practical librarianship. Until not so long ago Soviet authors ascribed this upsurge to the conditions created by the Bolshevik revolution. In fact, the successes of Ukrainian bibliology in the 1920s were not due to any good will from the Communist Party, but, quite to the contrary, they stemmed from the fact that before the 'full victory of socialism' the academic community was able to withstand, at least to some degree, the tutelage of the party, the security organs, and censorship. Initially, institutions established by the short-lived Ukrainian independent state (among them, the Ukrainian Academy of Sciences, the National (later All-People's) Library of Ukraine, and the Book Chamber of Ukraine) continued their activities in a professional and scholarly way, rejecting ideological pressure. The framework for bibliological studies was provided mainly by the National Library and the Ukrainian Scientific Institute of Bibliology, established in 1922 by Iurii Mezhenko. Despite occasional rivalry between the Library and the Institute, both of them contributed to the development of bibliology as a leading discipline in Ukrainian humanities. Belonging to the staff of the Library, FP also maintained good working relations with the Institute scholars. One major project of both institutions was preparatory work on the compilation of the Ukrainian National Bibliography (at that time often referred to as the Ukrainian Bibliographic Repertoire) to the highest possible standard. Most of FP's studies were in one way or another related to this principal task.

FP's contribution to the discussion of the scope of the Ukrainian National Bibliography was his article 'Boundaries of the ethnic territory of the Ukrainian nation' (1927).⁶ This title became widely known in the Ukrainian academic community, although not many people had an opportunity to read the article: both the text in the *Bibliotechnyi Zbirnyk* and as a separate publication had very small print runs, and only a few copies have survived to our day. Still, it was precisely this study that was later to provide the guardians of Soviet political correctness with major arguments for accusing FP of sympathies with 'Ukrainian bourgeois nationalism'.

FP's *magnum opus* was his 'Materials for a Regional Bibliography of Ukraine 1847–1929: A List of Bibliographic Works on Places in the Ukrainian SSR,

⁶ F. Maksymenko, *Mezhi etnografichnoi terytorii ukrains'koho narodu*, *Bibliotechnyi zbirnyk* (Kyiv, Vsenarodna biblioteka Ukraïny pry VUAN, 1927), 31 pp.

Bessarabia, the Don Region and the Crimea'.⁷ Evaluated highly by reviewers, this book contained bibliographic sources relating to Ukrainian territory within the USSR, and adjacent regions, including those with mixed Ukrainian–Russian and Ukrainian–Romanian populations.⁸ During his work at the National Library, FP also took part in compiling bibliographic works devoted to Taras Shevchenko, Ivan Franko, and Mykola Skrypnyk. In his review articles on Varfolomii Ihnatiienko's book *Ukrains'ka presa 1816–1923*, FP provided important corrections and additions to that valuable book.⁹

The opportunity to work, unhindered, in the area of bibliography and bibliology lasted only for several years. In 1931–1934 virtually all leading bibliologists were accused of nationalism. The majority were arrested and eventually were executed or died in the Gulag, among them Iaroslav Steshenko, Mykola Ivanchenko, Józef Zalewski, Mykola Makarenko, Adelaida Artiukhova, Vasyl' Ivanushkin, Varfolomii Ihnatiienko, Serhii Kondra, Fedir Ernst, Mykhailo Kozoris, Kost' Dovhan', Serhii Iakubskyi and others.¹⁰ Paradoxically, among those arrested and later shot, the last two—Dovhan' and Iakubskyi—had initiated the campaign against their colleagues as followers of bourgeois and even counter-revolutionary methodology. The first arrests were in 1929 and 1930, and most executions followed during the great terror of 1937–1938. Most of the survivors were those scholars who left Ukraine: Iurii Mezhenko moved to Leningrad, Dmytro Balyka to Gorkii, Viktor Ivanytskyi and Hryhorii Koliada to Central Asia.¹¹

Fedir Maksymenko by chance escaped arrest although he was compelled to offer 'public self-criticism' in 1931, lost his work at the academic library in 1933, and had to spend several years cut off from his professional job. Although after the alleviation of the terror he became a bibliographer at Kyiv University Library, between 1933–1947 he was not able to publish anything. Nevertheless, he continued his research: he collected materials on Paweł Jarkowski (who in the early nineteenth century was the first to teach bibliology in Ukraine), compiled a work on foreign medical bibliographic and reference publications, and worked on the continuation of his book on bibliographical sources for regional and local studies. The manuscripts of the last two studies were lost in the fire at Kyiv University in 1943. A short summary of FP's stud-

⁷ F. Maksymenko, *Materialy do kraie'znavchoi bibliohrafiï Ukraïny, 1847–1929: Spysok bibliohrafichnykh prats', shcho stosuïut'sia do okremykh mistsevostei URSR, Bessarabiï, Donu i Krymu* (Kyiv, 1930), XX, 264 pp. (Vsenarodna biblioteka Ukraïny pry VUAN).

⁸ Publications relating to Western regions of Ukraine could not be represented at that stage because of the impossibility of accessing many sources from abroad.

⁹ 'Do pytannia pro bibliohrafiïu ukraïns'koï presy', *Bibliotechnyi zhurnal*, 1926, nos. 6–8; *Zhurnal bibliotekoznavstva ta bibliohrafiï*, 1928, no. 2.

¹⁰ H. I. Koval'chuk, 'Spivrobytnyky UNIK—zhertvy politychnykh represii', *Naukovi pratsi Nacional'noi biblioteky Ukraïny im. V. I. Vernads'koho*, 2 (Kyiv, 1999), pp. 45–94.

¹¹ *Ibid.*, p. 92.

ies on the bibliography of Ukrainian bibliography was given in his paper delivered in December 1945 at a conference in Kyiv devoted to the resumption of work on the 'Bibliography of Ukrainian Books 1798–1914'.¹² This condensed but very comprehensive survey was published only in 1991.¹³ At a time when many authors mutilated their texts by self-censorship, FP mentioned among others the contributions to the bibliographic sciences of scholars executed in the USSR and emigrés living in the west.

During the German occupation of Kyiv FP was the head of the acquisitions department at the University Library. Later the fact of 'remaining on occupied territory' was considered by the Soviet authorities to be 'a black mark in one's CV'. Perhaps this was one of the reasons why FP moved to Lviv shortly after the war. For 37 years, from September 1946 until his death he worked in the Scientific Library of the Lviv Ivan Franko State University. He was the head of the Bibliography Department, later the Deputy Director for Research, and finally head of the Rare Books and Manuscript Division which he recreated after a period of disarray.¹⁴

FP's activities in the Lviv library were a blessing for this institution, one of the oldest libraries in Ukraine. He did his best to save the library from the incompetent actions of the then Soviet administrators. One of FP's major achievements was to develop an intensive book exchange with many libraries, including foreign ones. Unfortunately, his efforts were often paralyzed by ideological control. For example, when he obtained some valuable books from the Library of the Lublin Catholic University, including the first volumes of the *Encyklopedia Katolicka* and the review *Przegląd Humanistyczny*, his fellow-bibliographer insisted that publications of a Catholic institution were reactionary and had to be removed or placed in the Restricted Access Department. Moreover, the University administration ordered that any contact with Catholic institutions be discontinued.

A major bibliographic work from Maksymenko's Lviv period was the annotated list of publications (reference books, periodicals, statistical collections, publications of documents, etc.) containing information on the history of the settlements of Ukraine, mostly within its state borders.¹⁵ It was not possible to

¹² This happened at the time of a short-lived softening of Soviet cultural policy in Ukraine, when Iurii Mezhenko again became the director of the Academy of Sciences Library in Kyiv.

¹³ F. P. Maksymenko, 'Bibliohrafiia ukraïns'koï bibliohrafii', *Na shliakh do stvorennia reperturu ukraïns'koï khyzhky*, pidhotovka tekstu, prymitky L. Il'nyts'koï, avtor vstupnoï statti i vidpovidal'nyi redaktor Ia. Dashkevych (Lviv, 1991), pp. 19–28.

¹⁴ N. P. Shvets', 'Zasadi i nastanovy F. P. Maksymenka u formuvanni viddilu rukopisiv i ridkisnykh knyg', *Zbirnyk naukovykh prats Viddilu rukopysnykh, starodrukovanykh ta ridkisnykh knyh im. F. P. Maksymenka* (Lviv, 1997), pp. 6–12.

¹⁵ 'Zbirky istorichnykh vidomostei pro naseleni punkty Ukraïns'koï RSR: bibliohrafichni pokazhchyk', *Naukovo-informatsiyni biulten'* (Arkhivne upravlinnia URSSR), 1963, no. 4, pp. 79–86, no. 6, pp. 76–85; 1964, no. 1, pp. 88–98, no. 2, pp. 92–99, no. 3, pp. 89–101, no. 4, pp.

publish the work separately, but it was accepted for publication in the 'Bulletin of the Administration of Ukrainian Archives'.¹⁶ Many items in Maksymenko's bibliography were such rarities that FP was perhaps the only person able to discover them in extremely unexpected places.

Several bibliographies compiled or edited by FP were probably initiated by the University administration or by the faculty. Among them were a bibliography of the faculty, annual bibliographies of mineralogy, and some personal bibliographies.

However Maksymenko's favourite works were his catalogues of early imprints. A catalogue of the incunabula of the Lviv University Library supplemented by a list of incunabula in other Lviv collections was published, employing almost ludicrously low-level technology (with the text reproduced as a low-quality mimeograph on very bad paper) and in only 80 copies.¹⁷ Nevertheless, it became known to all those interested, thanks mainly to the review article by J. S. G. Simmons.¹⁸ For a long time incunabula studies were neglected in the Soviet Union, so FP's publication made an important contribution to their revival.

For several years, FP worked at compiling a catalogue of early Cyrillic imprints surviving in Lviv collections. For state-owned publishing houses (and there were no other publishing houses in the USSR) such antiquities were considered not important from the ideological point of view. However, they could be considered desirable if devoted to some officially recognized anniversary. So, FP proposed to Lviv University Publishers to issue this catalogue to mark the 400th anniversary of the appearance of Ukraine's first printed book, Ivan Fedorov's *Apostol* (Lviv, 1573–1574). All could have gone smoothly, if not for the fact that before censorship permission the manuscript had to obtain two 'internal reviews', i.e. expert opinions. One of those reviews (my own) was completely positive, but the second one, signed by the Chair of Editing Theory and Practice (*teorii i praktyky redaguvannia*) of the Ukrainian Institute of Polygraphy, demanded that the author exclude publications of Catholic liturgical texts because of their reactionary character. Finally, the catalogue was published but with cuts and after a long delay.¹⁹ Maksymenko's unique 'Bibliography of Ukrainian and Russian Bibliography on the History of the

64–71, no. 5, pp. 93–105.

¹⁶ Ivan Butych, the editor of the Bulletin, deserves credit for the decision to publish Maksymenko's work.

¹⁷ F. P. Maksymenko, *Pershodruky (inkunabuly) Naukovoï biblioteki L'vivs'koho universytetu: katalog* (Lviv, 1958).

¹⁸ J. S. G. Simmons, 'Incunabula in the USSR: Russia and the Ukraine', *The Book Collector*, 1965, vol. 14, no. 3.

¹⁹ F. P. Maksymenko, *Kyrylychni starodruky ukrain'skykh drukaren', shcho zberihaiut'sia u l'vivs'kykh zbirkakh (1574–1800): zvedenyi katalog* (Lviv, Vyshcha shkola, vydavnytstvo pry L'vivs'koho universtyeti, 1975).

Ukrainian SSR' (co-authored with R. Kats) was published in only 50 copies.²⁰ His list of foreign bibliographies on Ukrainian history, compiled with L. Vitruk and V. Riabokon',²¹ was condemned to remain in restricted access departments (*spetsfondy*). The same happened with the bibliography *Istoriia mist i sil L'vivs'koï oblasti* (1977), on which FP worked as advisor. The reason for the 'exile' of this book to the *spetsfond* was that it included such 'dangerous' items as lists of Greek-Catholic priests (*shematismy*) and I. Krypiakevych's guide book *Istorychni prokhody po L'vovi*.²²

Episodes like these explain why the postwar fate of Ukrainian bibliography is called 'mixed' in the title of this essay: it was not as favorable as in the 1920s but not as tragically bad as in the 1930s. At that time nobody could be arrested if he or she was not a dissident, but for 'political incorrectness' you could be dismissed from an academic institution or from a school. Fedir Pylypovych was highly respected by his colleagues and by part of the University administration but he was often annoyed by the lack of academic freedom. Travelling abroad was not possible for him. This was only partially compensated for by correspondence. Very important for him was his exchange of letters and books with J. S. G. Simmons. FP visited Leningrad to meet J. S. G. Simmons who was not able to come to Lviv as had been planned initially. The books sent by FP were reviewed by Dr Simmons,²³ and this was especially important for Ukrainian authors whose publications were as a rule unknown to Western specialists. For his part, FP readily shared with his colleagues and students books and articles received from J. S. G. Simmons and other scholars.

Contacts with numerous bibliophiles helped FP to build his personal library. The lion's share of his modest salary was used for the replenishment of his own collection and for buying books needed for book exchange. Understandably, the main focus of the library was on bibliography and bibliology, as well as Ukrainian history and culture; many items were unique. FP also owned valuable manuscripts, among them charters of Ukrainian hetmans from the Lubni Skarzhynska Museum and the manuscript book of poems made by the author, scholar, writer and bibliophile Mykola Zerov.²⁴ At the present time, the most important part of Maksymenko's collection, including books, manuscripts, and letters to him, belongs to the Kyiv historian and bibliologist Serhii Bilokin'. A small part of FP's library and his collection of

²⁰ F. P. Maksymenko, *Bibliohrafiia ukraïns'koï i rosiïskoi bibliohrafii po istorii URSR* (Kyiv, 1960), II, 154 pp. U nadzah.: Derzhavna istorychna biblioteka URSR. Spivavtor R. S. Kats.

²¹ F. P. Maksymenko, *Bibliohrafiï zarubizhnykh vydan' z istorii Ukraïns'koï RSR: bibliohrafychnyi pokazhchyk* (Kyiv, Naukova dumka, 1971), 199 pp. Spivavtory L. D. Vitruk, V. M. Riabokon'.

²² M. L. Butryn, 'Spohad pro vchitelia bibliohrafii', in N. F. Korolevych, *Bibliohraf Fedir Pylypovych Maksymenko (1897–1983)* (Kyiv, 1996), pp. 28–31.

²³ See, for example, *The Book Collector*, 1976, Spring, pp. 109–111.

²⁴ On him, see Ia. Isaievych, 'Ukrainian Translators of Classical Literature as Victims of Political Repression', *EOS* (Warsaw), vol. 89 (2002), pp. 346–347.

bookplates remained at Lviv University Library.²⁵ Maksymenko's letters are dispersed among the archives of his numerous correspondents. We can imagine the richness of the contents of FP's letters from published words of gratitude expressed by some of his correspondents. For example, the distinguished Ukrainian bibliographer and biographer of Maksymenko, Ninel' Korolevych, stresses that FP's letters to her often were valuable scholarly articles.²⁶ Evgenii L'vovich Nemirovskii, one of the most outstanding historians of the Cyrillic book, wrote several times about the importance of oral and written advice he received from FP.²⁷ The well-known Russian bibliophile Evgenii Dmitrievich Petriaev in his memorial address at a session of the 'Viatka Bibliophiles' club stressed that FP 'assisted greatly in finding information on the beginning of school education in Viatka, on Ukrainians who became prominent teachers there, and on the literary activities of Lavrentii Horka'.²⁸ After the appearance of FP's catalogue of early Cyrillic imprints in Lviv, the Basilian monk and historian Father Mykhailo Vavryk from Rome decided to publish an article 'on newly discovered' Pochaiv imprints of the eighteenth century,²⁹ meaning 24 Cyrillic books published before 1800, previously unknown to historians of the Pochaiv press,³⁰ which were described in FP's catalogue.

We could continue quoting the opinions of outstanding specialists on Maksymenko's contribution to all the main areas of bibliology, including bibliography, book history, bibliophily, practical librarianship, and library science. All who were fortunate enough to meet this unique man remember his kindness, modesty, and honesty. Unfortunately, professional achievements are not always accompanied by high human qualities. It was especially difficult to keep one's integrity in times when even essentially good people were forced to become denouncers or false witnesses. All the more, people like Fedir Pylypovych, who remained good in bad times, deserve the thankful memory of posterity.

²⁵ E. Stolova, 'Zbirka ekslibrisiv naukovoï biblioteky LDU: problemy zberihannia ta opysu', *Zbirka naukovykh prats' Viddilu rukopysnykh, starodrukovanykh ta ridkisnykh knyh im. F. P. Maksymenka* (Lviv, 1997), pp. 94, 103–105.

²⁶ N. F. Korolevych (note 1), p. 189.

²⁷ E. L. Nemirovskii, 'Fedor Filippovich Maksimenko', *Knizhnoe obozrenie*, 19 April 1997, p. 9.

²⁸ See the printed programme of the club meeting: 'Klub Viatskie knigoliuby. Zasedanie 122-e, 26 ianvaria 1984'.

²⁹ M. Vavryk, 'Novovidkryti pochaïvs'ki druki 18–20 storichchia', *Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni*, Sectio 2 (Rome, 1979), vol. 10 (16), fasc. 1–4, p. 170 sq.

³⁰ I. Tylavskyj, 'Monasterio di Počaiv. La sua tipografia e le sue edizioni', *ibidem* (1963), vol. 4 (10), pp. 239–292.

Plach Smirennogo Knigoveda, or the Tale of a Document Worth Publishing

Gary Marker

In August 1984 I had just arrived in Oxford for a five-month stay after spending half a year in Leningrad, working mostly in the riches of the archive of the Synodal Chancellery, located in the soon-to-be-closed Russian State Historical Archive. During one of my first meetings with John Simmons at All Souls College, I described one particular document that I had uncovered and copied in full among the hundreds that I had examined that year. After a brief conversation, John announced to me that ‘the document should be published’, a sentiment with which I was in complete agreement. Now, a mere twenty years later, I shall endeavour here to take a first step toward achieving that desirable goal.

The archive of the Synodal Chancellery (RGIA, f. 796) has long been a veritable documentary mother lode, intensively mined for many years by scholars researching almost any topic that involved the central institutions of the Russian Orthodox Church in the Imperial period. As the overseer of church affairs the Chancellery received summaries of virtually any activity that took place in its domain. These included the important business of religious publishing, the centres of which were the Moscow Synodal Press and the St Petersburg Press. For most of the Imperial period the Synod received quarterly reports from the presses that listed recent publications, press runs, costs, formats and new titles that had been approved for publication. Typically these were straightforward matters involving the reprinting of commonly used liturgical or school books whose stocks had been depleted. If a new or revised title were proposed, a lengthier file would be assembled, at the end of which the Synod would make a decision on whether or not to approve publication.

Taken together, these records provide a very complete publishing history of eighteenth-century Orthodox texts. Occasionally, however, an individual file offers a good deal more information, and it is one such *delo* that is the focus of this essay. In 1776, for reasons not mentioned in the relevant documents, the Chancellery ordered a complete checklist of all of its the Moscow imprints from the opening of the Moscow Press (*Pechatnyi dvor*) through its activities until the very beginning of 1777. The result of this labour, which must have involved many months of reconstruction from the records held in the Moscow Synod Office, the old *Prikaz knigopechataniia*, and the *Monastyrskii prikaz*, was presented to the Chancellery on 30 January 1777.¹ Organised chronologically,

¹ RGIA, f. 796, op. 58, no. 53: ‘Vedomost’ kakogo zvaniia knigi v moskovskoi tipografii s

it listed every publication of which they found a record, including title, size and press run, beginning in 7129 (1621).

The archivists who conducted the research found no records for the years 7130–7133, 7137 to 7142, and 7147. These had presumably perished in the fires that ravaged the Kremlin in 1626 and later, but the document itself does not speculate. Otherwise, they produced what they believed was a complete and verified roster of every title that the Moscow Press had produced during the previous 155 years. For most of this period the Press produced only *kirillitsa*, i.e. imprints in the old cyrillic orthography. However, during the mid-Petrine years, when the printed orthographies were in a state of flux, the press also printed books in the new civil type, and the inventory took note of this by differentiating between titles that were printed in the old orthography (thereafter termed *tserkovnyi shrift*) and those printed in the new (*grazhdanskii shrift*).

If we assume that the Synod's *chinovniki* did their job accurately, this inventory constitutes a singularly valuable source of information on the book culture of late Muscovy and beyond. Dozens of the listed imprints are otherwise unrecorded in existing indexes and catalogues, which in any case rarely include information about press runs.

Many of the titles are abbreviated, a commonplace of such inventories. But they can usually be deciphered with little difficulty. Some publications are listed in summary or generic categories (e.g. *sluzhby raznye*), but most are given specific titles.

Over the years I have made extensive use of this inventory in my own scholarship, particularly in reconstructing the publishing history of literacy instruction over two centuries.² These essays included footnotes that described the inventory rather explicitly and identified its location in hopes that an eager historical bibliographer might be inspired to seek it out and bring it into print. So far that has not happened, and with the threatened imminent closure of RGIA for several years, there is a certain urgency in directing scholarly attention to this material sooner rather than later.

So, what is to be done? Ideally, an ambitious and hard-working team of Russian *knigovedy* would use the Synodal checklist to construct a more complete catalogue of seventeenth- and eighteenth-century church publications, on the order of the various *svodnye katalogi* that came into print over the past four

nachala uchrezhdeniia eia do nyne pechataemye byli i po skol'ku ekzempliarov o tom pokazano nizhe sego', 51 leaves.

² Interested readers may consult the references in any of the following articles: 'The Petrine "Civil Primer" Reconsidered', *Solanus*, New Series, vol. 3 (1989), p. 25; 'Literacy and Literacy Texts in Muscovy: A Reconsideration', *Slavic Review* 49, no. 1 (Spring 1990), pp. 80–81; 'Primers and Literacy in Muscovy: A Taxonomic Investigation', *The Russian Review*, vol. 48 (1989), p. 1; 'Faith and Secularity in Eighteenth-Century Russian Literacy, 1700–1775', in Robert P. Hughes and Irina Paperno (eds), *Christianity and the Eastern Slavs*, vol. II: *Russian Culture in Modern Times* (Berkeley, University of California Press, 1994), p. 22.

decades. This approach would require a complete transcription of the list and then a comparison of its data with the existing catalogues of relevant publications, particularly those of A. S. Zernova, T. A. Bykova and M. M. Gurevich.³ It would further include the subsequent archival research conducted by I. V. Pozdeeva and others that has augmented somewhat the bibliography of seventeenth-century imprints.⁴ Unfortunately, these are not generous times for historical bibliographers, especially in Russia, where book studies in general have contracted greatly over the past fifteen years. Thus, a more abbreviated transcription and annotation may be the best we can hope for at the moment.

But the need is unmistakably there. We have known for quite some time that the existing catalogues of Muscovite and Imperial publications, no matter how carefully assembled, contained significant lacunae. This is especially true for *kirillitsa*, acutely so for the eighteenth century where Zernova's 1968 catalogue, assembled by a small team with few resources, has long been out of date.⁵ With the partial exception of *the Svodnyi katalog russkoi knigi grazhdanskoi pečati, 1725–1800*⁶ (hereafter *SK*), even the most handsomely supported catalogues relied upon a repository-centered methodology, that is, teams of bibliographers scoured the holdings and available shelf lists of the major research libraries in the former Soviet Union. From these sources they succeeded in compiling a thorough list of all the titles they could find, a union catalogue of imprints. Over the years a number of provincial libraries published their own catalogues of *kirillitsa*, which on occasion included previously unrecorded imprints.

Because these teams of Soviet-era researchers often included highly learned

³ A. S. Zernova, *Knigi kirillovskoi pečati, izdannye v Moskve v XVI–XVII vekakh. Svodnyi katalog* (Moscow, Gosudarstvennaia biblioteka SSSR im. V. I. Lenina, 1958); T. A. Bykova and M. M. Gurevich, *Opisanie izdanii grazhdanskoi pečati 1708–ianvar' 1725 g.* (Moscow, Akademiia nauk SSSR, 1955); idem, *Opisanie izdanii napechatannykh kirillitse, 1689–ianvar' 1725 g.* (Moscow, Akademiia nauk SSSR, 1958); idem, *Opisanie izdanii napechatannykh pri Petre I. Svodnyi katalog. Dopolneniia i prilozheniia* (Leningrad, BAN, 1972). See also A. Kh. Gorfunkel', *Katalog knig kirillovskoi pečati 16–17 vekov* (Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1970); I. V. Pozdeeva, I. D. Kashkarova and M. M. Lerenman, *Katalog knig kirillicheskoï pečati XV–XVII vv. Nauchnoi biblioteki Moskovskogo universiteta* (Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1980); M. Ia. Shaidakova, *Opisanie kollektsii knig kirillicheskoï pečati XVI–XX vekov Gor'kovskogo istoriko-arkhitekturnogo muzeia-zapovednika* (Gorkii, Volgo-Viatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975).

⁴ Among Pozdeeva's numerous publications, see the following two articles in *Solanus*: 'Istoricheskoe bytovanie izdanii Moskovskogo Pечатnogo dvora pervoi poloviny XVII veka', New Series, vol. 5 (1991), pp. 5–24; 'The Activity of the Moscow Printing House in the First Half of the Seventeenth Century', New Series, vol. 6 (1992), pp. 27–55.

⁵ A. S. Zernova, *Svodnyi katalog russkoi knigi kirillovskoi pečati XVIII veka* (Moscow, Gosudarstvennaia biblioteka SSSR im. V. I. Lenina, 1968).

⁶ *Svodnyi katalog russkoi knigi XVIII veka, 1725–1800*, 5 vols and a supplement (Moscow, Kniga, 1962–1975).

scholars, they were able to augment the library searches with references in the basic pre-revolutionary bibliographic works (A. I. Gavrilov, P. Pekarskii, V. S. Sopikov and others),⁷ that pointed to the existence of texts that had not been physically uncovered in any of the library holdings. They also incorporated Muscovite titles held in libraries outside the Soviet Union. Rarely, however, did these exhaustive *poiski* include systematic archival searches. The single noteworthy exception is *SK*, which benefited from D. D. Shamrai's many years of research in the Archives of the Academy of Sciences (AAN). Thanks to Shamrai, *SK* contains the press runs of most of the Academy's Russian language imprints.

The scholarship has long recognised that such a methodology, no matter how diligently executed, was imperfect. Some titles never made it into repositories, others were destroyed, victims of fire, flood, war, looting and shortages of hard currency. Paradoxically, we may have been undercounting, or missing altogether, those imprints that circulated most extensively, the relatively cheap imprints that were, as John Simmons observed long ago, literally read to pieces.⁸ This was the conclusion I reached some years ago in my study of seventeenth- and eighteenth-century Russian abecedaria. Virtually nonexistent in the world's research libraries, we nevertheless knew of their existence based upon occasional fragmentary references that S. P. Luppov and others had found.⁹ Were it not for the noted seventeenth-century German linguist H. W. Ludolf, who collected such texts while in Moscow, no copies would have survived. Even then, the single surviving Muscovite abecedarium of 1687, presented by Ludolf to Humfrey Wanley and purchased by the British Museum in 1873, lay miscatalogued and unknown in the stacks of the British Library until the 1980s, when good fortune and intrepid detective work by Christine Thomas and John Simmons rediscovered the volume and correctly identified it.¹⁰ The Synod inventory showed that these texts were, in fact, being reprinted

⁷ There are many such works, all well-known to Russian bibliographers. Three that have proven particularly useful are: the appendices to A. V. Gavrilov, *Ocherk istorii S. Peterburgskoi Sinodal'noi tipografii* (St Petersburg, Sinodal'naia tipografiia, 1911); P. Pekarskii, *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*, vol. II: *Opisanie slaviano-russkikh knig i tipografii 1689–1725 godov* (St Petersburg, Obshchesvennaia pol'za, 1862); and V. S. Sopikov, *Opyt rossiiskoi bibliografii*, 6 vols (St Petersburg, 1813–1821). There are quite a few other fundamental reference works that have contributed additional titles.

⁸ J. D. Barnicot and J. S. G. Simmons, 'Some Unrecorded Early-Printed Slavonic Books in English Libraries', *Oxford Slavonic Papers*, Old Series, vol. 2 (1951), pp. 98–99; V. M. Du Feu and J. S. G. Simmons, 'Early Russian Abecedaria in Oxford and London', *Oxford Slavonic Papers*, New Series, vol. 3 (1970), pp. 119–33; A. S. Zernova, *Nachalo knigopechataniia v Moskve i na Ukraine* (Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1947), p. 41.

⁹ See, for example, S. P. Luppov, *Chitateli izdaniia moskovskoi tipografii v seredine XVII veka* (Leningrad, BAN, 1983), pp. 131–32.

¹⁰ Described in *Cyrillic Books Printed before 1701 in British and Irish Collections: A Union Catalogue* (London, The British Library, 2000), no. 145.

annually and in ever growing numbers, from the 1640s onward. Thus, we had for the first time both a documentary record of many previously unrecorded abecedaria and a measure of their volume. When combined with the BL copy and additional archival data on printing costs and prices the inventory's list made it possible for the first time to construct a plausible social and textual picture of the first rung of the Muscovite ladder of literacy.

In order to give a more vivid sense of what this document contains and how the data might be used, let us take a brief look at the inventory's listings (odd spellings and all) for two years, 7145 and 7166.

A. Year 7145 [September 1636–August 1637] (archival list):

10° Potrebnikov	1150 ekzempliarov
10° Psaltyrei sledovatel'nykh	1150 ekzempliarov
10° Evangeliev naprestolnykh	1150 ekzempliarov
10° Trefologiev sentiabrskikh	1150 ekzempliarov
4° Chasosloviia bez kinovari	2300 ekzempliarov

Some technical elements immediately catch one's attention. Not only do we see the press runs of titles for which we previously had none, but we find that the standard unit of production (*zavod*) at this time was 1150, rather than 1200, which is what it became shortly thereafter and remained so at least until the late nineteenth century. When we compare this list to Zernova's 1958 catalogue of Moscow imprints for the sixteenth and seventeenth centuries we see a very close match. The only discrepancy between the two registers concerns a *Trebnik* (*Potrebnik* in the archival document), that, according to Zernova (no. 131), appeared slightly earlier, on 29 August 1636, or two days before the beginning of the New Year, than is suggested by the document. This close correspondence offers considerable reassurance that the archivists who conducted the 1777 inventory did indeed conduct a thorough and accurate review (as, of course, did Zernova). Thus, when the inventory lists otherwise unrecorded imprints, we can be confident that these imprints did exist at one time even if none are preserved.

B. Year 7145 (Zernova, *Knigi kirillovskoi pečati, izdannye v XVI–XVII vv.*)

No. 132.	Psaltyr' s vossledovaniem (4.X.1636)
No. 133.	Chasovnik (1.XI.1636)
No. 134.	Evangelie (3.II.1637)
No. 135.	Trefologion, pervaiia chetvert' (sentiabr'–noiabr'). Chast' osnovnaia (1.XI. 1637)
No. 136.	Trefologion, pervaiia chetvert'. Chast' dopolnitel'naia (sluzhby preimushchestvenno russkim sviatim) (1.VI. 1637)

Let us repeat the exercise for the year 7166 (September 1657–August 1658), a time when Muscovite publishing lay in the very eye of the liturgical storm generated by Patriarch Nikon's reforms.

A. Year 7166 [September 1657–August 1658] (archival list)

list. Evangeliev naprestolnykh	1200 ekz.
10° Psaltyrei sledovatel'nykh	1200 ekz.
5° psaltyrei	1200 ekz.
5° sluzhebnikov sredneiu pechat'iu	1200 ekz.
5° sluzhebnikov shestago vykhoda sredneiu pechat'iu	1200 ekz.
Listov ispovedaniia Pravoslavnye very vyruch vo edinogo Boga s grecheskago perevedennykh	3600 ekz.
Popovskikh stavlennykh otpusknykh gramot	1200 ekz.
Diakonskikh stavlenykh gramot	2400 ekz.
Azbuk malykh	4800 ekz.
5° sluzhebnikov srednei pechat'i	1200 ekz.

B. Year 7166 (Zernova)

No. 274	Sluzhebnik (10.X. 1657)
No. 276	Psaltir' (12.II.1658)
No. 277	Psaltir' s vossledovaniem (17.III. 1658)
No. 278	Sluzhebnik, Chast' I & II (15.V. 1658) 5-e izd.
No. 279	Sluzhebnik, Chast' I & II (1.VII.1658) 6-e izd.

Once again, the two lists correspond to a large degree, although one reproduces press runs and the other does not. In addition, Zernova's catalogue includes none of the widely circulated single sheets of instructions, oaths and prayers (*diakonskie gramoty*, *popovskie gramoty*, *listy ispovedaniia*), the very texts through which the Church hierarchy endeavoured most aggressively to impose fealty to its own authority and the authenticity of the translations from the Greek. That all of these brief publications were reprinted regularly and in very large quantities indicates that the Patriarchate was determined to get the word out massively and continuously. Zernova's catalogue also excludes the abecedarium (*azbuka malaia*), 4800 copies of which had been produced in that year. None of this is surprising, since these formulaic texts were never intended for permanent repositories, but it does demonstrate the invisibility of two entire strata of Muscovite print and textuality in the library-based catalogues.

These two brief examples provide merely a foretaste of the creative lines of analysis in socio-cultural history, historical bibliography and the history of printing that the Synod inventory makes possible. For the eighteenth century, the full range of whose religious publishing remains little known, the

uses are greater still. Let us imagine, for example, a full checklist of individual saints' lives published in the late seventeenth and eighteenth centuries, a time when the church authorities were endeavouring to harness and delimit the uncontrolled proliferation of local and unsanctioned cults of saints. Generally speaking, church authorities were reluctant to disseminate individual vitae for any but the most venerated and universally approved saints, whether Russian or Byzantine. Hence, a roster of printed *zhitiia* and their press runs offers a heretofore unavailable view of official church policy toward the popular veneration of individual saints. And this is just the beginning . . .

Издания московского Печатного двора в период патриаршества Никона

А.А. Гусева

В мае 2005 г. исполняется 400 лет со дня рождения седьмого патриарха московского и всея Руси Никона (в миру Никита Минов; умер 17 августа 1681). Церковные реформы патриарха Никона 1653-1656 гг. привели к расколу в России — отделению от русской православной церкви части верующих, не признавших реформы.

Деятельность Никона, после избрания на патриарший престол (25 июля 1652) ставшего также во главе московского Печатного двора, привела к заметному расширению репертуара издательской продукции типографии, к серьезному исправлению текстов богослужебных книг по древним греческим и славянским спискам, и, в связи с этим, к сознательному изменению оформления 'новоправленных' изданий.

В Российском государственном архиве древних актов (Москва) в Приказе Книгопечатного дела (Ф. 1182. Оп. 1, д. 69, л. 79-82) хранится *Роспись новоправленным книгам, с которого году начали править з греческих и сколько которых книг, в котором году из дела вышли*. В *Росписи* учтено 76 изданий с 1654 по 1674 гг.¹ За короткий период патриаршества Никона (25 июля 1652-10 июля 1658) выпущено в свет 54 издания, причем о 15 из них мы знаем только по документам. Среди 'новоправленных' изданий — *Апостол*² *Исповедание православной веры*,³ *Минея общая с праздничной*,⁴ *Служебники*,⁵ *Требник*⁶ и др. Впервые изданы *Букварь* (1657), о чем говорится в самой книге: 'в типографии первое издадесе'⁷ и *Ирмологий* (1657): 'внове и первое от греческа мудра и славна діалекта, на многородословный славенскій діалект издахом',⁸ два сочинения самого патриарха Никона — *Грамота о Крестном монастыре*⁹

¹ Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог. Вып. 3: 1651-1675 / Сост. Л.Н. Горбунова, Е.В. Лукьянова. — Москва, 2003. С. 226-236.

² Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI-XVII веках. — Москва, 1958, № 247; Горбунова, Лукьянова, 2003, С. 49, № 14.

³ Горбунова, Лукьянова, 2003, С. 202-203, № 25.

⁴ Зернова, 1958, № 251; Горбунова, Лукьянова, 2003, С. 54-56, № 18.

⁵ Зернова, 1958, № 243, 257, 269, 271, 274, 278, 279; Горбунова, Лукьянова, 2003, С. 40-44, № 11; С. 59-62, № 22; С. 200-201, № 19; С. 73-74, № 31; С. 75, № 33; С. 80-81, № 36; С. 85-86, № 39; С. 203, № 27; С. 86-89, № 40.

⁶ Зернова, 1958, № 280; Горбунова, Лукьянова, 2003, С. 89-91, № 41.

⁷ Зернова, 1958, № 275; Горбунова, Лукьянова, 2003, С. 82, 226, № 37.

⁸ Зернова, 1958, № 272; Горбунова, Лукьянова, 2003, С. 75-78, № 34.

⁹ Зернова, 1958, № 267; Горбунова, Лукьянова, 2003, С. 72, № 29. *Грамота* выпущена в связи с основанием патриархом Никоном на Белом море Крестного Кийского монастыря.

и *Поучение о моровой язве*,¹⁰ а также *Грамоты*¹¹ ‘для государственных и церковных нужд’.

Книжная продукция следующим образом распределяется по годам ее выхода в свет: в 1652 г. вышло пять изданий, в 1653, 1656-1658 гг. — по восемь, в 1654 г. — четыре, в 1655 г. — девять, точная дата для четырех изданий не установлена. Как видно из приведенных данных, меньше всего изданий вышло в 1654 г. Столь малое количество выпущенных изданий объясняется эпидемией чумы (‘моровое поветрие’), охватившей Москву. С 3 августа 1654 г. по март 1655 г. была приостановлена работа на московском Печатном дворе, когда из 150 человек в типографии остались работать только 25.¹² Документальные свидетельства о начавшейся эпидемии в Москве

‘Патриарх Никон в 1639 г., будучи еще иеромонахом, проплывая по Белому морю из Анзерского Соловецкого скита, был застигнут бурей и едва спасся, пристав к пустынному острову Кию, где тогда же поставил крест. В 1652 г. уже в сане митрополита московского он был послан для сопровождения мощей св. Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву и на пути заехал на остров Кий, где нашел крест нетронутым и тогда же дал обет воздвигнуть монастырь во имя Животворящего креста. По *Грамоте* 1656 г. велено строить монастырь, которому дано название Крестный, по-гречески Ставрос. Необитаемый и никому тогда не принадлежавший остров Кий был отдан во владение монастыря. На месте, где Никоном был поставлен крест, сооружена часовня.’ (См.: *Зверинский В.В. Монастыри в Российской империи.* — СПб., 1887. — № 891.)

¹⁰ *Зернова*, 1958, № 270; *Горбунова, Лукьянова*, 2003, С. 74-75, № 32.

В 1654-1655 гг. царь Алексей Михайлович участвовал в военных действиях против Речи Посполитой. Патриарх Никон фактически управлял страной. Забота о царской семье также легла на плечи патриарха. Отъезд Никона и царской семьи из Москвы по случаю моровой язвы вызвал народное волнение. В *Поучении* Никон доказывал Священным Писанием, что убегать от моровой язвы и вообще от бедствия не является грехом.

¹¹ *Зернова*, 1958, № 255; *Горбунова, Лукьянова*, 2003, С. 200, № 16, С. 203, № 26, 204, № 28.

Следует также отметить еще три издания, вышедшие из типографии Иверского монастыря в 1658-1661 гг., в которой Никон ‘дозволил’ печатать книги по-старому, без исправлений. Во время русско-польской войны (‘брани’) 1654-1656 гг. в Россию из Речи Посполитой переселилось братство Оршинского Кутеинского монастыря во главе с игуменом Иоилем Труцевичем. В 1655 г. в ‘новосозданный’ патриархом Никоном Иверский монастырь под Новгородом перевозится и типография братства. Первым изданием этой типографии стал *Часослов* (1 марта 1658), как сказано на титульном листе: ‘В строении: С: Никона, патриарха моск. ново типом издася.’ Вторая книга типографии, состоящая из двух частей, называлась *Рай мысленный* (28 окт. 1658-3 авг. 1659). В ней наряду с произведением Стефана Святогорца *Сказание о святой горе Афонской*, напечатано и *Слово благополезно о создании монастыря Пресвятыя Богородицы Иверския*, автором которого являлся патриарх Никон (‘Списано смиренным Никоном патриархом в той же обители будучи’). *Слово...* — третье из опубликованных при жизни патриарха Никона произведений. Последнее из известных изданий типографии — *Брашно духовное (Псалтирь с воследованием)* — печаталось по распоряжению Никона и вышло 19 октября 1661 г. В предисловии *К православному читателю* говорится, что *Брашно духовное* ‘еще на Белой Росии в монастыри Кутеенстем начахом тиснением печатным издавати, нашедше же брани оставлены сию и не dokonчану нами убогими монахи бывшу’, было продолжено печататься в типографии Иверского монастыря ‘во общую пользу православного российского рода и многочисленного словенского языка’. (См.: *Зернова*, 1958, С. 138-139, № 1-3.)

¹² *Зернова*, 1958, № 275. Московские кирилловские издания XVI-XVII вв. в собраниях

приведены и в послесловии к *Псалтири с воследованием* (26 сент. 1655), в котором констатируется, что тексты *Канона Иисусу* и *Акафистов* в ней остались неисправленными из-за бегства работников Печатного двора. Патриарх уезжал вместе с царской семьей. Работа в типографии возобновилась после его возвращения.¹³

Книги печатались в Деревянных хоромах, в Отворотной и Никольской палатах Печатного двора. Известны имена наборщиков, в обязанности которых также входила и покупка бумаги для предстоящих изданий: Андрей Мартемьянов, Василий Мартынов, Ефим Семенов, Ефим Фролов, Иван Варфоломеев, Иван Федоров, Константин Данилов, Корнило Венедиктов, Семен Гаврилов, Федор Васильев, Федор Исаев Меньший, Федор Федоров и старец Филарет.

Корректорскую правку в типографских оттисках производили 'книжные справщики' московского Печатного двора. Во времена патриарха Никона 'справой' занимались архимандрит Андронникова монастыря Сильвестр, старцы Иосиф, бывший ключарь Чудова монастыря, Савватий, монах Чудова монастыря, Матфей, Евфимий, иеромонах, уставщик Чудова монастыря, иеромонах Арсений Грек, а также Захарий Афанасьев и Захарий Новиков.

В экземплярах изданий этого периода наблюдается большое количество листов, вставленных вместо удаленных ('картон', 'четвертки'), что, несомненно, вызвано тщательной редакцией текстов богослужебных книг. Так, в *Служебнике* (31 авг. 1655. — 388 л.) по указу патриарха Никона из готовых книг были удалены 95 листов и вклеены новые с исправленным текстом, а в *Триоди постной* (17 марта 1656. — 738 л.), печатавшейся с киевского издания, заменили таким образом 121 лист.

Из библиографии известно местонахождение трех корректурных ('кавычных') экземпляров московских никоновских изданий: *Минея общая с праздничной* (9 дек. 1653), *Сборник Скрижалъ* (окт. 1655-2 июня 1656), *Служебник* (1 июля 1658) и один 'кавычный' экземпляр киевского издания *Триоди постной* (18 янв. 1648), с которого была сделана московская перепечатка *Триоди постной* (17 марта 1656). Все названные книги хранятся в РГАДА.¹⁴

Обычный тираж ('завод') московской книги в это время составлял 1200 экземпляров. Листы *Исповедание православной веры* напечатаны тремя

РГАДА. Каталог. Вып. 1: 1556-1625 гг. / Сост. Е.В. Лукьянова, Л.Н. Горбунова. — Москва, 1996. — С. 158-159. Число погибших в Москве за время эпидемии чумы равнялось по разным источникам от 300-350 тысяч до 480 тысяч человек. См.: Васильев К.Г. История эпидемий в России. (Материалы и очерки). — Москва, 1960. — С. 57, 59.

¹³ Зернова, 1958, С. 79, № 258.

¹⁴ Горбунова, Лукьянова, 2003, С. 55, № 18.2, С. 70, № 28.8, С. 87, 88, № 40.1.2, 40.2.2, С. 64, № 27.

тиражами (3600 экз.), *Азбуки* — двумя (2400 экз.). Следует отметить, что ни одного экземпляра указанных изданий до сих пор не найдено. О тиражах 14 изданий сведений не сохранилось. Единственный случай в издательской практике Печатного двора в XVII в. указания на тираж издаваемой книги отмечен в *Кормчей* 1653 г. ('святых сих книг тысяща двести выданы'). Всего по предварительным подсчетам в свет выпущено около 85 тысяч экземпляров книг и отдельных листов. Статистика позволяет говорить, что из этого количества экземпляров до наших дней дошло приблизительно 1300 книг, то есть около 1,5 процентов.

Бесплатно ('безденежно') книги подносились царю, патриарху, отдавались в Приказ Большого дворца (для раздачи монастырям и церквям) и Приказ Книгопечатного дела ('в запас впредь для преводу', 'про запас', 'в казну про запас'), ими награждались справщики, к этой же категории книг относились и все корректурные ('кавычные') экземпляры, которые оставались в 'правильне'. Книги дарились в 'простом' переплете, в переплете золотообрезные, без переплета ('в тетрадах').

По опубликованным документам Приказа Книгопечатного дела установлено, что с 1653 по 1658 гг. указы об издании книг выходят не от имени царя Алексея Михайловича, как было раньше, а от имени патриарха Никона, с именованим его 'великим государем'. 'Безденежное' получение книг по мере их выхода из печати (50, 100 экз.) переходит из Приказа Большого дворца к патриарху. Подносные экземпляры предназначались только патриарху.¹⁵

Необычно большая партия *Служебников* 1658 г. (200 экз. на общую сумму 240 руб.) была отправлена бесплатно 'на раздачу по церквам' по указу патриарха Никона в Нижний Новгород. Как правило, на присланных от имени царя и патриарха книгах делались записи. Так, на экземпляре *Сборника 'Скрижаль'* (1656), хранящейся в Российской государственной библиотеке, имеется автограф патриарха Никона и запись старца Зосимы о получении книги от патриарха: 'Никон Божию милостию архиепископ царствующаго града Москвы и Всея Великия и Малыя и Белыя Росии патриарх';¹⁶ 'Дачя велико государя святейшаго Никона архиепископа царствующа града Москвы и Всея Великия и Малыя и Белыя Руси патриарха по прошению убогаго старца Зосиме. Лета 7165-го [1656/1657] года в разореной монастырь пустыню в Старецкой уезд'.¹⁷

С августа 1655 г. по июль 1658 г. на московском Печатном дворе *Служебник* выдержал семь изданий. В основу перевода лег венецианский

¹⁵ Горбунова, Лукьянова, 2003, С. 7.

¹⁶ Л. 1-11 3-го сч. РГБ. НИО редких книг (Музей книги). Инв. МК XV-XVIII вв. — 8687.

¹⁷ Там же. Л. 1-12.

Служебник 1602 г., напечатанный на греческом языке. Первая редакция перевода подверглась справщиками тщательной проверке по древним греческим и славянским спискам, которых было бесчисленное множество, написанных в разное время, в разных странах и разными переписчиками. И всякий раз при новом переиздании *Служебника* текст его претерпевал определенные изменения, так как справщики находили все новые уточнения. В конечном счете Собор 1667 г. запретил производить исправления *Служебника* и вменил всем в обязанность следовать тексту его последнего издания. В конце своего патриаршества Никон пришел к убеждению, открыто им высказанному, что старопечатный и 'новопечатный' *Служебники* 'обои добры'.

Большинство изданий этого периода имеют предисловия, в которых подробно говорится об исправлении текста книг по древнейшим греческим и славянским рукописям. Самое большое предисловие предваряет издание *Служебника* 31 авг. 1655 г. (с. 1-45), написанное предположительно справщиком Епифанием Славинецким: *Предисловие к читателем, и Сказание о еже како и кѣми исправися сія божественная книга служебник, с древних греческих книг, святыя горы Афона, и прочих, и харатейных славенских*. Именно это издание явилось первым, исправленным после Собора 1654 г. Предисловие переиздавалось дважды (*Служебник*, 31 июля 1656, 5 мая 1657). В *Предисловии к читателем* рассказывается: о Соборе 1654 г.; поездке по поручению патриарха Никона старца Арсения Суханова 'во Афонскую гору и во иныя святыя старожитныя места' с целью привоза в Москву 'старописанных' книг. В разных монастырях Афона старец отобрал и отослал в Москву 500 книг 'греческим языком писанных'. Среди них *евангелия, служебники, апостолы, апокалипсисы, сочинения* 'древних великих православных восточныя церкви учителей' Василия Великого, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, *уставы, октоихи, триоди, минеи, часословы* и 'прочия святыя книги'. В предисловии даются краткие характеристики конкретных книжных памятников; приводятся сведения о том, что 'в град' Москву от иерусалимского, антиохийского, александрийского, сербского патриархов и многих митрополитов 'от православных стран' прислано не менее 200 'различных древних и святых книг'; говорится и о том, что 'премудрым повелением' царя и патриарха 'отвсюду из древних российских книгохранилищ' Великого Новгорода, из монастырей Троице-Сергиева, Юрьева, Хутынского, Иосифо-Волоцкого и 'прочих градов, и честных монастырей' собирались в Москве 'древния святыя книги от греческа языка на славенский ... вящие преведенныя и на хартии писанныя'.

В *Служебнике* в *Предисловии к читателям* царь и патриарх впервые называются 'премудрой двоицей' (Бог 'избра в началство и снабдени

людem своим сію премудрую в заповедех его присно пребывающую двойцу: великаго государя царя ... Алексея Михайловича ... и великаго государя святейшаго Никона патриарха московскаго, ...').

В издаваемые патриархом Никоном книги была внесена поправка в написании имени Христа: Иисус вместо Исус, в изображении крестного знамения произошла замена двоеперстия троеперстием, утвердилось также изображение четырехконечного креста ('латинский крыж', 'печать антихристов', как называли его старообрядцы) вместо восьмиконечного и т.д.

Изменения в книгах московского Печатного двора коснулись не только содержания, но и оформления самих издаваемых текстов. Начиная с 1655 г., происходит замена в книге счета листов с фолиации на пагинацию, вводится кустод, колонцифра переносится с правого нижнего угла наборной полосы в правый верхний угол, для оформления наборной полосы стали использоваться наборные украшения, столь характерные элементы украинских, и, особенно, белорусских изданий. В *Служебниках*, *Псалтирях*, а также в *Букваре* появляются и настойчиво повторяются в их последующих переизданиях небольшие гравюры (ксилографии) с изображениями дискаса, чаши, просфоры, руки благославляющей и с крестным знамением. Даже по этим незаметным на первый взгляд элементам можно сразу отличить 'новоправленную' книгу от 'дониконовской'.

Несомненно, под влиянием украинской книги впервые в заставках московских изданий появляются сюжетные мотивы. Так, в *Служебнике* 1655 г. в заставках — изображения 'Распятия с предстоящими' и 'Младенца Христа в чаше'. В *Требнике* 1658 г. также использованы две новые заставки, одна с изображением сцены 'Воскресения Христова', другая является копией заставки, гравированной монахом Киево-Печерской лавры Ильей для *Требника* Петра Могилы (Киев, 16 дек. 1646). Вторая заставка фигурного типа с цветочным орнаментом и пустым овалом внутри, в которую при печати вставлялись сюжетные клейма (изображающие церковные таинства: крещения, миропомазания, исповедания, супружества, елеосвящения). Московская заставка, как и киевская, подписана. Ее резал Захарий Лукин, который в 1657 г. занимал на Печатном дворе две должности — знаменщика и гравюра на дереве. Впервые в московском издании XVII в., после подписания гравюр Андроником Тимофеевым Невежей в *Триоди цветной* (Москва, 1591) и *Апостоле* (Москва, 1597), используется гравюра с именем ее создателя.

Следует подчеркнуть, что к 1676-1677 гг., еще при жизни патриарха Никона, на московском Печатном дворе происходит полная замена старых досок заставок. Обязательный элемент новых заставок — наличие четырехконечного креста. Появление 'крестового' орнамента

связано с закончившимся к этому времени исправлением богослужебных книг. Новый орнамент должен был служить наглядным признаком исправленной книги.

К вопросу о рецепции Острожской Библии на московском Печатном дворе (на материале Псалтири)

А.В. Вознесенский

Оценивая то, какое значение имело издание Библии, предпринятое Иваном Федоровым в Остроге, для истории славянского библейского текста, едва ли можно впасть в преувеличение, поскольку Острожская Библия стала первым полным изданием Библии на церковнославянском языке и, несмотря на те различия, которые уже возникли ко времени появления книги в языках разных ветвей православного славянства, не могла не играть для южных и восточных славян той же роли, какую выполняли именно издания Библии на национальном языке в культурном развитии народов Европы.¹

При этом, наиболее яркое выражение того воздействия, которое оказала Острожская Библия на книжность славянских народов, обычно обнаруживают в истории московской книжной традиции, и прежде всего потому, что в отличие от других православных славян, также предпринимавших в XVII в. попытки приготовить к изданию библейский текст, но безуспешно,² в Москве подобное издание было осуществлено. В 1663 г. там вышла из печати Библия, имевшая даже и внешнее сходство с острожским изданием, причем о преемственности нового издания острожскому было заявлено самими московскими типографами. Уже на титульном листе книги есть указание, что новое издание с переводѣ библіи ѡстрож'скіѡ тѣпографіи <...> єлико мощноу помощію бжїею послѣдовасѡ. и напечатасѡ. О том же, хотя и в других словах, можно прочесть также в текстах, составляющих предисловную часть книги: в неозаглавленном обращении к читателю³ и в предисловии к читателю.⁴

Как представляется, именно эти указания послужили основанием для возникновения мнения, что издание Острожской Библии 'определило

¹ Люблинский В.С. Ранняя книга как ступень в развитии информации // Люблинский В.С. Книга в истории человеческого общества: Сб. избр. книговедческих работ. М., 1972. С. 109-110; Горфункель А.Х. Историко-культурное значение первопечатных Библий (Острожская Библия в контексте европейской культуры) // Федоровские чтения 1981. М., 1985. С. 66-76.

² См. об этом: Исаевич Я.Д. История издания Острожской Библии // Острожская Библия: Сб. стат. М., 1990. С. 16.

³ См. л. [3]: всѡ по рѣдѣ напечатана съ преждевышїѡ библіи, печатаныѡ во градѣ острожѣ, в'земли волынскон, Повелѣніемъ и тшаніемъ кнѣзѣ Константина, нареченнаго во сѣомѣ крѣщенїи Касїїа, кнѣзѡ острожскаго, коведыже кїевскаго. въ лѣто ѡсозданїѡ міра 7310.

⁴ См. л. 2об (1-го счета): [царь Алексей Михайлович] повелѣ в'скоре издати съ готоваго перевода, кнѣзѡ кнѣзѣ Константина острожскаго печати.

собою всю дальнейшую судьбу этой Библии в московской Руси',⁵ тем более что, как оказалось, свидетельство типографов, обнаруживаемое на титульном листе и в предисловной части московского издания, было совсем не голословным: бесспорное подтверждение ему нашлось после обнаружения в собрании РГАДА кавычного экземпляра Острожской Библии, с которого печаталось московское издание.⁶

Другое свидетельство типографов в предисловии к читателю, а именно что издание 1663 г. передает текст своего источника неизмѣннѣ, кромѣ орѣографіи, и нѣкихъ в'малѣ именъ, и реченіи нѣжднѣишихъ гавственнѣхъ погрѣшеніи, таже здѣ в'сеи книзѣ исправисѣ,⁷ способствовало возникновению еще одного мнения, решавшего уже проблему соотношения двух изданий. Согласно ему, 'московское издание 1663 года явилось почти буквальной перепечаткой Острожской Библии'.⁸ Поддержку этой точке зрения оказало затем и рассмотрение правки, обнаруженной в кавычном экземпляре, которая в посвященной ему статье представлена лишь как 'определенная редакторская работа с текстом оригинала при подготовке его к печати'.⁹

Вместе с тем, эта точка зрения, а именно что на Печатном дворе действительно была произведена почти только простая перепечатка текста Острожской Библии, не может не вызывать сомнений при

⁵ *Евсеев И.Е.* Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916. С. 137. См. также: *Сольский С.М.* Острожская Библия в связи с целями и видами ее издателя // Труды Киевской Духовной академии. (Киев), 1884. № 7. С. 293; *Астафьев Н.А.* Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравами // ЖМНП. (СПб.), 1888. Ч. 258, август. С. 313; *Алексеев А.А.* Место Острожской Библии в истории славянского текста Священного Писания // Острожская Библия: Сб. стат. М., 1990. С. 73; *Его же* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 215-216.

⁶ *Автократова М.И., Долгова С.Р.* К истории издания и распространения первой московской Библии (Острожская Библия ЦГАДА — наборный экземпляр для Библии 1663 г.) // Федоровские чтения 1981. М., 1985. С. 168-171. Существует мнение, что пометы на этом экземпляре принадлежат руке Арсения Грека (см.: *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М., 1855. Отд. 1: Священное писание. С. 4-5, сноска).

⁷ См. л. 2об (1-го счета).

⁸ *Евсеев И.Е.* (примечание 5), С. 104, 137. Мнение это, судя по всему, возникло в среде справщиков и издателей Елизаветинской Библии (*Елеонский Ф.* По поводу 150-летия Елизаветинской Библии: О новом пересмотре славянского перевода Библии. СПб., 1902. С. 2) и, получив затем поддержку в ученом сообществе (*Дмитриевский А.А.* Диакон Иван Феодоров, первый русский книгопечатник: (По поводу 300-летия со дня его смерти) // Православное обозрение. (М.), 1883. Ноябрь. С. 507, сноска 29; *Астафьев Н.А.* (примечание 5), С. 334-335; *Чистович И.А.* История перевода Библии на русский язык. 2-е изд. СПб., 1899. С. 13-14), дошло до наших дней (Ср. у *Я.Д.Исаевича*: 'Никаких существенных изменений текста московские справщики не допускали, хотя они и пользовались греческой печатной библией и рукописной славянской' (*Исаевич Я.Д.* Острожская Библия как памятник межславянских культурных связей // Федоровские чтения 1981. М., 1985. С. 21; *Его же* История издания Острожской Библии (примечание 2), С. 16).

⁹ *Автократова М.И., Долгова С.Р.* (примечание 6), С. 168.

учете, сколь своеобразной оказывалась в пределах московской книжной традиции рецепция взятых из других традиций источников текстов, а также что московские власти задолго до того и специально готовились к изданию Библии.¹⁰ И это не прошло мимо внимания исследователей, заставив их искать объяснения подобному факту.

В числе таких объяснений следует указать прежде всего предположение касательно официального признания Острожской Библии в Москве ‘своей’ в связи с полным соответствием ее текста тому, который был принят в московской книжной традиции.¹¹ Кроме того, причины введения лишь незначительных поправок в текст увидели также в недостатке в Москве искусных переводчиков¹² и в совпадении времени выхода книги с порою, когда патриарх Никон уже был в опале, отчего не мог иметь влияния на это издание,¹³ и когда в русском духовенстве появился протест против никоновского исправления богослужебных книг.¹⁴ Со всеми этими объяснениями трудно согласиться и, в первую очередь, потому, что московское издание 1663 г. невозможно признать почти полной перепечаткой Острожской Библии, свидетельства чему дает рассмотрение одной из частей книги — Псалтири, текст которой с точки зрения его истории признается обычно одним из самых стабильных среди других библейских текстов.¹⁵

При обращении к тексту Псалтири в Библии 1663 г. нельзя не заметить, что, в отличие от острожского издания, здесь его предваряет своеобразное предисловие, в качестве которого служит Послание к Маркелину о толковании псалмов Афанасия Александрийского. Вопрос о включении этого Послания в состав Библии, очевидно, получил решение

¹⁰ Особый шрифт для печатания Библии ‘библейная азбука’ был отлит в конце 40-х гг. XVII в. и в 1648 г. им были напечатаны Святцы (см.: *Зернова А.С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI-XVII веках: Сводный каталог. М., 1958. № 213). Именно подготовка издания Библии выставлялась в качестве главного аргумента для приглашения к справе сведущих в греческом языке людей, попытки которого были предприняты царем Алексеем Михайловичем в 1648-1649 г. (см.: *Евсеев И.Е.* (примечание 5), С. 149-150; *Рижский М.И.* История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978. С. 109-110).

¹¹ См.: *Сольский С.М.* (примечание 5), С. 320 (пишет о том, что Острожскую Библию приняли в Москве ‘как родную библию’); см. также: *Евсеев И.Е.* (примечание 5), С. 137-138; *Алексеев А.А.* Место Острожской Библии в истории славянского текста Священного Писания, С. 72-73; *Его же* Текстология славянской Библии (примечание 5), С. 216.

¹² Это оправдание было приведено самими издателями Библии в ее предисловии, см.: *Рижский М.И.* (примечание 10), С. 111; *Автокротова М.И., Долгова С.Р.* (примечание 6), С. 168.

¹³ *Рижский М.И.* (примечание 10), С. 111.

¹⁴ *Астафьев Н.А.* (примечание 5), С. 334; *Автокротова М.И., Долгова С.Р.* (примечание 6), С. 168.

¹⁵ *Иннокентий (Павлов).* Славянская традиция Священного Писания и Острожская Библия // Острожская Библия: Сб. стат. М., 1990. С. 47; *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии (примечание 5), С. 152.

не сразу, и его текст был отпечатан на 6 вставных листах, получивших одинаковый номер 228, по аналогии с тем, который имел последний перед Псалтирью лист книги, вероятно, перепечатанный, поскольку только это и могло позволить типографам разместить на его обороте начало Послания.

Текст же собственно Псалтири, в чем, возможно, сказалось влияние Острожской Библии, имеет в московском издании служебный вид: в нем он также разбит на 20 кафизм, а кафизмы, в свою очередь, на 3 'славы', кроме того, к нему присоединен список библейских песней, употреблявшихся в богослужении на утрени, хотя и без текста самих песней.¹⁶ Однако на этом и заканчивается сходство между двумя книгами. В отличие от Острожской Библии, текст Псалтири в московском издании имеет дополнительную структурную особенность: он разделен на стихи. Безусловно, деление на стихи фрагментарно встречается и в острожском издании, для чего там используются то лишь заглавные буквы или буквы особого начертания, схожие со скорописными, то только точки, то, нужно думать, одновременно и то и другое,¹⁷ однако в московском издании это деление на стихи проведено много более строго и последовательно, чему способствует непременно выделение начал стихов заглавными буквами.

Между тем, более внимательное рассмотрение текста Псалтири в московской Библии позволяет понять, что это своеобразие никак нельзя считать итогом редакторской работы с оригиналом. Напротив, оказывается, что в издание 1663 г. был попросту внесен текст богослужебной Псалтири, причем не тот прежний, который печатался московским Печатным двором до середины XVII в., но также имел немало разночтений с Острожской Библией, а прошедший никоновскую справку и, следовательно, еще более далекий от нее.

Подобное использование правленного текста служебной Псалтири при печатании московского издания легко обнаружить даже уже в процессе сопоставления разбивки текста псалмов на стихи в Библии 1663 г. и, к примеру, в Псалтири с воследованием, напечатанной

¹⁶ Вознесенский А.В. Служебная Псалтирь в восточнославянском книгопечатании XVI-XVIII вв. // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 215.

¹⁷ Кажется, внимание к делению текста на стихи и выбор способа для указания такого деления определялся индивидуальными пристрастиями наборщиков. Показателен в этом смысле набор 32-го псалма. Его начальная часть (л. 6) имеет четкое деление на стихи, подчеркнутое употреблением с этой целью заглавных букв, тогда как в его конечной части (л. 6об) подобное деление можно лишь предположить по наличию в тексте точек, применение которых в нем, как представляется, преследует выполнение не только этой задачи. Впрочем, наборщик л. 6об вообще не пользуется заглавными буквами.

в 1658 г.¹⁸ Оно почти одинаково в обоих изданиях, несоответствия имеют слишком малый удельный вес¹⁹ и объясняются, главным образом, невнимательностью типографов, происходившей еще и оттого, что им пришлось работать с очень мелким шрифтом, далеко не всегда позволявшим видеть четкие различия между заглавными и строчными буквами, притом что нумерация стихов на полях книги, усиливавшая четкость их выделения в Псалтири с воследованием, отсутствовала в тексте Библии. Новые доказательства сходства двух текстов дают также наблюдения над обнаруживаемыми в этих изданиях глоссами, которые по большей части одни и те же. Дополнительные по сравнению с Псалтирью с воследованием 1658 г. глоссы, если они, конечно, не служат для исправления недочетов,²⁰ указывают лишь на то, что не это, а другое издание было непосредственным источником перепечатки текста.²¹

Факт внесения исправленного на ту пору текста псалмов, которое, вероятно, и подразумевали справщики, когда делали помету в кавычном экземпляре Острожской Библии: ‘справить Псалтырь’,²² представляется крайне важным, и не только потому, что ясно показывает отсутствие при издании Библии на московском Печатном дворе какого бы то ни было противодействия никоновской справе.²³ Он дает объяснение тому, почему типографы были вынуждены признать неокончательную исправность текста печатаемой ими Библии в предисловии к ней.

К 1663 г. дело исправления богослужебных книг, начатое патриархом Никоном, было далеко до завершения, и в отличие от Псалтири,

¹⁸ Сравнение с простой Псалтирью 1658 г., также уже исправленной, но появившейся на свет раньше, чем Псалтырь с воследованием, к сожалению, невозможно, поскольку полный экземпляр книги пока не найден (см.: *Вознесенский А.В.* Сведения и заметки о кириллических печатных книгах. 12. О московской Псалтири 1658 г. // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 575-578).

¹⁹ Так в Библии не выделены заглавной буквой стихи (по нумерации, принятой в Псалтири с воследованием 1658 г.): Пс. 5:4; Пс. 6:7; Пс. 9:14, 15; Пс. 14:2; Пс. 16:2; Пс. 24:15; Пс. 25:4, 5, 6; Пс. 30:25; Пс. 31:4; Пс. 33:4, 19; Пс. 36:24; Пс. 44:3; Пс. 45:5, 10; Пс. 47:10; Пс. 48:3, 5; Пс. 51:10; Пс. 53:9; Пс. 54:3, 14, 23; Пс. 61:10; Пс. 68:10; Пс. 71:14; Пс. 76:5; Пс. 77:4; Пс. 84:11; Пс. 85:2; Пс. 97:3, 7, и, напротив, выделены как стихи: в конце Пс. 2: *Ѹгда воз’горѣтъ вѣскорѣ*; Пс. 5, между ст. 6 и 7: *Ѹбнѣнавѣдѣтъ вси всѣ*; Пс. 43, между ст. 25 и 26: *Забываеши нищѣтъ нашу*; Пс. 45, между ст. 9 и 10: *Ѹемла врани до конецѣ земли*; Пс. 75, между ст. 9 и 10: *Земля оубождѣ*; Пс. 88, между ст. 36 и 37: *аще двѣдѣ солжѣ*; Пс. 127, между ст. 3 и 4: *Сынове твои*.

²⁰ Как, к примеру, вставка пропущенного слова в Пс. 44:8.

²¹ См.: Пс. 77:44; Пс. 79:11; Пс. 101:4; Пс. 138:11. Все эти глоссы есть в издании простой Псалтири 1658 г. Лишь одна глосса не находит себе соответствия и в простой Псалтири — глосса, предлагающая замену формы *оущѣдри* на *оущѣдрилъ* есть (Пс. 102:13).

²² *Автократова М.И., Долгова С.Р.* (примечание 6), С. 168.

²³ Еще одним свидетельством подобного рода является упомянутая в статье о кавычном экземпляре лексическая замена слова ‘церковь’ на ‘храм’ (там же, С. 170), — замена, относящаяся к числу наиболее последовательно проводимых никоновскими справщиками и потому вызвавшая резкий протест в стане противников реформ.

текст которой был исправлен одним из первых и начиная с издания 1658 г. печатался по-новому, тексты других библейских книг, в том числе и использовавшиеся в богослужении, еще ждали своей очереди. Исправление всех их непосредственно для издания Библии представлялось, как и указали ее типографы, невыполнимой задачей, а, между тем, Библию было необходимо печатать, поскольку после выпуска в 1657 г. Ирмология, знаменовавшего собой завершающий этап в деле издания полного круга церковных книг, перед ними не могла не быть поставлена цель издания Библии, — книги, выход которой в Москве должен был способствовать росту авторитета московской церкви на православном Востоке.

Оказавшись лишь в малой степени готовыми к рецепции текста Острожской Библии, московские справщики были вынуждены ограничиться в большинстве случаев внешней и явно недостаточной справой, чего они и не могли сами не признать. Однако их, пусть и малые усилия, не остались незамеченными противниками реформ, не признавшими издания 1663 г. и сохранившими приверженность к Острожской Библии.²⁴ Нужно думать, что свою роль в этом сыграло и внесение в Библию, изданную в Москве, правленного текста Псалтири.

²⁴ *Евсеев И.Е.* Острожская Библия 1581 г. в старообрядческой перепечатке, М., 7422 (1914-го) года // *Церковный вестник.* (Пг.), 1914. № 21. Стб. 638; *Лабынцев Ю.А.* Острожская Библия в перепечатке 1914 г. // *Федоровские чтения* 1981. М., 1985. С. 197; *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии (примечание 5), С. 49.

John Joseph De Camillis and his Italian Book

Ralph Cleminson

John Joseph De Camillis is known to Slavonic bibliography as the author of the first book printed for the inhabitants of Subcarpathian Ruthenia, the *Catechesis* printed at Trnava in 1698. Slavonic bibliography does not, however, generally record that his literary activity had begun before he ever set foot on Ruthenian soil. His book, *La Vita Divina Ritrovata*, was published in Rome in 1677, and may have been influential in determining his subsequent career.

Although some details of his life remain obscure, its basic outlines are well known.¹ Born John (Ἰωάννης) De Camillis² on Chios in 1641, he was educated at the Greek College in Rome, being ordained priest in 1666. He spent the years 1668-1672 engaged in 'missionary work' (i.e. preaching the Union amongst the Greek Orthodox population) at Chimarra (Χειμάρρα, Himarë) on the coast of the Ionian Sea.³ This was a remote and impoverished region, which the Turks seem to have preferred to rule by periodic incursion rather than by any permanent institutions of government. While the resultant administrative vacuum no doubt made the mission possible, it also meant that its members lived in the same constant fear of violence and enslavement as the natives. Added to this, the 'barbarism' of the place, the advance of Islam and the natural hostility of the local Orthodox bishop made the work as fruitless as it was uncomfortable: De Camillis at one point described his activity as 'un totale perdimento di tempo',⁴ and suggested that the only prospect of lasting conversion to Catholicism would be for the population to be resettled in Calabria.

After his return to Rome, De Camillis became a monk of the Ruthenian Congregation of the Basilians. The documents are silent as to why a Greek should join a Ruthenian order; however, since he immediately afterwards be-

¹ There are brief notices in the Hungarian and Slovak national bibliographies, and more extensive treatments in Émile Legrand, *Bibliographie hellénique*, t. 5 (Paris, 1903), pp. 348-63; Athanasius B. Pekar, 'Tribute to Joseph J. De Camillis, OSBM (1641-1706)', *Analecta Ordinis S. Basilii Magni*, Sectio II, vol. XII (XVIII), fasc. 1-4 (Rome, 1985), pp. 347-418; Z. N. Τσιρπανλῆς, *Τὸ Ἑλληνικο Κολλέγιο τῆς Ρώμης καὶ οἱ μαθητές του* (Θεσσαλονίκη, 1980), pp. 599-603. The last is the most copious in its use of published and unpublished sources, but none in a Slavonic language or Hungarian, while Pekar is the only Eastern European writer to mention *La Vita Divina*. This dichotomy is emblematic of the state of scholarship.

² His baptismal name was John: he received the name of Joseph on taking monastic vows in 1674, but, as was common in his milieu, used the two names in conjunction thereafter, as in his correspondence and on the title page of the *Catechesis*. His surname is also found under the forms Camilli, De Camelis, Kamelis, Δεκαμηλις, Ντεκαμίλης.

³ The fullest description of this period of De Camillis's life—often in his own words—is given by N. Borgia, *I Monaci Basiliiani d'Italia in Albania* (Rome, 1935), especially pp. 119-64.

⁴ Borgia, p. 148.

came Procurator General of the congregation, it is probable that it was precisely because his superiors had identified him as suitable for this post, and not out of any personal vocation towards the northern lands. As a result of this appointment, though he remained at Rome, he became well informed about Eastern Europe, composing about 1680 a tract 'De statu spirituale Russiae, Moscoviae, Valachiae et Moldaviae, et modus quo juvari possint illae nationes'.⁵

It is also to this period that his Italian book belongs. *La Vita Divina Ritrouata fra' Termini del Tutto, e del Nulla: Trattato nel quale s'insegna, come l'Anima possa facilmente arriuare all'acquisto della più sublime Perfettione Christiana, ... Composto ... Dal P. D. Giuseppe de Camillis da Scio dell'Ordine di S. Basilio magno della Congregatione de' Monaci Ruteni della SS. Trinita ...* In Roma, per il Lazzari Varese, 1677, is a devotional tract of 592 octavo pages, described by Legrand as 'ouvrage d'une extraordinaire rareté',⁶ which is no doubt why it is not noted in the standard bibliographies of seventeenth-century Italian books. It describes at length the path to Christian perfection, aiming for a complete disengagement of the soul from the world of the senses, and dwells upon the obstacles that lie in the way and the means of overcoming them. It draws not only upon the Scriptures, but upon ancient and mediaeval authorities such as St Augustine and Thomas à Kempis, as well as more recent writers such as the Jesuits Luis de la Puente (1554–1625) and Achille Gagliardi (1537–1607), whose tradition it seems very much to follow. Despite its numbered divisions and subdivisions, it reads like an extended sermon, with its frequent examples from the legends of the saints, its direct address to the reader ('come già hò detto ...'), and its interminable convolutions of baroque rhetoric. Just occasionally this approaches a certain sublimity: 'You can consider Him according to the necessity that you are in: if you are ignorant, see yourself as if you are within a light, and an immense splendour; if you are fearful, within a fire of infinite love; if you are afflicted, within a sweet, fresh breeze; if dry, within a heavenly dew, &c., because God is all these things to you in whatever part of the world you imagine Him'⁷ (p. 512), though even here the effect is spoilt by the '&c.' Most of the time one must recognise that De Camillis was not poetically gifted, and the modern reader is apt to find the incessant piling of example upon example very fatiguing.⁸

⁵ A. G. Welykyj, *Litterae Basilianorum in terris Ucrainae et Bielarusjae* (Rome, 1979), *Analecta Ordinis S. Basilii Magni*, Sectio III, pp. 123–31.

⁶ Legrand (note 1), pp. 109–14, describes the book and reprints the epistle dedicatory.

⁷ In the original Italian: 'potresti considerarlo secondo la necessità che havrai: se sarai ignorante, ti risgarderai come dentro d'un lume, e splendore immenso; se sei trepida, dentro un fuoco d'amore infinito; se afflitta, dentro un soave e fresco venticello; se arida, dentro una celeste rugiada, &c., perche Iddio è a te tutto questo in qualunque parte del mondo te l'imagini.'

⁸ It is possible that it had a similar effect on the seventeenth-century reader: at any rate, De Camillis's successor as Rector of the Basilian house of SS Sergius and Bacchus in Rome,

The readership which De Camillis envisaged for his book was educated (the quotations from Scripture and the Fathers, sometimes quite extensive, are in Latin), of some general culture (in the Preface he quotes Seneca and refers with admiration to Galileo), and Catholic—this is in no sense an apologetic or polemical work. It is thus as far removed as possible from the audience to which its author had had to address himself in his earlier labours, and would have to face again in his later career. Nevertheless the book may well have played some part in establishing his reputation, and thus gaining him preferment.

On 12 August 1689 Pope Innocent XI died. Among those who came to Rome for the ensuing conclave was Leopold (Lipót), Cardinal Kollonich (1631–1707), at that time Bishop of Győr. Kollonich personifies the symbiosis between the Catholic hierarchy and the Imperial court, holding important posts in both and having indeed followed a military career until the age of thirty-seven, when he took Holy Orders and was immediately consecrated to the see of Nitra.⁹ Following the liberation of Buda in 1686 and the subsequent *reconquista* of Hungary, the Cardinal was turning his mind to the reassertion of Habsburg and Catholic authority throughout the country, including those eastern counties which, despite having been formally brought into communion with Rome by the Union of Užhorod (Ungvár) in 1646, had up to that point remained effectively Orthodox. One of the subsidiary objects for his visit to Rome was thus to find someone to whom the task of establishing Roman supremacy could be entrusted. De Camillis was evidently pointed out to him as a suitable candidate, and negotiations ensued between the two, of which we have some record in the form of a sort of *curriculum vitae* prepared by De Camillis, and a response to it from the Cardinal's secretariat.¹⁰ De Camillis clearly impressed the Cardinal, 'so that His Eminence has no difficulty but one (that of the language) . . . so that, since Signore De Camillis does not know Ruthenian or Slavonic, he would not be able to serve, even though he could work miracles, because these people want to have the language.'¹¹ Evidently this was outweighed by De Camillis's other qualifications, for on 27 October he was consecrated Bishop of Sebaste *in partibus infidelium*, and on

Polikarp Fylypovyč, finding 700 copies of the book still there in 1695, had them pulped, much to De Camillis's chagrin. See *Acta S. C. de Propaganda Fide Ecclesiam Catholicam Ucrainae et Bielarusjae spectantia*, vol. II: 1667–1710; collegit et adnotationibus illustravit P. Athanasius G. Welykyj OSBM (Rome, 1954), *Analecta Ordinis S. Basilii Magni*, sectio III, p. 131.

⁹ For a brief account of his life, see *Leopold Graf Kollonitsch: Sonderausstellung im Maltesermuseum Mailberg*, Schriftenreihe des Maltesermuseum Mailberg, Bd. 6.

¹⁰ The originals are in the Archiepiscopal archive at Esztergom, and they are printed by N. Nilles, *Symbolae ad Illustrandam Historiam Ecclesiae Orientalis in Terris Coronae S. Stephani* (Æniponte [i.e. Innsbruck], 1885), pp. 855–58, and Legrand (note 1), pp. 360–63.

¹¹ In the original Italian: 'in modo che non ha S.E. alcuna difficoltà fuori di una (della lingua) . . . in modo che non sapendo il Sign. de Camillis la lingua rutena o schiavone, non servirebbe, benchè sapesse fare miracoli, perchè quei popoli vogliono havere la lingua.'

5 November appointed Vicar Apostolic of Mukačeve (Munkács), which was to be the centre of his activities; he arrived there early the following year. The fact that during his entire time there De Camillis reported to the Congregatio de Propaganda Fide in Rome does not in itself prove that this was regarded as a missionary appointment, as all Catholics of the Eastern Rite, wherever they may be, fall under the purview of that congregation; nevertheless, his reports are full of matters relating to the bringing of the local parishes under Roman obedience.

Books and publication had evidently figured significantly in the discussions that preceded De Camillis's consecration. The 'curriculum vitae' declares that he 'printed a spiritual book in Italian, and has six others ready to be printed in Greek, in order to assist his nation'.¹² The Italian book is of course *La Vita Divina*, and one of the Greek books was probably the translation that he had made of the Roman Catechism,¹³ but there is no evidence that this ever was printed; nor is there any other trace of the remaining five Greek books. De Camillis's activity as a writer clearly struck a chord with the Cardinal, who even before his visit to Rome may have envisaged printing books for the Ruthenian area. He had supplied the University Press at Trnava with cyrillic type by 1681, though it is far from clear whether it had yet been used, nor is it certain that in doing so he had had the Ruthenian area specifically in mind: the first known use of the type was for a Croatian book.¹⁴ This is reflected in the response to De Camillis: 'As for the books which are to be printed in Slavonic and Ruthenian, you shall have the press in Trnava, which is in Upper Hungary, at your service, since the Lord Cardinal Kollonich has had the type made.'¹⁵ Again we have no means of knowing whether any specific titles were discussed at this stage, or only a general programme of publication.

It was some years before De Camillis was able to avail himself of the cyrillic type at Trnava. It would appear that he began to compose his catechism in Latin shortly after his arrival in Mukačeve, and by the summer of 1693 it was being translated.¹⁶ It was to be another five years before it was ac-

¹² In the original Italian: 'stampò un libro sp(iritua)le in lingua italiana, e sei altri tiene composti per stamparli in lingua greca, a fine di giovare alla sua nazione.'

¹³ Pekar (note 1), p. 409.

¹⁴ For the cyrillic books printed at the Trnava press, see R. Cleminson, 'Cyrillic Printing in Trnava, c. 1680–1727', *Oxford Slavonic Papers*, New Series XXVI (1993), pp. 40–54. In addition to these specifically cyrillic publications, the cyrillic type was also used by J. A. Döderlein in an academic description of an icon of St Theodore Stratilates: J. A. Doederlinus, *Inscriptiones slavo-russicae* . . . (Tyrnaviae Hungarorum), 1724. See K. Bor, 'Elfeledett nagyszombati cirill betűs nyomtatvány 1724-ből', *Magyar Könyvszemle* CXI (1995), pp. 319–22.

¹⁵ In the original Italian: 'Circa li libri di stamparsi in lingua schiavona e rutena, haverà la stampa in Tirnavia, che sta nell' Ungaria Superiore al suo servito, havendo il Sign. Card. di Kolonitz fatto fare i caratteri.'

¹⁶ 'Ho anche composto un Catechismo secondo il bisogno di queste genti, che lo fò tradurre in lingua Rutena per darlo alle stampe, e spargerlo per le Diocesi, mentre i libri che hanno,

tually published, taking its place in history as the first Carpatho-Ruthenian printed book.¹⁷ It was intended to provide the Greek Catholic clergy with a basic manual on which they could draw in instructing their flock, and is firmly within the tradition of the *catechismus major* of the sixteenth and seventeenth centuries. Catechisms of this type were evidently considered a valuable weapon in the confessional conflicts of the period: De Camillis complains in another of his reports of 'the Heretics, who have printed an erroneous Catechism in Rumanian, in order to seduce these people'¹⁸—presumably the Calvinist *КѢ́ТЪЛЪ КАТЕКИЗМЪШЪЛЪШЪ* published in Alba Iulia in 1656. The Greek Catholics of Máramaros eventually received their own catechism in 1726, when De Camillis's Ruthenian catechism was translated into Rumanian and printed, again at Trnava.

There were two other cyrillic publications printed at Trnava during the time of De Camillis's ministry in Mukačeve, both suitable for the 'missionary' effort: a primer, which appeared in 1699 and is reprinted from one of the editions that had appeared at Lviv in the previous decades,¹⁹ and a Ruthenian translation of Pius IV's *Bulla supra forma juramenti*, otherwise known as the Tridentine Confession, which is undated.²⁰ Considering that it had taken eight years to get the Catechism into print, it is perhaps not surprising that no other publications from this period are known.²¹ This was not, however, the end of De Camillis's literary activity. In a letter of 10 February 1702 he writes: 'I wrote twice to the Sacred Congregation for the Propagation [of the Faith], whether it would be possible to have this favour, that their printing house would print a book that I have written in modern Greek with literal texts, entitled *Doctrinal and Hortatory Readings for all Sundays in the Year, and certain Festivals*, according to the Greek rite; it would come out slightly bigger than the Council of Florence printed there in quarto, and would be very

essendo stampati dalli Scismatici, son pieni d'errori.'—Letter of 6 June 1693, printed in *Litterae Episcoporum Historiae Ucrainae illustrantes (1600–1900)*, vol. IV: 1691–1710, paravit, adnotavit editionemque curavit P. Athanasius G. Welykyj (Rome, 1976), *Analecta Ordinis S. Basilii Magni*, sectio III, p. 131.

¹⁷ P. R. Magocsi, B. Struminski, 'The First Carpatho-Ruthenian Printed Book', *Harvard Library Bulletin*, XXV (1977), pp. 292–309; see also H. Sztripszky, 'A hazai Rutének legrégebb nyomtatványai', *Magyar könyvszemle*, New Series XIX (1911), pp. 117–31, 243–61.

¹⁸ In the original Italian: 'l'Eretici, i quali havevano stampato un Catechismo erroneo in lingua valacca, per sedurre quei popoli'. *Acta S. C. de Propaganda Fide* (note 8), p. 130; cf. *Litterae Episcoporum* (note 16), p. 169.

¹⁹ The ascription of this primer to De Camillis himself is one of the persistent errors of Ruthenian bibliography, repeated most recently by P. Király, *A kelet-közép-európai helyesírások és irodalmi nyelvek alakulása: a budai Egyetemi Nyomda kiadványainak tanulságai, 1777–1848* (Nyíregyháza, 2003), p. 339.

²⁰ It may thus be earlier than the Catechism, but even so, being a mere bifolium, it would not take away from it the distinction of being the first *book* printed for the region.

²¹ Publication did not resume till 1727. For an overview of publications from then until the middle of the nineteenth century, see Király (note 19), pp. 339–70.

profitable for the nation, because there is a great lack of such books in modern Greek, and well founded.’²² One may assume that his choice to publish in Greek reflected the difficulty of getting anything published in Ruthenian, or perhaps translated into it (there seems to be no evidence of how proficient he ever became in the language). The Congregation declined to make any decision on the matter until it had had the opportunity to examine the book,²³ which in all probability it never did have. Within a few months national discontent in Hungary—fuelled not least by Kollonich’s uncompromising policies—broke out in open rebellion with Ferenc Rákóczy at its head. The effect for De Camillis was far graver than disruption of his publication plans. He endured ten months’ siege in Mukačeve, and in a letter written the day after its surrender he offered his resignation to the Congregation.²⁴ It was not accepted (‘Maneat in sua vocatione’), but his activity thereafter was severely limited by the civil disturbances. He died in Prešov (Eperjes) on 22 August 1706. There is no record of what became of the *Lezioni dottrinali*.

While hardly adequate as a summary of his life, the two books—one Italian, one Ruthenian—that De Camillis succeeded in getting into print²⁵ are symbolic of the two poles of his activity. The one is the work of the spiritual *littérateur* that he aspired to be, and the other a practical handbook for the missionary field in which he spent so much of his life. They show how his work cannot be understood except as a whole, and thus form a small but curious addition to the history of the Slavonic book.

²² In the original Italian: ‘Due volte scrissi alla Sac. Congregazione de Propaganda se fosse possibile haver questa gratia, che nella sua stamparia si stampasse un libro da me composto in lingua greca volgare con li testi literali, intitolato *Letioni Dottrinali e Parenetiche per tutte le Domeniche, ed alcune feste dell’anno*, secondo il Rituale Greco, e riuscirebbe poco più grande del Concilio Fiorentino ivi stampato in quarto, e molto fruttuoso per la Nazione, che di tali libri in volgare, e ben fondati è molto scarsa.’ *Litterae Episcoporum* (note 16), p. 234.

²³ *Litterae S. C. de Propaganda Fide Ecclesiam Catholicam Ucrainae et Bielarusjae spectantia*, vol. II: 1670-1710; collegit et adnotationibus illustravit P. Athanasius G. Welykyj OSBM (Rome, 1955), *Analecta Ordinis S. Basilii Magni*, sectio III, p. 248.

²⁴ *Litterae Episcoporum* (note 16), pp. 246–47.

²⁵ His diary—which he had not intended for publication—was also printed by Michael Luts kay in his *Historia Carpato-Ruthenorum* (Buda, 1843).

Джон Симмонс и мировой фонд изданий Ивана Федорова

Е.Л. Немировский

Издания великого просветителя Ивана Федорова, положившего начало книгопечатанию в Москве и на Украине, сохранились в достаточно большом количестве экземпляров. Попытки учесть эти экземпляры делались неоднократно. В этой связи должны быть названы имена А.А. Гусевой, А.П. Запаско, Я.Д. Исаевича и автора этих строк. Немало изданий русского первопечатника было отыскано в книгохранилищах Лондона, Оксфорда, Кембриджа, Дублина, Мальты Джоном С.Г. Симмонсом.¹ Нужно вспомнить и о предпринятом им вместе с Х. Грассгофом подробном описании Азбуки 1578 г., найденной в Готе (Германия).² Английский ученый ввел в научный оборот и несколько Азбук, напечатанных учениками Ивана Федорова.

Задача настоящей статьи — подвести некоторые статистические итоги. Выполнена работа на основе сведений, собранных в большой монографии автора о жизни и деятельности Ивана Федорова, которая в настоящее время готовится к печати.

Иван Федоров на протяжении своей жизни основал четыре типографии. Первая из них — московская — выпустила 3 издания, вторая — заблудовская — 2 издания, третья — львовская — 2 издания, четвертая — острожская — 5 изданий. Всего же — 13 изданий. Возможно, были и другие издания, которые до нас не дошли или до сих пор не найдены.

В настоящее время известно местонахождение 716 экземпляров изданий Ивана Федорова, которые находятся в книгохранилищах Австрии, Белоруссии, Бельгии, Болгарии, Боснии и Герцеговины,

¹ См.: Barnicot J.D.A., Simmons J.S.G. Some unrecorded early-printed Slavonic books in English libraries // Oxford Slavonic Papers. Vol. 2 (1951), pp. 98–118; Simmons J.S.G. New finds of old cyrillic books // The Times Literary Supplement. 1963, 27 September. N 3213, p. 770; Simmons J.S.G. Early-printed cyrillic books in Archbishop Marsh's library, Dublin // The Irish Book. 1963, Vol. 2, pp. 37–42; Симмонс Дж.С.Г. О некоторых старопечатных кириллических книгах в Дублине // Книга. Исследования и материалы. 1963. Сб.8. С.246; Tyrrell E.P., Simmons J.S.G.: Slavonic books before 1700 in Cambridge libraries. In: Transactions of the Cambridge Bibliographical Society. 1963. Vol. 3. N 5, pp. 382–400; Simmons J.S.G. Early-printed cyrillic Psalters at Lambeth and Valetta // Solanus. London, 1968. N 3, pp. 10–11; Christian R.F., Sullivan J., Simmons J.S.G. Early-printed Russian books at St Andrews and their background // The Bibliothek. A journal of bibliographical notes and queries mainly of Scottish interest. 1970. Vol. 5. N 7–8, pp. 221–227.

² См.: Grasshof H., Simmons J.S.G. Ivan Fedorovs griechisch-russisch/kirchenslawisches Lehrbuch von 1578 und der Gothaer Bukvar' von 1578/1580. Berlin, 1969, Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften. Klasse für Sprache, Literatur und Kunst, N 2.

Ватикана, Великобритании, Венгрии, Германии, Греции, Грузии, Дании, Ирландии, Италии, Канады, Киргизии, Латвии, Литвы, Македонии, Польши, России, Румынии, Сербии, Словении, США, Узбекистана, Украины, Хорватии, Черногории, Чехии, Швеции, Эстонии, Японии.

В литературе описано 86 экземпляров первой точно датированной русской печатной книги — Апостола 1564 года. О современном местонахождении многих из них мы, к сожалению, ничего сказать не можем. В настоящее время доступны для изучения 64 экземпляра. 23 из них находятся в Москве, 13 — в Санкт-Петербурге, 3 — в Киеве, по 2 — в Екатеринбурге, Львове и Новосибирске, по одному — в Бишкеке, Брянске, Вашингтоне, Владимире, Дублине, Иваново, Казани, Кембридже (Великобритания), Кембридже (США), Красноярске, Лондоне, Нижнем Новгороде, Нью-Йорке, Парме (США, штат Огайо), Праге, Риге, Сергиевом Посаде, Тюмени, Устюжне. Кембриджский экземпляр, который хранится в *Gonville and Caius College*, и дублинский из *Archbishop Marsh's Library* описаны Джоном Симмонсом.

Часовник 1565 г. известен в настоящее время в 6 экземплярах. Первое издание этой книги, вышедшее 29 сентября 1565 г., уникально; единственный сохранившийся экземпляр находится в Королевской библиотеке в Брюсселе. Второе издание, увидевшее свет 29 октября 1565 г., сохранилось в 5 экземплярах, которые в настоящее время находятся в Кембридже, Лондоне, Копенгагене и Санкт-Петербурге (2 экз.). Английские экземпляры этой книги были описаны Джоном Симмонсом. Это экземпляры из кембриджского *Corpus Christi College* и лондонского *Lambeth Palace* (раньше находился в *Sion College*). Заметим к слову, что в *Lambeth Palace Library* Симмонс нашел и одно из московских анонимных Четвероевангелий.

В литературе описано 55 экземпляров заблудовского Учительного Евангелия 1569 года. В настоящее время известно местонахождение 50 экземпляров. 17 из них находится в Москве, 9 — в Санкт-Петербурге, 4 экземпляра — во Львове, 3 — в Киеве, по 2 экземпляра — в Екатеринбурге, Нижнем Новгороде и Новосибирске, по одному экземпляру — в Варшаве, Ветке (Республика Беларусь), Вильнюсе, Владимире, Дублине, Кембридже (США), Минске, Нови Саде (Югославия), Перми, Петрозаводске и Харькове. Дублинский экземпляр, найденный Джоном Симмонсом в *Archbishop Marsh's Library*, был подробно описан им в статьях, опубликованных в 1963 г. в Дублине и в Москве.

Второе заблудовское издание — Псалтырь с Часословцем 1570 года зарегистрировано в 6 экземплярах. Два сообщения об этом издании ошибочны. Четыре экземпляра сохранились и находятся сейчас в Лондоне, Львове, Санкт-Петербурге и Саратове. Все они неполные.

Наиболее полный экземпляр, найденный Джоном Симмонсом в Lambeth Palace Library в Лондоне, был введен им в научный оборот на страницах № 3 журнала *Solanus*, вышедшего в свет в июле 1968 г.

Первое точно датированное украинское печатное издание — Апостол 1574 г. зарегистрирован в 137 экземплярах, описанных в печати или в рукописных каталогах различных собраний. К сожалению, далеко не все они могут быть обнаружены в настоящее время. Известно местонахождение 120 из них. В Москве находится 31 экземпляр Апостола 1574 года, в Санкт-Петербурге — 18 экземпляров, во Львове — 14 экземпляров, в Киеве — 9 экземпляров, в Новосибирске — 6 экземпляров, в Екатеринбурге — 4 экземпляра, в Варшаве, Ветке, Вильнюсе, Кракове, Оксфорде и Харькове — по 2 экземпляра, в монастыре Хиландар на Афоне (Греция), в Белграде, Брянске, Будапеште, Вене, Виннипеге (Канада), Владимире, Враце (Болгария), Днепропетровске (Украина), Кембридже (Великобритания), Кембридже (США), Костроме, Ланьцуте (Польша) Мондерё (Канада), Нижнем Новгороде, Новгороде, Нью-Йорке, Пловдиве (Болгария), Праге, Риме, Саноке (Польша), Саратове, Сергиевом Посаде (Московская обл.), Тюмени, Упсале (Швеция), Ярославле — по одному экземпляру. Английские экземпляры введены в научный оборот Джоном Симмонсом.

Азбука, изданная во Львове в 1574 г., сохранилась в 2 экземплярах, которые находятся в Кембридже (США) и Лондоне.

Из известных по литературе и нашим собственным разысканиям 102 экземпляров и фрагментов острожской Псалтыри и Нового Завета 1580 г. в настоящее время можно точно указать местонахождение 95-и. В Москве находится 26 экземпляров, в Санкт-Петербурге — 14, в Львове — 10, в Харькове — 4, в Екатеринбурге, Киеве и Сергиевом Посаде — по 3, в Варшаве, Вильнюсе, Иваново, Минске, Нижнем Новгороде, Новосибирске и Ярославле — по 2. По одному экземпляру интересующего нас издания находится в Белграде, Бишкеке, Валетта (Мальта), Геттингене (Германия), Дечани (Югославия), Дублине, Истре (Московская обл.), Кембридже (Великобритания), Кембридже (штат Масс., США), Кракове, Любляне, Моршанске (Тамбовская обл.), Пскове, Саратове (в трех переплетах), Смоленске, Софии, Тюмени, Чикаго (США). Джон Симмонс отыскал и ввел в научный оборот экземпляры, хранящиеся в Archbishop Marsh's Library в Дублине и в Королевской библиотеке в Валетта.

Острожская Азбука 1578 г. известна в 2 экземплярах, находящихся в Готе и Копенгагене, и 1 фрагменте, найденном в Российской государственной библиотеке в Москве. Как мы уже упоминали, экземпляр из Готы был тщательно изучен и подробно описан Джоном Симмонсом.

Все описанные в литературе экземпляры и фрагменты алфавитно-предметного указателя Тимофея Михайловича (Острог, [1580] г.) сохранились до наших дней. Всего их 21. Девять из них находится в Москве, четыре — в Санкт-Петербурге и по одному в Варшаве, Иваново, Кембридже (Великобритания), Кембридже (США), Кракове, Львове, Нижнем Новгороде и Ярославле.

В наибольшем количестве экземпляров среди всех изданий Ивана Федорова известна Острожская Библия 1581 г. Мы можем назвать 442 экземпляра, описанных в литературе и известных нам по собственным изысканиям. Местонахождение многих из них в настоящее время неизвестно. Но прославленное издание Ивана Федорова и сегодня есть во многих государственных, общественных и частных библиотеках. По приблизительным подсчетам число сохранившихся экземпляров Острожской Библии равняется 351. В Москве в настоящее время находится 72 экземпляра Острожской Библии, в Санкт-Петербурге — 36, во Львове — 26, в Киеве — 26, в Варшаве — 9, в Екатеринбурге 8, в Бухаресте, Новосибирске, Сергиевом Посаде, Харькове (Украина) — по 6, в Белграде, Вильнюсе, Кракове — по 5, во Владимире, Кембридже (Великобритания), Кирове, Лондоне, Нижнем Новгороде, Одессе, Праге — по 4. По 3 экземпляра самого известного издания Ивана Федорова находится в монастырях Святой Афонской горы, в Минске, Оксфорде (Великобритания), Рильском монастыре (Болгария), Саратове, Софии, по 2 экземпляра — в Брашове (Румыния), Будапеште, Вене, Врднике (Сербия), Дечани (Сербия), Днепропетровске (Украина), Иваново, Казани, Ниредьхаза (Венгрия), Нью-Йорке, монастыре Пива (Черногория), Прилепе (Македония), Риме, Симферополе (Украина), Тарту (Эстония), Улан-Удэ, Ужгороде (Украина), Челябинске, Чернигове (Украина). По одному экземпляру интересующего нас издания хранится в 51 городе, а именно в Антверпене, Астрахани, Бишкеке, Блумингтоне (США), Болонье (Италия), Вашингтоне, Великом Новгороде, Виннипеге (Канада), Вольфенбюттеле (Германия), Враце (Болгария), Вроцлаве (Польша), Геттингене (Германия), Ентрополе (Болгария), Кембридже (США), Кологриве (Костромская область), Кореизе (Украина), Крка (Хорватия), Курнике (Польша), Ломе (Болгария), Любляне, Манчестере (Великобритания), Марбурге (Германия), Мондере (Канада), монастыре Морача (Черногория), Нью-Хейвене (США), монастыре Ораховица (Хорватия), Оренбурге, Остроге (Украина), Париже, монастыре Петковица (Сербия), Ровно (Украина), Свищове (Болгария), Сентандре (Венгрия), Сент-Эндрюсе (Великобритания), Смоленске, монастыре Сучавица (Румыния), Ташкенте, Тбилиси, Твери, Томске, Тюмени, Упсале (Швеция), Ферапонтове, Хабаровске, Хельсинки, Чайниче (Босния и Герцеговина), Черновцах (Украина), Штуттгарт (Германия), Южно-

Сахалинске, Юрьевце (Ивановская обл.), Язаке (Сербия). Экземпляру из St Andrews посвящена статья Джона Симмонса и двух его соавторов, опубликованная в 1970 г. Здесь описано само издание, его переплет, воспроизведены владельческие записи, найденные на его страницах.

Наиболее богата изданиями Ивана Федорова Российская государственная библиотека. Здесь можно познакомиться с 8 экземплярами Апостола 1564 г., 6 экземплярами Учительного Евангелия 1569 г., 12 экземплярами Апостола 1574 г., фрагментом Азбуки 1578 г., 10 экземплярами Псалтыри и Нового Завета 1580 г., 5 экземплярами Книжки собрание вещей известных, и 35 экземплярами Библии 1581 г. А всего — с 76 экземплярами изданий Ивана Федорова.

В Российской национальной библиотеке хранятся 8 экземпляров Апостола 1564 г., 1 экземпляр Часовника 1565 г., 3 экземпляра Учительного Евангелия 1569 г., 1 экземпляр Псалтыри с Часословцем 1570 г., 9 экземпляров Апостола 1574 г., 4 экземпляра Псалтыри и Нового Завета 1580 г., 3 экземпляра Книжки собрание вещей нужнейших, уникальная 'Хронология' Андрея Рымши и 13 экземпляров Библии 1581 г. А всего — 43 экземпляра изданий Ивана Федорова.

В Государственном Историческом музее в Москве находятся 8 экземпляров Апостола 1564 г., 6 экземпляров Учительного Евангелия 1569 г., 5 экземпляров Апостола 1574 г., 5 экземпляров Псалтыри и Нового Завета 1580 г., 2 экземпляра Книжки собрание вещей нужнейших и 11 экземпляров Библии 1581 г. Всего же 37 экземпляров изданий Ивана Федорова.

В Национальной библиотеке Украины им. В.И. Вернадского — 3 экземпляра Апостола 1564 г., 2 экземпляра Учительного Евангелия 1569 г., 5 экземпляров Апостола 1574 г., 1 экземпляр Псалтыри и Нового Завета 1580 г., 18 экземпляров Библии 1581 г. Всего же 29 экземпляров изданий Ивана Федорова.

В Научной библиотеке имени В. Стефаника — 1 экземпляр Апостола 1564 г., 1 экземпляр Учительного Евангелия 1569 г., 5 экземпляров Апостола 1574 г., 1 экземпляр Книжки собрания вещей нужнейших, 5 экземпляров Псалтыри и Нового Завета 1580 г., 13 экземпляров Библии 1581 г. Всего же 26 экземпляров изданий Ивана Федорова.

В Библиотеке Российской Академии наук есть 3 экземпляра Апостола 1564 г., 3 экземпляра Учительного Евангелия 1569 г., 5 экземпляров Апостола 1574 г., 3 экземпляра Псалтыри и Нового Завета 1580 г. и 10 экземпляров Библии 1581 г. Всего же 24 экземпляра изданий Ивана Федорова.

В книгохранилищах Великобритании и Ирландии можно познакомиться с 3 экземплярами Апостола 1564 г., с 2 экземплярами Часовника 1565 г., с 1 экземпляром Учительного Евангелия 1569 г.,

с 1 экземпляром Псалтыри с Часословцем 1570 г., с 3 экземплярами Апостола 1574 г., с 1 экземпляром Азбуки 1574 г., с 1 экземпляром Псалтыри и Нового Завета 1580 г. и с 13 экземплярами Острожской Библии 1581 г. Всего же с 25 экземплярами изданий русского первопечатника. Все они подробно описаны на страницах изданного в 2000 г. капитального сводного каталога кирилловских изданий, находящихся в собраниях Великобритании и Ирландии.³ Не лишним представляется отметить, что этот каталог посвящен Джону Симмонсу, который написал и предисловие к нему. Мы пользуемся случаем, чтобы поблагодарить английского ученого за теплые слова в наш адрес, сказанные в этом предисловии. Отметим также, что именно Симмонс в 1991 г. составил предварительный список книг кирилловской печати XVI-XVII вв. в британских и ирландских библиотеках.⁴ Выпуск его в свет он приурочил к нашей поездке в Лондон и Оксфорд в ноябре этого года: 'to Professor Nemirovskii in the hope that it may assist his researches as a mark of appreciation of his immense Contribution to the investigation of the history of the cyrillic book.'

Как видим, книги, напечатанные Иваном Федоровым, достаточно широко распространены. И все же, ознакомление с ними, особенно же с теми, которые сохранились в 1-4 экземплярах, подчас бывает затруднено. Решить проблему могли бы факсимильные издания. Но их очень мало. В настоящее время репродуцированы лишь брюссельский экземпляр Часовника 1565 г., Азбуки 1574 и 1578 гг., 'Хронология' Андрея Рымши и Библия 1581 г. Подготовка факсимиле решительно всех изданий первопечатника — задача весьма актуальная.

³ См.: Cleminson Ralph, Thomas Christine, Radoslavova Dilyana, Voznesenskij Andrej. Cyrillic books printed before 1701 in British and Irish Collections. A union Catalogue. London, The British Library, 2000. XLVII, [18], 172 p.

⁴ См.: Simmons John S.G.: Some sixteenth- and seventeenth-century cyrillic books in British and Irish libraries. Oxford, 1991. 16 p. (Учтено 85 экземпляров книг, выпущенных в 1512-1700 гг.)

Региональные описания раннепечатной кириллической книги и их историко-культурное значение

И.В. Поздеева

‘Зане птице криле на летание, духовнии сии [книги]
криле уму на летание и высоте небесней ...’

Иосиф, архимандрит Спасо-Ярославского монастыря

В июне 1823 г. на заседании Общества истории и древностей российских при Московском университете ‘отец’ российской и университетской полевой археографии, будущий академик П.М. Строев прочитал доклад, в котором на века вперед сформулировал основные задачи трех самостоятельных частей археографии как науки. Строев писал, что первой задачей ‘путешествующих археографов’, как он называл себя и своих единомышленников, должны были стать ‘большие усилия и изыскания несравненно важнейшие’, чтобы ‘найти, извлечь ... письменные памятники нашей Истории и древней Словесности, рассеянные на обширном пространстве от Белого моря до степей Украинских и от границ Литвы до хребта Уральского’.¹ Вторая задача археографов — камеральная, или описательная: ‘привести в известность и ... обработать письменные памятники нашей Истории и Словесности ...’,² составив ‘общую роспись, ... которая ... представляла бы самое полное и вернейшее описание всех, где-либо существующих памятников нашей Истории и Литературы, от времен древнейших до XVIII века ... Она соделается необходимым зеркалом историков, критиков, библиотекарей, и доставит собою ключ к обширному книгохранилищу целой России’.³ Третья задача, сформулированная П.М. Строевым, касалась уже эдиционной, или издательской археографии.

60—80-е гг. XX в. — расцвет полевой археографии на территории Советского Союза. Начато собирание кириллических книжных памятников в 1948 г. Древлехранилищем Института русской литературы (ИРЛИ). В 50-х гг. к инициатору и наибольшему авторитету советской полевой археографии заведующему Древлехранилищем

¹ Строев П.М. О средствах, удобнейших к открытию памятников отечественной истории и успешнейшем способе обрабатывать оные // Труды и летописи ОИДР. Т. IV. Ч. I. С. 277—301; см. также: Летопись Московского университета. 1755—1979. М., 1979. С. 283—284.

² Строев П.М. Там же. С. 287.

³ Там же. С. 293.

В.И. Малышеву присоединяются коллеги БАН, ГБЛ, НБ ЛГУ. С 1965 г. одним из ведущих учреждений-собрателей становится Сибирское отделение АН СССР, в котором эти работы организует и вдохновляет Н.Н. Покровский, а с 1966 г. — МГУ им. М.В. Ломоносова. Именно археографы Новосибирска и МГУ стали инициаторами проведения комплексных исследований традиционной народной культуры как системы, основой, инструментом сохранения и воспроизводства которой была и остается книжность и книжная культура. Полевые археографические работы были возобновлены Московским университетом в 1966 г.⁴ К концу XX в. в 90 комплексных археографических экспедициях МГУ было собрано около 4000 книжных памятников, 3500 из которых поступили в Отдел редких книг и рукописей НБ МГУ. Почти половина этих книг датировалась XV—XVII вв. Особую ценность эти находки имеют потому, что представляют два (Ветковское и Верхокамское) территориальных книжных собрания (т.е. книжные комплексы, *репрезентативные* относительно и диахронного, и синхронного аспектов местной книжной культуры) и 16 территориальных коллекций разной полноты и значимости, но все они в большей или меньшей степени отражают историю местной книжности.

Исследовательские задачи полевых работ потребовали их ‘районирования’ (географического разграничения), что и было сделано в 1970 г. на ‘Тихомировских чтениях’ и подтверждено в 1976 г. — на I Всесоюзной конференции по полевой археографии, на которой комплексные исследования и собирание региональных книжных собраний были признаны наиболее перспективными формами полевой археографии XX в. Итоги работ до 1975 г. подведены Д.И. Тверской, сотрудником возрожденной по инициативе и под руководством акад. М.Н. Тихомирова Археографической комиссии АН, ставшей координатором и важным фактором успешности полевых работ.⁵ В 1948—1974 гг. ‘путешествующие археографы’ собрали 5183 кириллических рукописи и 2770 печатных книг, в т.ч. 115 экземпляров изданий XVI в. и 1148 — XVII в. Именно экспедиции Московского университета обращали особое внимание на собирание старопечатной книги, которую ряд хранилищ не собирали вообще. Несмотря на то, что работа была начата только в 1966 г., ‘количественные результаты поиска

⁴ Поздеева И.В. Полевая археография // Историческая наука в Московском университете, 1755—2004. М., 2004. С. 262—294; *ее же* Московский университет в первой половине XIX в.: к 180—летию полевой археографии как научной дисциплины // История Московского университета. 1755—2004 гг. Материалы V научных чтений памяти профессора А.В. Муравьева (Труды Исторического факультета МГУ. [Вып. 30]). М., 2004. С. 195—207.

⁵ Тверская Д.И. О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период // История СССР. 1976. № 1. С. 106—124.

МГУ' оказались 'чрезвычайно значительны, намного опережая по числу собранных старопечатных книг всех других организаторов экспедиций, археографы МГУ ... разыскали 23% всех печатных книг, приобретенных экспедициями, в т.ч. свыше 40% древнейших, т.е. XVI в.'⁶

Во второй половине 70—80-х гг. полевые археографические работы велись уже многими научными учреждениями Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Свердловска, Сыктывкара и других научных центров. В 1975—1977 гг. в экспедициях было приобретено для государственных хранилищ 2538 памятников, в т.ч.: 5 рукописей XV в., 32 рукописи и 26 печатных книг XVI в., 56 и 271 книга соответственно XVII в., 206 и 228 книг XVIII в., 1714 книг более позднего времени.

К концу 70-х гг. остро встал вопрос об издании каталогов собранных в экспедициях древних рукописных и старопечатных памятников, и первый каталог старопечатной кириллицы, собранной сотрудниками ЛГУ, вышел в свет в 1970;⁷ ранние полевые находки МГУ вошли в каталог 1980 г.⁸ В нем было описано 683 книги 1491—1700 гг., из которых 241 поступила в ОРКиР НБ МГУ в 1966—1976 гг. как находки археографических экспедиций (еще 238 старопечатных книг, найденных в экспедициях, приведены в томе в виде списка).

Для описания экземпляра старопечатного издания как исторического источника археографами МГУ была разработана методика, исходящая из опыта и дореволюционных описаний, и выполненных на уровне описания экземпляров вышеупомянутого каталога А.Х. Горфункеля, книг В.В. Лобанова⁹ и М.Я. Шайдаковой,¹⁰ но, прежде всего, опиравшаяся на новый уровень источниковедения отечественной истории.

К сожалению, большинство ведущих книговедов и историков книги в эти годы решительно и активно отрицали необходимость полного поэкземплярного описания печатной кириллицы. И даже историки русской культуры, загипнотизированные работой блестящего книговеда

⁶ Тверская Д.И. О некоторых итогах ... 115—116.

⁷ Горфункель А.Х. Каталог книг кирилловской печати XVI—XVII вв. Ленинград, 1970.

⁸ Поздеева И.В., Кашкарова И.Д., Леренман М.М. Каталог книг кириллической печати XV—XVII вв. Научной библиотеки Московского университета. М., 1980. В 80—90-х гг. вышли и три каталога собранных в экспедициях рукописных книг: Славяно—русские рукописи XV—XVI веков Научной библиотеки Московского университета / Сост. Н.А. Кобяк, И.В. Поздеева. М., 1981; Кобяк Н.А., Поздеева И.В. Славяно—русские рукописи XIV—XVII вв. Научной библиотеки МГУ (Поступления 1964—1984 годов). М., 1986; Агеева Е.А., Кобяк Н.А., Круглова Т.А., Смилянская Е.Б. Рукописи Верхокамья XV—XX вв. Из собрания Научной библиотеки Московского университета имени М.В. Ломоносова. М., 1994.

⁹ Лобанов В.В. Славянские книги кирилловской печати XVI—XVIII вв. Научной библиотеки Томского Государственного Университета. Томск, 1975.

¹⁰ Шайдакова М.Я. Описание коллекции книг кириллической печати XVI—XX вв. Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника. Горький, 1975.

Н.П. Киселева,¹¹ отрицали историческое значение деятельности Московской типографии, что вполне соответствовало общему для советской эпохи отрицанию значения 'церковной' культуры. С этой концепцией приходилось бороться даже в последней четверти столетия, хотя ситуация в России в эти годы совершенно изменилась: вышел ряд каталогов библиотечных собраний печатной кириллицы, четыре издания методики поэкземплярного описания.¹² Поэтому постоянная поддержка со стороны всеми признанного мэтра проф. Джона Симмонса всегда, с первых дней работы, была важным фактором ее успешности и осуществления в XXI-м веке университетской Археографической лабораторией новых задач, познакомиться с которыми — цель нижеследующей информации.

Выросшие на базе первых 'собираТЕЛЬских' экспедиций комплексные археографические полевые исследования, которые 40 лет ведут специалисты Московского университета в исторически сложившихся районах старообрядческого заселения, доказали особый интерес *территориальных* (региональных) *поливидовых собраний*,¹³ достаточно репрезентативно отражающих большинство направлений местной традиционной культуры. В свою очередь, анализ территориальных книжных собраний и коллекций доказал, что местная книжность позднего русского средневековья ориентирована на дониконовскую московскую печать, и что выводы, сделанные на основании только рукописных находок, могут оказаться ошибочными. Например, для репрезентативного Верхокамского собрания установлено фактическое отсутствие литургических рукописей и списков Писания, зато большое количество памятников печатной книги. В Верхокамье это соотношение проверено не только на полученных памятниках, но и на всех выявленных в районе (более 2000 кириллических памятников). В этом тщательно исследованном регионе соотношение рукописных и печатных книг, очевидно, типично для поздней народной традиционной культуры:

¹¹ Киселев Н.П. О московском книгопечатании XVII века // Книга: Исследования и материалы. Сб. 2. М., 1960. С. 123—186; статья перепечатана: Книга: Исследования и материалы. Сб. 80. М., 2002. С. 13—56.

¹² Поздеева И.В. Описание экземпляров старопечатных изданий кириллического шрифта: Методические рекомендации. 4-е изд. М., 1999.

¹³ Поздеева И.В. Поливидовой территориальный архив Верхокамья: история формирования, состав, перспективы сохранения и использования (результаты комплексных экспедиций Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова 1972—1998 гг.) // Отечественные архивы. 2000. № 4. С. 24—35.

Название	Датировка (век)								Всего
	Рукописи				Издания				
	16	17	18	19—20	16	17	18	19—20	
Апостол	-	-	-	2	3	22	-	10	37
Евангелие	1	-	-	-	-	22	-	7	30
Псалтырь следованная	-	1	1	2	-	140	-	15	159
Октоих I, II	-	-	-	-	11	44	-	4	59/1-2
Минеи служебные	1	-	-	-	-	97	-	3	101
всех месяцев									
Псалтырь учебная	-	-	2	78	2	37	2	79	200
Триодь цветная	-	-	-	-	4	20	1	1	26
Триодь постная	-	-	-	-	2	22	-	1	25
Служебник	-	-	-	3	-	2	-	2	7
Требник	-	-	-	6	-	13	-	7	26
Устав (Око Церковное)	-	-	-	2	-	10	1	15	28

Особенности соотношения различных типов литургических книг объясняются беспоповским характером старообрядческих общин.

Эти наблюдения заставили обратиться к изучению деятельности Московского печатного двора по материалам уникального архива Приказа книг печатного дела, в котором сохранились документы, всесторонне отражающие жизнь типографии с 20-х гг. XVII в. Многолетние исследования (в т.ч. опубликованные в данном журнале¹⁴) позволили доказать, что продукция именно этой типографии, начиная со второй половины XVI в., обслуживала основные функции Русской Православной Церкви и Московского государства и была не только *фактом*, но и важнейшим *фактором* русской культуры и государственности этого времени.

Анализ многочисленных Книг записей продаж в лавке Печатного двора вслед за С.П. Лупповым¹⁵ позволил доказать, что покупателями книг выступали представители всех слоев русского народа, проживающие в большинстве регионов Московского государства — от Архангельска до

¹⁴ Поздеева И.В. Историческое бытование изданий Московского печатного двора первой половины XVII в. // Solanus. International Journal for Russian and East European Bibliographic, Library and Publishing Studies. New Series. Vol. 5. 1991. Pp. 5—24; Pozdeeva I.V. The Activity of the Moscow Printing House in the First Half of the Seventeenth Century // Solanus. International Journal for Russian and East European Bibliographic, Library and Publishing Studies. New Series. Vol. 6. 1992. Pp. 27—55.

¹⁵ Луппов С.П. Продажа в Москве учебных Псалтырей (1663 г.) // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII—первой половине XIX вв. Л., 1981. С. 6—21; его же Читатели изданий Московской типографии в середине XVII века. Л., 1983; его же Покупатели изданий Московской типографии в середине XVII в. Указатель имен и географических названий. Л., 1984.

пермского Янидора.¹⁶ Однако факт покупки в Москве новоизданных книг, например, жителем Пскова, еще не доказывал, что эта книга поступила в Псковско-Новгородские пределы, а не была вложена или продана в другой регион. Доказательством того, что печатные книги в ближайшее к выходу время поступали в большинство даже отдаленных регионов России, могли стать данные развоза книг по городам,¹⁷ описи книжной казны монастырей, но, прежде всего, записи, сохранившиеся на самих экземплярах изданий, подтверждающие функционирование данной книги в определенном регионе. Поэтому вышеупомянутый каталог кириллических изданий Московского университета 1980 г., в котором были описаны экспедиционные находки, сопровождался семью аннотированными указателями, концентрировавшими историко-культурную информацию записей на книгах. На 683 экземплярах кириллических изданий XVI—XVII вв., учтенных в томе, прочитаны записи XVII в., подтверждающие, что в это время они бытовали в 140 населенных пунктах и 63 монастырях Московского государства — от Чердынского уезда и Соликамска Пермской земли до Львова и Архангельска. В 2000 г. вышел следующий том научного описания кириллической печати библиотеки МГУ,¹⁸ в котором из 374 экземпляров изданий 1553—1641 гг. экспедиционными находками 1973—1993 гг. являются 370 книг. Этот каталог сопровождался 11-ю указателями, из которых очевидно, что в XVI—XVII вв. эти книги находились в 50 монастырях и 180 церквях всех регионов России.

К началу 90-х годов результаты исследований показали необходимость именно региональных описаний книжных памятников с древнейших времен, по крайней мере, до конца XVII в. Однако осуществить эту задачу оказалось чрезвычайно сложно. В XX в. вышла только одна серия книг, посвященная кириллическим книжным памятникам в хранилищах региона. Это тома т.н. Вологодской программы 1980-х гг.,¹⁹ которая решала важнейшую для своего времени задачу выявления и определения, а не научного описания найденных книг. В 60-70-х гг. описания

¹⁶ Поздеева И.В. Историко-культурное значение деятельности Московского печатного двора в первой половине XVII в. // Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадыкин А.В. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618—1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона. Исследования и публикации. М., 2001. С. 9—49.

¹⁷ Поздеева И.В. Исторические судьбы дониконовской московской печати // Книга. Исследования и материалы. Сб. 67. М., 1994. С. 107.

¹⁸ Поздеева И.В., Ерофеева В.И., Шитова Г.М. Кириллические издания. XVI век—1641 год. Находки археографических экспедиций 1971—1993 годов, поступившие в Научную библиотеку Московского университета. М., 2000.

¹⁹ Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталоги-путеводители. Среди нескольких выпусков: Ч. 2. Книги кириллической печати (1564—1825 гг.) / Сост. М.Ю. Алексеева, Б.Н. Морозов, В.В. Морозов, С.А. Морозов. Вологда, 1983.

печатных памятников не входили, как правило, и в редкие публикации экспедиционных находок. Например, первое издание описаний рукописей, собранных в интереснейшем и богатейшем регионе, который еще П.М. Строев ставил на первое место в будущих полевых исследованиях — на Русском Севере, — ‘Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв.’ В.И. Малышева²⁰ не содержит даже списка найденных в этом районе рукописных книг иного типа. Печатные книги экспедиции ИРЛИ этого времени не собирали (частично были собраны А.Х. Горфункелем и описаны им в каталоге НБ ЛГУ).

В 90-х гг. ситуация резко изменилась: полевые археографические работы почти всеми организациями были прекращены, только несколько научных центров, прежде всего, университетов (МГУ, Екатеринбургский, Сыктывкарский и др.) продолжили полевые комплексные исследования традиционной народной культуры. В 1995 г. доктор филологических наук, один из руководителей Минобразования РФ профессор П.Г. Буга писал: ‘Уже много лет и даже десятилетий вузы страны фактически не готовят историков древней книги для русской провинции’,²¹ а в 2003 г. на конференции ‘Федоровские чтения’ Е.Л. Немировский заметил, что в России осталась только школа Истфака МГУ, готовящая таких специалистов. Поэтому начинать региональные программы нужно было одновременно готовя местные кадры, владеющие методами книговедения, палеографии, флигранологии, умеющие определить тип древней книги, место и дату ее издания. Только при этом условии Каталоги кириллических памятников действительно вводят книги в широкий научный оборот.

Археографической лабораторией МГУ разработана и частично осуществлена в рамках деятельности секций ‘Редкая книга’ Центральной библиотечно-информационной комиссии Министерства образования РФ и Российского общества историков-архивистов новая форма подготовки местных кадров. Это многолетняя программа проведения Школ-семинаров повышения квалификации сотрудников музеев, архивов и библиотек России, работающих с кириллическими книжными памятниками. Четыре таких Школы, во время которых ведущие российские ученые читали лекции и проводили семинарские занятия с сотрудниками почти ста организаций-хранителей кириллической книжности из 45 городов России — от Тобольска и Владивостока до Петрозаводска и Уфы, прошли в 1994—2002 гг. Именно эти Школы

²⁰ Сыктывкар, 1960.

²¹ Буга П.Г., Березкина В.И. Программа ‘Редкие и рукописные книги в вузах России’ в Тверском государственном университете // Гадалова Г.С. Старопечатные и рукописные кириллические книги Научной библиотеки Тверского государственного университета: Каталог. М.—Тверь, 1995. С. 5.

вызвали к жизни Тверскую региональную программу, объединившую под руководством Археографической лаборатории МГУ им. М.В. Ломоносова сотрудников всех областных учреждений, в которых хранились кириллические книжные памятники. Первым результатом программы стала книга 'Кириллические издания Тверской земли (XVI век — 1725 год)', вышедшая в Твери в 2002 г. Авторы тома — сотрудники местных хранилищ — Г.С. Гадалова, Е.В. Перелевская и Т.В. Цветкова, участники всех четырех Школ. В 2005 г. будет завершено региональное описание рукописных книг XIV—XVI вв. в хранилищах Тверской области.

Позднее начаты аналогичные тверскому, инициированные местными учреждениями и поддержанные администрациями районов описания кириллических книжных памятников в хранилищах Пермской и Ростово-Ярославской земли. Были избраны именно эти регионы, т.к. они резко отличны по своим историческим судьбам: Ростово-Ярославская земля — один из древнейших культурных центров Руси, близких к Москве; Пермь же реально начинает осваиваться только в XVI веке и долго оставалась далекой окраиной.

Осуществить описание тысяч древних книг силами двух-трех местных археографов, хотя и присутствовавших на занятиях Школ-семинаров, было совершенно не реально. Поэтому разработана и осуществляется научная программа 'Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова — Российской провинции. Региональные описания книжных памятников. Выявление. Изучение. Описание'. Начиная с 2001 г. в избранных для работы регионах проводится студенческая археографическая практика, во время которой не только изучаются все кириллические книжные памятники в хранилищах областей и выполняются их научные описания, но и завершается подготовка как местных профессиональных кадров, так и университетского студенчества.

Региональные камеральные работы имели бы значительно большее значение, если бы велись сегодня, как в свое время полевые, несколькими коллективами, но к сожалению, пока это не случилось. Пока нам известен только один высокопрофессиональный Сводный каталог, изданный научной библиотекой Кировской области (составитель С.А. Шихова),²² к сожалению, только в 150 экземплярах.

В 2004 году по программе МГУ вышли каталоги печатной кириллицы в хранилищах Пермской области²³ (371 книга 1553—1700 гг.) и

²² Сводный каталог книг кириллической печати в фондах библиотек и музеев г. Кирова. Вып. I. XVI—XVII вв. Киров, 2004.

²³ Кириллические издания XVI—XVII вв. в хранилищах Пермской области. Каталог / Под ред. И.В. Поздеевой. Пермь, 2003 (фактически вышел в 2004 г.).

Ростово-Ярославской земли²⁴ (629 книг, 1493—1652 гг.). Вместе с тверским ими в научный оборот введено 86 экземпляров 26-ти изданий XVI в. и более 1200 экземпляров изданий XVII в. Каталоги сопровождаются 11 аннотированными указателями, структурирующими историко-культурную информацию тысяч записей, которые публикуются в орфографии подлинника. Информация указателей позволяет впервые утверждать, что книжные собрания этих регионов достаточно репрезентативны, т.к. в них зафиксированы и общие явления, характерные для всей книжной культуры времени, и региональные особенности местной книжности. Для книг XVI в. всех трех регионов характерно значение виленских изданий, количество которых равно или даже превышает московские. В Тверском, Пермском и Ярославском собраниях количество московских книг (издание/экземпляр) равно 3/3, 6/13, 7/23, а виленских соответственно: 5/6, 5/6, 10/23. Общими являются и основные элементы структуры книжности регионов, что объясняется сложившимся характером русской культуры XVII в. Так, литургическая книга в составе Тверского, Пермского и Ярославского собраний составляет 51, 62 и 61% соответственно; книги Писания — 21, 16 и 20%; учебная книга — ок. 11, 9 и 8%. Существенные различия прослеживаются только в количестве учительных книг, составляющих в Твери ок. 17%, в Перми — 18%, а в Ярославле — 8%. Именно эти отклонения, поскольку они объясняются исторически, доказывают репрезентативность собраний. В последнем случае различие объясняется тем, что в Тверском и Пермском каталогах представлены издания всего XVII в., а в Ярославском — только его первой половины.

Репрезентативность собраний показывает и количество датированных записей. Для тверской книжности оно составляет 75% к количеству учтенных в каталоге экземпляров; для Ярославской книжности — 93% (595 записей на 629 книгах), а для Пермской — даже 106% (395 записей на 371 экземпляре). Эти различия также легко объяснимы: большая часть тверских книг происходит из библиотек крупных монастырей, где они находились, как правило, достаточно долго. Пермский показатель объясняется активным функционированием древней книги, что вызвано демократичностью пермской книжности, большим числом старообрядцев в регионе, удаленностью от центра. Это же подтверждает и динамика количества датированных записей по векам. В каталогах печатной кириллицы библиотечных коллекций обычно фиксировалось падение с конца XVII в. количества записей на древних книгах. Эта картина действительно характерна для печатной книги Тверской земли:

²⁴ Кириллические издания Ростово—Ярославской земли (1493—1652 гг.): Каталог / Под ред. И.В. Поздеевой. Ярославль—Ростов, 2004.

из 217 датированных записей одна относится к XVI в., 75 — к XVII в., 62 — к XVIII в., 59 и 20 — к XIX и XX вв., что также объясняется монастырскими источниками сохранившихся книг. Рост количества записей XVIII в. по сравнению с XVII в. на ярославских книгах (восемь записей XVI в., 237 — XVII в., 251 — XVIII в., 41 и 58 — XIX и XX вв.) объясняется наличием более чем ста записей 50—60-х гг. XVIII в., зафиксировавших изъятие древних книг из церквей и монастырей. Таким образом, не будь этих записей, и здесь отмечалось бы падение активного функционирования древней книги.

Совершенно иная картина наблюдается в Перми. Здесь из 395 датированных записей одна относится к XVI в., 94 — к XVII в., 101 — к XVIII в., 135 (!) и 64 — к XIX и XX вв. Многие поздние записи сделаны крестьянами, низшими членами церковного клира, мещанами. На Пермской земле кириллические издания XVII в. активно переходили из рук в руки даже в первой половине XX в. Книги, изданные и в XVI, и в XVII вв. использовались здесь в XIX и XX вв. не только старообрядцами, но и в православных (синодальных) церквях, продолжали храниться в личных библиотеках священнослужителей.

Ярким показателем реальной репрезентативности ростово-ярославских книг как источника по истории местной культуры и большинству проблем краеведения является географический указатель к тому, в котором установлено местоположение большинства упомянутых в записях церквей и монастырей. Это позволило показать, что книги, сохранившиеся в регионе до наших дней, в конце XVI—перв. пол. XVIII вв. находились, например, в 52 церквях, семи монастырях города и уезда Ростова Великого; в Ярославском уезде сохранившиеся книги находились в 50 церквях и восьми монастырях 56-ти населенных пунктов.

На Пермской земле в 30-40-х гг. XX в., фактически, были утрачены коллекции церковной книжности самой Перми и ее окрестностей, и этим объясняется то, что книги Каталога достаточно репрезентативно отражают книжную культуру только северо-востока региона — современных Чердынского и Соликамского районов. Книги из церквей этих мест в значительном количестве оказались в местных музеях. Например, книги ранней 'столицы' будущей Пермской земли — Чердыни — прослеживаются начиная с московского Октоиха 1594 г., экземпляр которого был вложен в чердынский Иоанно-богословский монастырь уже в 1596 г.²⁵ Как показал анализ записей на книгах Чердыни и Соликамска, в XVII веке сюда систематически поступали новые московские издания, в т.ч. и благодаря вкладам нескольких поколений семьи Строгановых,

²⁵ Кириллические издания XVI—XVII вв. в хранилищах Пермской области (примечание 23), № 8. С. 33.

14 представителей которой вложили в местные церкви 30 книг, из сохранившихся в регионе, начиная с московского Апостола 1606 г.²⁶

Таким образом, новая источниковедческая методика в решении задач камеральной археографии, сформулированных еще П.М. Строевым, позволили показать значение нового исторического источника — территориального (регионального) собрания кириллической печатной книги. Несомненно, это значение еще более возрастет, когда получат научное описание все выявленные рукописные книги и экземпляры изданий XVIII в., хотя бы в 10—15 регионах России.

²⁶ Там же, № 23. С. 50.

Петербургские подписчики на первое лондонское издание 'Magasin des enfans' М. Лепренс де Бомон

Н.А. Копанев

В 1756 г. в Лондоне вышли в свет четыре тома произведения Мари Лепренс де Бомон 'Детское училище' (Leprince de Beaumont, Maris. Magasin des enfans, ou Dialogues entre une sage gouvernante et plusieurs de ses élèves de la première distinction dans lesquels on fait penser, parler, agir les jeunes gens ... on s'applique autant à leur former le cœur, qu'à leur éclairer l'esprit ... Londres, 1756, se vende chez J. Haberkorn et chez les Libraires de cette Ville, t. 1–4), в котором в доступной для самых маленьких детей форме преподавались основы истории, географии, было напечатано несколько нравоучительных сказок, в том числе, и знаменитая сказка 'Красавица и чудовище',¹ опубликованы наиболее интересные и поучительные выдержки из Святого писания. Книга предназначалась для ведения преподавания в пансионах и частных школах и воплощала новый взгляд на систему образования, при которой способности детей не подавлялись, а развивались с самого раннего возраста — с трех лет: 'Des trois ans, — писала Лепренс де Бомон, — il faut nourrir l'esprit des enfans du vrai, le leur faire digérer; travailler, non à vous soumettre leur esprit, à subjuguier leurs lumières pour leur faire adopter les votres; mais à les soumettre à l'empire de la raison'. При этом во главу угла ставился индивидуальный подход к каждому ребенку и, самое главное, — учет возрастных особенностей обучавшихся. Педагогическая система Лепренс де Бомон, проникнутая духом уважения к ребенку, рационализма и преклонения перед книгой, нашла широкое распространение в Европе и Америке в XVIII-XIX веках.

Интересно отметить, что это замечательное произведение Лепренс де Бомон было опубликовано в Англии на французском языке на средства, полученные из России. Сама Лепренс де Бомон в Avertissement написала об этом буквально следующее: 'Les frais de l'impression à Londres, sont très considérables, et le nombre des lecteurs très borné, lorsqu'il est question d'un livre françois. Il est donc impossible de donner rien au public, à moins

¹ Эта сказка, в переработке Лепренс де Бомон, была напечатана в первом томе издания. Отметим, что именно этот вариант сказки стал наиболее распространенной версией известного античного сюжета. Непосредственный прототип сказки Лепренс де Бомон — роман Мадам де Вильнев 'Histoire de la Belle et de la Bête' (Villeneuve, Gabrielle-Suzanne Barbot de) — был практически забыт в XIX-XX веках.

qu'un certain nombre de souscrivans, n'assurent à l'Auteur le remboursement de ses fraix. Si la cour de Russie ne m'avoit encouragée, ce petit ouvrage, prêt à mettre sous la presse depuis un an, n'auroit peut-être jamais été imprimé' ('Затраты на издание книги в Лондоне очень значительны, а количество читателей, когда речь идет о французской книге, очень ограничено. Таким образом, невозможно ничего опубликовать, не заручившись определенным количеством подписок, которые возместили бы Автору вложенные им средства. Если бы русский двор меня не поддержал, это произведение, готовое к печати уже более года назад, так, возможно, никогда и не было бы напечатано').

Поддержка петербургского двора выразилась в том, что в Санкт-Петербурге была организована подписка на эту книгу,² причем для распространения в России было заказано не менее 100 экземпляров издания. Об этом свидетельствует следующее примечание издателя: 'On avertit les personnes qui souhaiteront la continuation de ce Magasin, qu'il ne pourra être imprimé, à moins qu'on ne soit sur de cent souscriptions'. Среди подписчиков оказались не только императрица Елизавета Петровна, великий князь, будущий Петр III, великая княгиня, будущая Екатерина II, Павел Петрович — будущий император Павел I, но и президент Петербургской Академии наук К.Г. Разумовский, куратор Московского университета И.И. Шувалов, семьи Воронцовых, Голицыных, А.С. Строганов, П.Б. Шереметев, Б.А. Куракин, А.А. Меншиков и другие наиболее видные сановники второй половины XVIII века.

Можно предположить, что деньги на издание были переданы в Лондоне при участии русского посланника А.М. Голицына.

Но тут же возникают и трудности понимания истории публикации 'Magasin des enfans'. Дело в том, что, труд Лепренс де Бомон, имел Посвящение Павлу Петровичу, будущему императору Павлу I, имевшему в 1756 г. два года от роду.

Посвящение имело следующий текст: 'A Son Altesse Imperiale PAUL Petrowitch, petit-fils de PIERRE le Grand, neveu d'ELISABETH, Mère et Législatrice de ses Sujets etc. etc. etc.' — 'Его императорскому высочеству Павлу Петровичу, внуку Петра Великого, племяннику Елизаветы, Матери и Законодательнице своих подданных ...' и т.д., то есть в тексте были перепутаны основные родственные династические связи — Павел Петрович был представлен не правнуком Петра Великого, как это было на самом деле, а его внуком, императрица Елизавета Петровна вдруг превратилась в тетку малолетнего Павла.

Конечно, если бы все издание от начала до конца контролировалось

² Список подписчиков был помещен в конце четвертого тома издания. Этот интересный документ мы публикуем в конце нашего сообщения.

русским посольством в Лондоне, то таких ошибок не было бы допущено.

Ошибка в Посвящении произошла по нашему мнению потому, что всем изданием в Петербурге занимался, скорее всего, Теодор Чуди (Chevalier de Lussy), известный масон, бывший какое-то время секретарем И.И. Шувалова³ и издателем литературного журнала 'Le Caméléon Littéraire' (St. Pétersbourg, 1755).

Теодор Чуди лично знал всю семью Лепренсов, так как все они были уроженцами г. Метца (более того, Чуди и Лепренс де Бомон были одногодками), при этом все они пользовались покровительством одних и тех же политических сил как во Франции, так и в России: маршала де Бельиль (Belleisle, Charles Louis Auguste Fouquet, duc de), вице-канцлера М.И. Воронцова, И.И. Шувалова. В 'Литературном Хамелеоне' Чуди опубликовал несколько нравоучительных повестей Лепренс де Бомон еще до появления 'Magasin des enfans' в Лондоне. Посвящение было подписано самой Лепренс де Бомон, но можно предположить, что его текст был составлен в Петербурге тем же Т. Чуди или его соиздателем и соавтором Шевалье де Менвильером (Mainvilliers, Genu-Soalhat chevalier de).⁴

Посвящение 'Павлу Петровичу — внуку Петра Великого' выдержано в тонах, характерных для всей французской официальной России того времени: Петр представлялся абсолютным благодетелем России, вырвавшим ее из пучин невежества. Более того, можно сказать, что данный взгляд нашел в Посвящении наиболее полное, можно сказать, радикальное выражение. Петр называется 'le plus grand Monarque de l'Univers', который победил всех своих врагов, в том числе и свой собственный народ (!!!) Ограничимся тем, что процитируем: 'Он вернулся в свою обширную империю как Завоеватель, для того чтобы победить там варварство с помощью наук и искусств ...'.⁵

Есть все основания утверждать, что, несмотря на неправильное посвящение, книга Лепренс де Бомон стала первым иностранным

³ Он посвятил И.И. Шувалову свою книгу 'Le Philosophe au Parnasse françois ou le moraliste enjoué, Lettres du Chev. De L** et de Mr. De M**. Dediées à son Excellence Monseigneur le Comte Ivan Ivanitch Chevaloff (интересно сравнить эту транслитерацию фамилии Шувалова с той, которая дана в списке подписчиков. См. ниже), chambellan actuel de Sa Majesté Imperiale de Toutes les Russies ...', A Amsterdam, Isaac Bruyn, 1754.

⁴ Менвильер был комментатором исторических сочинений Вольтера, после чего стал одним из первых профессоров Московского университета. Был автором поэмы 'La Rétréade' (Amsterdam, Schneider, 1763). Интересно отметить, что поэму с таким же названием написал А. Кантемир.

⁵ Следует отметить, что первым русским учебником будущего наследника престола и императора стала русская грамматика М.В. Ломоносова, подаренная автором Павлу Петровичу (еще в рукописи) 20 сентября 1755 г. то есть в его первый день рождения.

учебником⁶ для воспитания и обучения наследника русского престола. Нам удалось найти экземпляр 'Magasin des enfans' из личной, 'комнатной', библиотеки Екатерины II (шифр Эрмитажа: шкаф 17, полка 1, № 1, Современный шифр Российской национальной библиотеки: 36.27.10.36), имеющий следы чтения совсем маленького ребенка: это и многочисленные кляксы и чернильные пятна на первом томе, и забавная запись: 'Je commence apprendre dusucre.lendi', — сделанная ребенком уже говорящим по-французски, но еще недостаточно владеющим орфографией.⁷ Только маленький Павел мог использовать, таким образом, данный экземпляр книги из библиотеки Эрмитажа.⁸

Особенно много чернильных пятен на рассматриваемом экземпляре 'Magasin des enfans' имеется как раз на тексте 'Посвящения', искаженного очевидной ошибкой. О том, сколь непонятна, а впоследствии и тягостна была эта ошибка для маленького ребенка, можно судить по следующему факту: в 1800 г., за год до своей кончины, император Павел I приказал сделать на памятнике Петру Великому работы Растрелли, установленному перед Михайловским замком, следующую запись: 'Прадеду от правнука'.

Изданная на средства русского двора в Лондоне, книга Лепренс де Бомон оказала огромное влияние не только на воспитание наследника русского престола. Уже в 1761-1767 гг. в типографии Сухопутного кадетского корпуса, был напечатан русский перевод 'Magasin des enfans', выполненный П.С. Свистуновым ('Детское училище или Нравоучительные разговоры между разумною учительницею и знатными разных лет ученицами ...'). Тираж издания был огромным — 1500 экз. первой части, 2000 экз. 2-ой и 4-ой частей, 2079 экз. 3-ей части. Все

⁶ Можно не сомневаться, что аналогичные пассажи, которые мы встречаем в основном тексте произведения Лепренс де Бомон, были добавлены во время своеобразной его 'русификации' непосредственно перед изданием в Лондоне. В книге появились страницы, которые должны были привить Павлу Петровичу гордость за своих предков и свою империю. В третьей части труда Лепренс де Бомон мы встречаем, в частности, такие стихи (которые могли быть включены в текст или Т. Чуди или Менвильером): 'La Moscovie et ses vastes contrées, / Avant Pierre le Grand, étaient presque ignorées; / Ce prince y fit fleurir le Commerce et les Arts, / Il bâtit Petersbourg, où résident les Czars, / C'est aujourd'hui la ville principale, / Avant elle, Moscou était la capitale.'

⁷ Это свидетельство того, что для маленького Павла Петровича до 3-4 лет существовал запрет на потребление сахара.

⁸ На первом томе книги Лепренс де Бомон имеется знак личного собрания Екатерины II — характерный номер, сделанный сангиным карандашом. Такие сангинные номера (след грубого и поспешного описания всей коллекции) были поставлены на всех книгах и даже рукописях русской императрицы сразу же после ее смерти. Сегодня нахождение такого номера на книгах и рукописях, имеющих книжные знаки императорской Эрмитажной библиотеки (или других императорских собраний того времени), свидетельствует, что эта книга или рукопись находилась непосредственно рядом с ее личными комнатами и рабочим кабинетом Екатерины II в Зимнем дворце.

экземпляры книги нашли своих читателей, и в 1776 г. Петербургская Академия наук выпустила второе, потом в 1788 г. третье издание. Более того, в конце XVIII века вышли в свет, по крайней мере, еще четыре переиздания этого же произведения (в переводе Тимофея Можайского), в типографиях И.К. Шнора (Петербург, 1792), Ф. Мейера (Петербург, 1794), Ридигера и Клаудия (Москва, 1795), А. Решетникова (Москва, 1800). Можно легко подсчитать, что совокупный тираж этих переизданий был не менее 15000 экземпляров и по этому показателю произведение Лепренс де Бомон, изданное впервые в Лондоне в 1756 г., практически не имело себе равных в русском репертуаре книг для детского чтения XVIII века.

* *

*

Ниже мы публикуем список петербургских подписчиков на первое издание книги М. Лепренс де Бомон, причем даем как искаженную транслитерацию, сделанную, скорее всего, Т. Чуди или Менвильером, так и уточненные нами фамилии, а где это было возможно и краткие биографические сведения.

‘Liste des souscrivans’

‘S A M. l’Imp. de toutes les Russies.’

Елизавета Петровна (1709-1761), российская императрица с 1741 г., дочь Петра Великого.

‘S.A.I. le Grand Duc de Russie.’

Петр III Федорович (1728-1762), российский император с 1761 г.

‘S.A.I. la Grande Duchesse de Russie.’

Екатерина II Алексеевна (1729-1796), российская императрица с 1762 г.

‘S.A.I. le Duc Paul Petrowitz.’

Павел I (1754-1801), российский император с 1796 г.

‘Mr. le Prince Galicin.’

Голицын Александр Михайлович (1723-1807), князь, дипломат, обер-камергер; в 1749-1755 гг. — русский посланник в Париже, с 1755 г. посланник в Англии, в 1762-1775 — вице-канцлер.

‘Le Comte d’Esterasy Amb. De Vienne.’

Эстергази, Николас, граф, австрийский посол в России.

‘Le Baron de Pos, Ministre de Suede.’

Поссе, Мориц, барон, шведский посол в России.

‘Mr. De Fonk, Ministre de Saxe.’

Функ (Функ) Иоган Фердинанд Август, польско-саксонский посол в России.

‘Mr. le Comte de Bosomoski Aitman de l’Ukraine, Président de l’Académie des Sciences.’

Разумовский Кирилл Григорьевич (1728-1803), граф, генерал-фельдмаршал, с 1750 по 1764 г. гетман Украины, президент Петербургской Академии наук.

‘Mr. le Chambellan Juan Juanowitz de Chevalloff, Curateur de l’Université Impériale de Moscou.’

Шувалов Иван Иванович (1732-1797), генерал-адъютант, первый куратор Московского университета, возможно, старший сын императрицы Елизаветы Петровны.

‘Mr. le Chambellan, C. de Cheremetoff.’

Шереметев Петр Борисович (1713-1787), граф, камергер при императрице Анне Иоановне, действительный камергер при правительнице Анне Леопольдовне, генерал-лейтенант (с 1754 г.), генерал-аншеф, сенатор, старший сын Б.П. Шереметева, один из богатейших землевладельцев (владел 140000 крепостных крестьян).

‘Mad. la Comtesse, née Prsse de Sreaski.’

Шереметева Варвара Алексеевна (1711-1767), графиня, единственная дочь князя Алексея Михайловича Черкасского, камер-фрейлина, с 1743 г. статс-дама. В 1743 г. вышла замуж за Петра Борисовича Шереметева.

‘Mr. le Vice-Chancellor, C. de Varamoff.’

Воронцов Михаил Илларионович, (1714-1767). Граф, дипломат, камергер, с 1754 г. — вице-канцлер, с 1758 по 1762 г. — канцлер.

‘Messrs. les deux Chamb. de Varamoff.’

Вероятнее всего, речь идет о двух сыновьях графа Романа Илларионовича Воронцова (1707-1783) — Александре и Семене.

Воронцов Александр Романович (1741-1805), граф, государственный деятель и дипломат второй половины XVIII-начала XIX века; в 1762-1764 гг. — полномочный министр в Англии, в 1764-68 гг. — в Голландии, в 1773-94 гг. — президент коммерц — коллегии; в 1802-1804 гг. — канцлер и идеолог союза европейских держав против Наполеона Бонапарта.

Воронцов Семен Романович (1744-1832), граф, дипломат; в 1783 г. — посланник в Венеции, с 1785 по 1806 г. посол в Англии.

‘Mr. le Baron, Chamb. de Strogonoff.’

Строганов Александр Сергеевич (1733-1811), барон, камер-юнкер, впоследствии камергер, сенатор, президент Академии художеств и директор Публичной императорской библиотеки. Есть сведения, что Т. Чуди начинал карьеру в России с должности секретаря А.С. Строганова.

‘Mr. Fermor, Général en Chef.’

Фермор Виллим Виллимович (1702-1771), граф, с 1755 г. генерал-аншеф, главный командир российской армии в Пруссии, генерал-губернатор Прусского королевства.

‘Mr. le Chambellan, Prince Galitsin.’

Скорее всего, речь идет о Голицыне Дмитрие Михайловиче (1721-1793), князе, камергере, российском поселе в Вене (в 1761-1792 гг.).

‘Mr. le Chambellan, Baron de Sievers.’

Вероятно, подписка была сделана Карлом Ефимовичем Сиверсом, бароном, камер-юнкером, действительным камергером, впоследствии гофмаршалом. К.Е. Сиверс покровительствовал Т. Чуди и сделал его гофмейстером Императорского Пажеского корпуса. По поручению Сиверса Т. Чуди составил ‘Мемориал’, где были изложены основные принципы воспитания и обучения пажей.

‘Mr. le Prince Chachouskoi, Commissaire de Guerre.’

Шаховской Яков Петрович (1705-1777), князь, с 1742 по 1753 гг. обер-прокурор Синода, с 1753 г. — генерал-кригс-комиссар Военной Коллегии, с 1760 г. — генерал-прокурор. Возможно, он подписался для своих детей, сына Федора (род. 1740) и дочерей Анны (род. 1738) и Марии (род. 1741).

‘Mr. le Prince Mentsicoff.’

Меншиков Александр Александрович (1714-1764), князь, генерал-аншеф.

‘Mr. le Prince Couratlin.’

Скорее всего, подписка была сделана князем Борисом Александровичем Куракиным (1733-1764) для своего сына кн. Александра Борисовича Куракина (1752-1818), который воспитывался вместе с будущим императором Павлом Первым.

‘Mr. de Nareskin, Maréchal de la Cour.’

Нарышкин Александр Александрович (1726-1795), камергер великого князя Петра Федоровича, в 1755 был назначен гофмаршалом при дворе наследника престола. Возможно, подписка была сделана для его брата Льва Александровича Нарышкина (1733-1799), получившего в 1756 г. придворное звание камергера.

‘Le Comte Juan de Chernichiff.’

Чернышев Иван Григорьевич (1726-1797), граф, военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал от флота.

‘Mr. Condoidi, Premier Médecin du Corps.’

Кондоиди Павел Захарович (1709-1760), лейб-медик императрицы Елизаветы Петровны, главный директор Медицинской Канцелярии, лейб-медик Первого сухопутного кадетского корпуса, учредил в России первые госпитальные школы и противодействовал применению в школах телесных наказаний.

‘Mr. le Conseiller Léoploff.’

Теплов Григорий Николаевич (1717-1779), сенатор, писатель, стат-секретарь Екатерины II, был женат на племяннице К.Г. Разумовского.

‘Mr. le Conseiller Lapcoff.’

Лабков Дмитрий, ассессор камер-коллегии, советник. Известен как человек живо интересовавшийся историей Англии. См. об этом: *Копанев Н.А.* Заспространение французской книги в Москве в середине XVIII века. В кн.: *Французская книга в России в XVIII веке.* Л., 1986, С. 79, 89.

‘Mr. Soufadio, Premier Chirurgien du Corps.’

Суфадиео, главный хирург Сухопутного кадетского корпуса.

‘Messrs. Vainac et Compagnie.’

‘Mr. Frederick Wilhem Poiquenpoth.’

‘Mr. De Serigny.’

Сериньи, Шарль. Директор французского театра в Петербурге в 1740-50-х гг.

‘Mr. Martin.’

‘Mr. Guemgros.’

‘Mr. Dunoyers.’

‘Mr. Bertir.’

Model Conversations in P. I. Zhdanov's *Angliska Grammatika*

C. L. Drage

John Simmons's article 'H. W. Ludolf and the Printing of his *Grammatica Russica* at Oxford in 1696', which he contributed to the first issue of *Oxford Slavonic Papers* in 1950, gave a lasting impetus to the study of early grammars of Russian.¹ In its wake came, for example, B. O. Unbegaun's facsimile edition of Ludolf's grammar (1959),² his facsimile editions of three later Russian grammars, those of Kopijewitz, Adodurov and Groening, printed in 1706, 1731 and 1750 respectively (1969),³ B. A. Uspenskii's publication of a student's manuscript notes on Adodurov's lectures on Russian grammar given between 1738 and 1740 (1975),⁴ H. Keipert's series of articles and books on published and unpublished Russian grammars and grammatical materials starting from 1983,⁵ the works of his research student and collaborator A. Huterer,⁶ and those of V. M. Zhivov on seventeenth- and eighteenth-century Russian.⁷

At a time in the Cold War when Soviet nationalistic sentiment discouraged references to foreign involvement in Russian literature and scholarship, Simmons's description of the circumstances in which Ludolf's grammar was brought out established facts which could not be challenged: that the first grammar of Russian, as distinct from those of Church Slavonic, was written by a German who chose to live in England; that it was printed in Oxford at the university press; that the motives for its creation were primarily religious; and that copies of it were sold on the continent, ensuring that it became widely known far beyond its country of origin.

Although no sources are mentioned in Ludolf's grammar, his model conversations probably borrowed some of their subject-matter, although not their language, from one of the many editions of the multi-lingual travellers' hand-

¹ J. S. G. Simmons, 'H. W. Ludolf and the Printing of his *Grammatica Russica* at Oxford in 1696', *Oxford Slavonic Papers*, I, 1950, pp.104–29.

² H. W. Ludolf, *Grammatica Russica* (Oxford, 1696), ed. B. O. Unbegaun (Oxford, 1959).

³ *Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts*, ed B. O. Unbegaun (Munich, 1969) (hereafter *Drei russische Grammatiken*).

⁴ B. A. Uspenskii, *Pervaia russkaia grammatika na rodnom iazyke* (Moscow, 1975).

⁵ See H. Keipert and A. Huterer, *Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache* (Munich, 2002), p. 124.

⁶ A. Huterer, *Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache (1705–1729) von Johann Werner Paus*, Slavistische Beiträge, Band 408 (Munich, 2001).

⁷ V. M. Zhivov, *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo iazyka XVII–XVIII vekov* (Moscow, 2004).

books composed by Noel van Barlement in the early sixteenth century.⁸ In their turn Ludolf's model conversations are likely to have influenced later works, for example, the incomplete text probably printed in St Petersburg around 1730 which was published and elucidated by Keipert in 1999.⁹

What is striking about the Russian model conversations first published between the second half of the seventeenth century and the 1770s is the willingness of their composers to reuse conversations from earlier textbooks, particularly those published in France and Germany, with little or no adaptation. With few exceptions this pattern persisted throughout the rest of the eighteenth century and at least until the 1830s.

The grammars of Ludolf, Kopijewitz and Groening were designed to teach foreigners Russian. As its title-page makes explicit, Prokhor Ivanovich Zhdanov, on the other hand, composed his *Angliska grammatika* (St Petersburg, 1772) with the aim of instructing his pupils, cadets at the St Petersburg naval academy (the Naval Cadet Corps), in (non-technical) English.¹⁰ On the basis of errors in his Russian model conversations it appears that Ludolf compiled them himself from verbal exchanges which he heard around him while living in Moscow, but which he himself did not fully understand. Subsequently he translated them into Latin and German. Like Ludolf, Zhdanov does not disclose the sources of his grammar, nor for that matter of his bilingual, English and Russian, model conversations. With respect to the latter his reference in the opening paragraphs of his grammar to Dr John Wallis, who became Savile Professor of Geometry at Oxford in 1649 and the sixth edition of whose *Grammatica linguae anglicanae* came out in London in 1765, is unhelpful, because Wallis's grammar does not contain any model conversations or even lists of words and phrases.¹¹ Evidence on the origin of these conversations has therefore to be sought for in the texts of the conversations themselves.

Zhdanov's model conversations are much more numerous and extensive than Ludolf's: there are thirty-seven of them against Ludolf's six, and they cover 137 pages, whereas Ludolf's extend only over 39 pages. The strictly grammatical part of Zhdanov's grammar is divided into orthography, etymology, syntax and prosody, the last understood as lexical stress. Then follow a list of abbreviations used in England with their Russian translations or ex-

⁸ C. L. Drage, 'Russian Model Conversations, c. 1630–1773', *Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century*, ed. R. Bartlett and L. Hughes (Münster, 2004), pp. 149–66, in particular p. 158.

⁹ H. Keipert, 'Ein unbekannter früher Druck der Petersburger Akademie-Typographie', *Zeitschrift für Slavische Philologie*, Band 58, 1999, pp. 255–91.

¹⁰ *Angliska grammatika, sochinennaia morskago shliakhetnago kadetskago Korpusa uchitelem Prokhorom Zhdanovym v pol'zu uchashchagosa blagorodnago iunoshestva* (St Petersburg, 1772). See A. G. Cross, 'By the Banks of the Thames': *Russians in Eighteenth-Century Britain* (Newtonville, Mass., 1980), pp. 53–55.

¹¹ Iohannes Wallis, *Grammatica linguae Anglicanae*, 6th ed. (London, 1765).

planations and word-lists in English and Russian arranged in various subject groupings. Next come 'Familiar Phrases' in English and Russian and then the bilingual model conversations proper under the title 'Familiar Dialogues'.¹²

The first question which arises with respect to the 'Familiar Dialogues' is which of the two texts, the English or the Russian, came first, i.e. which is the original of which the other is a translation. The possibility that the two texts are not directly related in this way has to be excluded for the reason that almost every sentence in the one closely parallels the corresponding sentence in the other.

As already stated, the 'Familiar Dialogues' are preceded by three other bilingual sections: the abbreviations entitled 'O sokrashchenii slov',¹³ the word-lists called 'A Vocabulary, English & Russ.',¹⁴ and the 'Familiar Phrases'.¹⁵ It would be reasonable to assume that the relationship between the constituent texts of all four bilingual sections would be the same. If this assumption is accepted, then the evidence of the abbreviations and the word-lists points to the priority of the English texts. Both, but particularly the abbreviations, contain many items typical of eighteenth-century English life and society but for which there were no precise equivalents in eighteenth-century Russia. Indeed, if the Russian component had come first, there would have been no call to mention many of the English items. Take these examples from the English text of the abbreviations: Ast.P.G.C. (Astronomy professor of Gresham college); Bart. (baronet); C.C.C. (Corpus Cristi College); C.P.S. (Custos privati Sigilli, i.e. keeper of the Privi Seal); Esq.; F.R.S.; M.S. (Memoriae Sacrum); Mss. (manuscripts); S.S.T.P. (Sacro-Sanctae Theologiae Professor); and V.D.M. (Verbi Dei Minister).

Moreover, the English 'Familiar Phrases' are more vivid and lively than their Russian counterparts, and if one of two synonymous utterances is more expressive than the other, then the more expressive one is likely to have been the original. Compare these sentences from the English text of Section 22 of the 'Familiar Phrases' called 'In the School' with the corresponding Russian.¹⁶

You do nothing but play.

Вы только играете.

I'll set you up.

Я вас запишу.

Don't jog me.

Не толкай мне (*sic*).

I'll return you like for like.

Я вам равным образом отплачу.

Tell if you dare.

Скажи только.

He played the Truant Yesterday.

Он вчера от школы гулял.

¹² Zhdanov (note 10), pp. 163–299.

¹³ Ibid., pp. 94–104. This list is the same as that given in M. Permskii's *Prakticheskaia angliskaia grammatika* (St Petersburg, 1766). See Cross (note 10), p. 54.

¹⁴ Ibid., pp. [1]–111.

¹⁵ Ibid., pp. 112–62.

¹⁶ Ibid., pp. 157–62.

He lolled out his Tongue to me.
He gave me a box on the Ear.
He shall meet with his match.

Pray let me alone.
Mind your Business.
Are you out of your Wits?

Why dit (*sic*) you tell the Master of me?

I'll pommel you.

What a Noise is there?
I'll beat your back and belly.
Take up this Boy, & whip him soundly.

Sir, I beg your Pardon.
Pray, Sir, forgive me this one time.
Be then better for the future.

Он дразнил меня языком.
Он мне оплеуху дал.
Найдет он по себе, или попадется на
такова, каков сам.
Пожалуй не трогай меня.
Знай, или делай свое дело.
Не без ума ли вы? не взбесились ли
вы?
Для чего вы учителю про меня
сказали?
Я поколочу тебя, или будешь ты меня
помнить.
Что там за шум?
Спине и брюху твоему достанется.
Подними этого мальчика и высеки его
хорошенько,
Простите меня сударь.
Пожалуй, простите мне этот один раз.
Будь же впредь лучше, или не делай
этого вперед.

It is consistent with this disparity in expressiveness that the English texts rarely contain alternatives, whereas the Russian do so frequently, as though their composer was hesitating between rival formulations.

The same contrast between rich, idiomatic and racy English and pedestrian Russian can be recognized also in the 'Familiar Dialogues' themselves. Take, for example, these three passages. The first comes from Dialogue 25, which bears no title but which is concerned with exchanging personal possessions by barter.¹⁷

How much did your sword cost you? or
what does it stand you in?
It cost me Five & Twenty Roobles.

Then you must give me five Roobles to
boot.
I'll not do it.
I'll be sure not to do it.
Well, chuse.
See whether you will change even hands.

Truly, you tell me fine storys!

I am not so easy as you think to be
bubbled.

Сколько вам стоит ваша шпага? или
во что вам она обошлась?
Она мне стоит, или обошлась в
двадцать пять рублей.
Так тебе надобно дать мне пять
рублей в добавок.
Не хочу.
Наверно не соглашусь.
Изрядно, выбирай.
Смотри, не поменяешься ли без
придачи.
Ну подлинно, вы не худыя
рассказываете басни!
Меня не можно так легко, как вы
думаете, проведать.

¹⁷ Ibid., pp. 263–64.

Look for Bubbles elsewhere.

Поищи провесьть, или поищи глупцов в другом месте.

Well, I'll change or truck with you even hands.

Ну, я поменяюсь с тобою без придачи.

Done.

Изволь.

The second passage comes from Dialogue 31, 'To Hire a Boat'.¹⁸

Harkey friend, are you going to Cronstadt?

Слушайка друг мой, не едешь ли в Кронштат?

Not to day, sir, but when should you like to go?

Севодни не еду сударь, а когда вы изволите ехать?

I should be glad to go as to day.

Я бы рад ехать севодни.

To day the wind does not serve for Cronstadt.

Севодни ветер противен ехать в Кронштат.

Shall you have any passengers besides me?

Будет ли у тебя седоки опричь меня?

I have ten or twelve already.

У меня и так есть с десять или с 12 человек.

The third passage is taken from Dialogue 32, 'To buy Books', at the point where the bookseller is resisting his customer's attempt to beat down his price.¹⁹

You would not have me sell my Books to loss,

Разве вы хотите, чтоб я продавал свои книги с убытком.

Far from it; I would have you get something.

Никак; я желаю, чтоб тебе был барыш.

Then you must give me two Roobles for it.

Так пожалуйста мне за ее два рубли.

There's your money; I will not stand on so small a matter.

Вот тебе деньги; я не хочу стоять за такую безделицу.

If the English texts of Zhdanov's 'Familiar Dialogues' are the primary texts, from which the Russian ones were translated, were they *de novo* creations, or were they borrowed from elsewhere? If the latter, they could hardly have come from an English grammar written by an English author for native English speakers, because such grammars do not normally contain model conversations on the ground that their users would not need them. On the other hand, they could have been taken from a foreign textbook of English, devised for continental students of English, and perhaps such a textbook may one day come to light. In any event, whether novel or second-hand, Zhdanov's English model conversations sound natural enough to have been worked on by a native

¹⁸ Ibid., Dialogue 31, pp. 278–80.

¹⁹ Ibid., Dialogue 32, pp. 280–84.

English speaker, perhaps one of his colleagues at the naval cadets' academy or one of his English acquaintances in St Petersburg, or even by a fellow Russian whose knowledge of English was tantamount to a native's. In fact there is evidence that much of their subject-matter and language is derivative.

In St Petersburg in the 1760s and 1770s two collections of model conversations were available, although neither contained English versions. They were: the anonymous tetralingual *Dialogues domestiques* (St Petersburg, 1749)²⁰ in French, German, Russian and Latin, whose Russian and German tracks were subsequently removed and republished almost unchanged by J. Rodde (1st ed., Riga, 1773);²¹ and des Pepliers's French and German model conversations (1st ed., Berlin, 1689; republished, Berlin, 1738),²² which were translated into Russian and Swedish and republished with some, mainly minor, alterations in Stockholm in 1750 by M. Groening.²³

The subject-matter of *Dialogues domestiques*, as their title indicates, focuses on home entertaining, the inviting of guests, their refreshment at table, the serving of tea, coffee and hot chocolate, and a restricted range of other domestic and social matters. Despite the fact that there are fewer dialogues and they fill far less pages, the subject range of the des Pepliers-Groening conversations is much broader than that of *Dialogues domestiques*, including, for example, the problems of foreign language learning, the discussion of recent news events, visiting the sick and the weapons needed for self-defence and hunting.

The 1749 edition of *Dialogues domestiques* and its cut down edition of 1773 both have ninety-six dialogues: the des Pepliers edition of 1738 has twenty and the Groening edition of 1750 eighteen. However, although the overall title of Zhdanov's model conversations is very similar to that of *Dialogues domestiques*, when their subject-matter is compared, it turns out that the 'Familiar Dialogues' correspond closely not to *Dialogues domestiques* but to the des Pepliers-Groening conversations. The result is that, when the thirty-seven dialogues of the Zhdanov grammar are contrasted with the twenty dialogues of the des Pepliers grammar and the eighteen of the Groening grammar, it is found that almost every subject treated by des Pepliers or Groening reappears in the Zhdanov grammar, although often it has been expanded and the dialogues themselves have been placed in a different sequence. Conversely, the Zhdanov conversations appear to contain no material which can be identified as coming from *Dialogues domestiques*.

²⁰ *Dialogues domestiques. Gespräche von Hauss-Sachen. Domashnie razgovory. Colloquia Domestica* (St Petersburg, 1749).

²¹ For a later edition see J. Rodde, *Russische Sprachlehre*, Vierte vermehrte Auflage (Riga, 1789).

²² *Nouvelle et parfaite grammaire royale françoise et allemande, des Pepliers* (Berlin, 1738).

²³ M. Groening, *Rossiiskaia grammatika* (Stockholm, 1750). For a facsimile reproduction see *Drei russische Grammatiken*.

The following table, which lists the headings of des Pepliers's and Groening's model conversations, illustrates the closeness of the relationship between them.

<i>des Pepliers</i>	<i>Groening</i>
1. (untitled)	1. (untitled)
2. Pour faire une Visite le matin	2. О утреннем посещении
3. Pour s'habiller	3. О надевании платия
4. Le Gentil-homme & le Tailleur	4. Между господином и портным
5. Pour déjeuner	5. О завтраке
6. Pour parler François	6. О говорении по руски
7. Du Tems	7. О погоде и времени
8. Des beautez d'une jeune Fille	8. Как о новых ведомостях спрашивать
9. Pour demander ce qu'on dit de nouveau	9. Как спросить о ком
10. Pour s'informer d'une Personne	10. О писании
11. Pour écrire	11. О покупке
12. Pour acheter	12. О убрании каморки
13. Pour jouër	13. О шествовании
14. Pour le Voyage	14. О ужене и ночлеге
15. Du souper & du logement	15. О щоте с хозяином
16. Pour conter avec l'hôte	16. О езде верхом
17. Pour monter à cheval	17. О посещении больного
18. Pour visiter un malade	18. О оружии
19. Des Armes	
20. De la chasse	

The next table sets out the headings of all Zhdanov's 'Familiar Dialogues' and relates each one to the corresponding dialogues in des Pepliers and Groening, if one exists.

1. To Salute and Inquire aftet (<i>sic</i>) one's Health	
2. Before going to Bed and after one is in Bed	
3. To rise in the Morning	
4. To dress one's self	des Pepliers 3; Groening 3
5. Between a Lady and her waiting Woman	
6. To make a Visit in the Morning	des Pepliers 2; Groening 2
7. To Breakfast	des Pepliers 5; Groening 5
8. Before Dinner	
9. At Dinner	
10. To speak Russ	des Pepliers 6; Groening 6
11. To speak English	
12. Of Cookery	
13. Between a Gentleman, a taylor, and a Woolen-draper	des Pepliers 12; Groening 11
14. Betwixt a Gentleman, & a taylor	

15. Between the same	des Pepliers 4; Groening 4
16. To speak to the shoe Maker	
17. To hire a lodging	
18. To inquire after one	des Pepliers 10; Groening 9
19. To retire or to take one's leave	
20. Of News	des Pepliers 9; Groening 8
21. Betwixt a sick body, a Physician, & a Surgeon	des Pepliers 18; Groening 17
22. Between the same	
23. Betwixt two Friends	
24. To write a Letter	des Pepliers 11; Groening 10
25. (untitled)	
26. To play at Cards	des Pepliers 13
27. To go to Bathe or to swim	
28. To speak to a Groom	des Pepliers 17; Groening 16
29. Going upon a journey	des Pepliers 14; Groening 13
30. In an Inn	des Pepliers 16; Groening 15
31. To hire a Boat	
32. To buy Books	
33. Of Country Diversions, or Sports, especially of Hunting & Fishing	des Pepliers 20
34. To go to see a play	
35. Of Christening Wedding & Burial	
36. To desire one to sing	
37. At jumping & Running	

Did Zhdanov and his hypothetical collaborator use both des Pepliers and Groening, or, if they used only one of them, which one? If the argument is based on whole dialogues, the evidence of those of Zhdanov's dialogues which have counterparts in both des Pepliers and Groening is inconclusive. Thus Zhdanov's dialogue 'Of News' (no. 20) might have been based either on des Pepliers's dialogue 'Pour demander ce qu'on dit de nouveau' (no. 9) or on Groening's dialogue 'Как о новых ведомостях спрашивать' (no. 8). However, certain of des Pepliers's dialogues were not taken over by Groening, namely 'Des beautez d'une jeune Fille' (no. 8), 'Pour jouer' (no. 13) and 'De la chasse' (no. 20). Of these three dialogues two, 'Pour jouer' and 'De la chasse', reappear in Zhdanov as dialogues nos. 26 and 33. As they could not have come from Groening, who does not contain them, this is firm proof that Zhdanov borrowed them from des Pepliers. But did he also use Groening?

The answer to this question cannot be provided by citing a whole dialogue in Zhdanov which is to be found in Groening but not in des Pepliers, because none such exists. Only one of Groening's dialogues, 'O ubranii kamorki' (no. 12), has no counterpart in des Pepliers, but it was not taken over by Zhdanov. In Groening's grammar it replaced des Pepliers's dialogue, 'Pour jouer' (no. 13), which along with 'Des Beautez d'une jeune Fille' (no. 8) and 'De la

chasse' (no. 20) Groening suppressed. However, this answer can be obtained from a comparison of passages in those dialogues which occur in all three grammars, but in which des Pepliers and Groening display differences from one another. If Zhdanov follows the language of Groening rather than that of des Pepliers, this would constitute evidence that on these occasions Zhdanov was relying on Groening.

The following are a few of the many examples which could be brought forward. The significant words or phrases are underlined.

<i>des Pepliers (no. 2)</i>	<i>Groening (no. 2)</i>	<i>Zhdanov (no. 6)</i>
Que fites-vous donc hier après souper?	Для чего ж изволили так поздно лечь?	What did you do after Supper? How did you spend the Evening.
Aussitôt que vous fûtes sorti, on parla de jouer. Jouâtes-vous donc aussi? Oui, Monsieur, je jouai aussi.	Я сидел долго у приятеля. До которого часу изволили у него сидеть? До второго часу пополудни.	We play'd at Cards, or we went to Cards.
A quel jeu?	Чем же забавлялись?	What game did you play at?
Nous jouâmes <u>au piquet</u>	<u>Разными разговорами</u>	<u>At Picket.</u> 'Tis a Game very much in fashion.
<i>des Pepliers (no. 9)</i>	<i>Groening (no. 8)</i>	<i>Zhdanov (no. 20)</i>
Avez-vous oüi dire, que nous aurons <u>la guerre</u> ?	Слышно ли вам, что в немецкой земле <u>мир</u> заключен?	Did you hear anything of <u>the war</u> ?
Je n'en ai point oüi parler.	Нет, я о том ничего не слышал.	I heard nothing of it.
<u>Que dit-on en Cour?</u> Est-il vrai, ce qu'on dit de <u>Monsieur N</u> ?	<u>absent</u> Правда ли то, что о господине <u>Графе</u> говорят?	<u>What do they say at Court?</u> Let's speak of private new's. How does <u>Mr</u> ?
<i>des Pepliers (no. 11)</i>	<i>Groening (no. 10)</i>	<i>Zhdanov (no. 24).</i>
Où est vôtre canif?	Где ваш перочинный ножик?	Where is your penknife?
Savez-vous tailler les plumes?	Умее ли вы перья очинить?	Can you make Pens?
Je les taille à ma manière.	Я их по своему стану очинить	I can make them my own way.
<u>Celle-ci n'est pas mauvaise.</u>	<u>absent</u>	<u>This is not bad.</u> It is pretty good.

des Pepliers (no. 14)Combien de lieuës y a-t-il
d'ici à Berlin?*Groening* (no. 13)Сколько миль отсель к
первому городу?*Zhdanov* (no. 29)Where do you go Sir? I
am going to Peterhoff.
When do you go away?
Presently. Do you go
thither in a Coach, or
on Horseback?
On horseback.Allons, Messieurs, allons,
montons à cheval.Ступайте, господа, сядем
в коляску.Come, Gentlemen, let's
go? Farewell,
Gentlemen. I wish you a
good journey. I thank
you with all my soul.
Will you not take the
stirrupcup? As you
please.

The inference to be drawn from these examples is that, whereas *des Pepliers*'s model conversations influenced both *Groening*'s and *Zhdanov*'s conversations, *Groening*'s conversations had no detectable influence on *Zhdanov*'s. Moreover, the influence of *des Pepliers*'s conversations on *Groening*'s was far stronger than it was on *Zhdanov*'s.

Unlike *Groening*, who in taking over *des Pepliers*'s conversations omitted three, nos. 8, 13 and 20, and added only one new one, his no. 12, *Zhdanov* nearly doubles the number of conversations. Some of the fresh ones are logical extensions of ones already present in *des Pepliers*. For example, where *des Pepliers* devotes only one conversation to the dealings between a gentleman and his tailor, *Zhdanov* has no less than three, nos. 13–15. Others cater for the pastimes of the cadets: 'To go to Bathe or to swim' (no. 27), 'To hire a Boat' (no. 31), 'Of Country Diversions, or Sports' (no. 33), of which fishing is one, and 'At jumping & Running' (no. 37). Yet others provide for their cultural needs: 'To buy Books' (no. 32), 'To go to see a play' (no. 34), and 'To desire one to sing' (no. 36). But there are others which seem irrelevant to the concerns of naval cadets: for example, 'Between a Lady and her waiting Woman' (no. 5), 'Of Cookery' (no. 12), and 'Of Christening Wedding & Burial' (no. 35). These are not the only conversations which appear to ignore the needs of the cadets. *Zhdanov*'s dialogue no. 10, 'To speak Russ', which is based on *des Pepliers*'s no. 6, 'Pour parler François', includes a long list of Russian translations of West European works published in St Petersburg and Moscow between 1747 and 1769. The citing of these translations might be defended on the ground that their study would further the cadets' general education, but this is not the context in which they are given. The list is produced in answer to the question: 'What Books do you read to learn Russ?' *Zhdanov*

may have realised that in printing this dialogue he must seem to have forgotten that his pupils were native Russians. So his next conversation, a brief and cursory one, entitled 'To speak English' (no. 11), was apparently designed to get his textbook back on course. However, there is a later dialogue, 'To buy Books' (no. 32), already referred to, which recommends the purchase not of English classics, as one might expect in a grammar of English for Russians, but of three major Russian writers of the eighteenth century, Lomonosov, Sumarokov and Kantemir. The presence of these two lists, one of Russian translations of West European works and the other of original Russian works, both irrelevant to the teaching of English to Russians but highly relevant to the teaching of Russian to foreigners, suggests that they were taken from a textbook of Russian. We know very little of Zhdanov's activities at the naval cadets' academy; but besides his responsibility for teaching English, could he also have been involved in teaching Russian to foreigners?

There is more material in *Angliska grammatika* which seems to be aimed at a different audience from the primary one of the naval cadets. Among the 'Familiar Phrases' we find these affectionate forms of address in both English and Russian: 'My Life . . . My little Darling . . . Sweet Heart. My dear Child. My pretty Angel. My all.'²⁴ Other formulae are strung into brief exchanges: 'I give, or I render you a thousand thanks . . . You give yourself too much Trouble. I find none in serving you. You are very kind, or very civil.'²⁵ Not all are so bland: 'Hold your Tongue . . . She won't hold her tongue. She does nothing but prattle, or tattle.'²⁶ And some sound particularly authentic: 'Upon my Honour, or Credit . . . Are you serious? or are you in earnest. You have hit the Nail on the Head',²⁷ whose inadequate Russian equivalent is: 'Вы не ошиблись'.

There are some other passages among the 'Familiar Phrases' which might have surprised, not to say astonished, the grammar's dedicatee, Count I. G. Chernyshev, vice-president of the State Admiralty College, if he had come across them: 'Methinks I am in an earthly Paradise. Do you not hear the sweet Melody of the Birds? The sweet singing, or the warbling of the nightingale? Do not I hear the Cuckow? No, it is not May yet. You go too fast.'²⁸ Again: 'Here's a very fine Flower Garden. Let's walk in this Walk. There are very fine Flowers? How do you call that Flower? 'Tis a Tuberose. There are fine Violets, & fine Jessamin. Let's gather Pinks and Roses. Let's make a Nosegay of them. Make me a Nosegay. That Nosegay smells well. Give me that Tulip. Whose Rose tree is that? Give me a Rose. Take one. Let's go into that Bower. Let's go

²⁴ Zhdanov (note 10), p. 113.

²⁵ Ibid., pp. 113–14.

²⁶ Ibid., p. 123.

²⁷ Ibid., pp. 117–18.

²⁸ Ibid., p. 143. Section 16 (pp. 139–45) is entitled 'To walk'.

into that green Arbour. Let's go to the Shade.'²⁹

Unlike Groening, Zhdanov greatly develops des Pepliers's conversations. He brings in new subjects and enlarges the treatment of existing ones. Introductions and conclusions are added, and the texts are extended with additional incidents and comment. Some of the new material merely repeats in different words what is already there, but but not all. Take, for examples, this extract from Zhdanov's dialogue 'Of News' (no. 20): 'Do you think we shall have a peace? There s a likelihood of it. I believe we shall. For my part I believe not. What grounds have you for it? Because I see the minds of both parties are little inclined that way. Nevertheless every body wants peace. Especially Merchants & Traders. The war is a great hindrance to trade. Without Question. Peace is always advantageous to trade. What do they say at Court? They talk of fitting out a fleet of fourscore men of war. They talk of a journey. When do they suppose the Empress will go? It is not known. They say nothing of it. Where do they say the Grand Duke will go? Some say to Zarsko selo, others to Peterhoff. And what says the Gazette? I have not read it. And to speak freely with you, the designs of the Court are kept so secret, that I believe the News writers know nothing of them. And after all, I little trouble my self about state affairs. I never take upon me to settle the Nation. And I never speak positively of any thing.'³⁰ Only the sentences from 'Do you think that we shall have a peace?' to 'What grounds have you for it?' and 'What says the Gazette? I have not read it' have been taken from des Pepliers. All the rest has been added; but, however anglophile Zhdanov may have been, is it credible that it should have come from him? Might it not have come instead from the pen of a hypothetical English collaborator?

Although the themes of Ludolf's trilingual conversations have a long history, the final form of their Russian track is likely to have been his work alone: no Russian-speaking colleague, who knew Latin and German and could therefore verify what the Russian texts were supposed to mean, could have overlooked his mistakes. The origin of Zhdanov's bilingual conversations, in contrast, is much more recent. Over half of them appear to have been translated from either des Pepliers's French or German track direct into English. They were then expanded with fresh material. Some of it responded to the interests of the naval cadets, but much else was evidently intended for the general student of English. Occasional passages in the conversations present unexpectedly frank political views. Some more matter seems to have been brought in from a textbook for foreigners learning Russian. The translation of the English texts into Russian was probably carried out by Zhdanov himself.

²⁹ Ibid., pp. 145–46. Section 17 (pp. 145–46) is entitled 'To walk in a Flower Garden'.

³⁰ Ibid., pp. 244–46.

Thomas Baston and Peter the Great

W. E. Butler

So far as can be determined, Thomas Baston and Peter the Great never met, although they most certainly were contemporaries. The former remains unidentified, the subject of conjecture, whereas the second requires no introduction. For those who seek evidence of the foreign image of Peter the Great during and after his reign, Baston is a source apparently unknown to the bibliographies in this connection.

By 'Baston' I refer to one Thomas Baston, author of *Thoughts on Trade, and a Publick Spirit. Consider'd under the Following Heads, Viz. I. Companies in Trade. II. Stock-Jobbes. III. Projectors. IV. Corruptions in the Law and Public Offices. V. Of a Public Spirit* (London, printed for the Author, 1716), [xvi], 212 p.

Insofar as this Thomas Baston is an economist (the subject under which his title is commonly classified) or a man of affairs, or indeed as some have speculated, a pen-name for Daniel Defoe (c. 1661–1731), his life remains unchronicled in the social science literature. He is of interest to Russianists for the following passage in his treatise:

I have heard that that Excellent Prince, Czar of Muscovy, is so exact in this Point, that the meanest Subject in his Dominions may complain against the greatest Peer of his Realm; and if his Courts of Judicature delays, or denies Justice, he may appeal to the Czar's own Person, and none dares hinder his Access, where he shall be certain of speedy and impartial Justice. 'Tis not to be suppos'd, the Czar is fond of impertinent Complaints; undoubtedly, by this Method he is troubled with very few, because the Terror of his Justice is such that his Officers venture not to Cheat, or Oppress, any of his Subjects, as of any Pardon, or Connivance from a Prince, that in those Cases is no respecter of Persons (pp. 60–61).¹

The 1716 edition was reissued with a cancel title page and a new expanded preface, called a 'second edition with additions' in 1728, also printed for the author; and again in 1732, on this occasion printed by Olive Payne. Judging by library holdings, the book is not uncommon. The first edition is held, *inter alia*, by the British Library (3 copies), Cambridge University Library (2 copies), the university libraries of Liverpool, Glasgow, Edinburgh and Aberdeen, the National Library of Scotland, University of London Library, Leeds University Library, Library of Congress, and Harvard. The 1728 version is perhaps less

¹ Quoted from the copy in The Butler Collection, bearing the Jacobean bookplate of John Duke of Rutland and on the flyleaf the manuscript ex libris of James Compton Wantage, whose initials also appear lightly on the preface, and a donative inscription in pencil to Bill Sinkins, former owner of Wildy's Law Books, from Keith Hiskins, dated December 1975.

common, being recorded at the University of London, and National Library of Scotland. The 1732 edition is held by the British Library, and the university libraries of Liverpool, Cambridge and Lampeter.

Three editions in sixteen years at the author's expense shows nothing if not determination. But the economists apparently have not been inclined to pursue him. The art historians have, though, become interested in a Thomas Baston (fl. 1695–1730), described as a 'pioneer marine print designer', and upgraded recently from the category of 'unimportant' to 'important'.²

Baston is not a common name then or now. Wallace notes there was a Thomas Baston christened at Allhallows, London Wall, on 2 August 1691, whose father was also named Thomas and mother named Mary. On 25 October 1728 a second Thomas Baston was christened at the same church and his father was Thomas and mother, Mary. Wallace speculates this last birth must have been to the artist Thomas Baston, (unless, of course, it was the economist who has the proud father).

The difficulty with this speculation is that the Treasury Papers³ record the Petition of Thomas Baston to the King, showing:

... by the King's order, through Major Gen. Trelawny, he made a draught of the lighthouse on the Eddystone near Plymouth, which the King then had at Kensington, and that afterwards, by his express orders, a second draught of the same, much larger, and according to the new alterations, which were then made in that lighthouse, together with the draughts of several of the King's ships of war, which after much pains and six months labour, he performed to general satisfaction, and delivered to the King at Hampton Court ... for which he received no reward or gratification, but was reduced with his wife and children to great want and poverty, Praying for the royal Bounty.

Apparently Baston was paid 30 pounds on 29 January 1702. He also petitioned on behalf of his brother John Baston, but the result is unknown.

We can compound the difficulty, unless we are dealing with a precocious twelve-year old, by noting that a year later Joseph Gander's treatise on navigation and commerce contained a fine frontispiece engraved by Michiel van der Gucht (1660–1725) after Thomas Baston.⁴ Although Thomas Baston is recorded on some of the engravings as 'pinxt', no paintings by him are recorded and it is not at all certain that he engraved or etched. Draw he did, however, and Baston prints are perhaps in most or all cases based on his draw-

² For Baston the engraver I rely on the two essays by Charles Harrison Wallace found at <http://www.cichw.net/pmpbas.html>—with illustrations.

³ *Calendar of Treasury Papers*, LXXVII, p. 6; cited by Wallace.

⁴ See J. Gander, *The glory of Her sacred Majesty Queen Anne, in the royal navy, and her absolute sovereignty as empress of the sea, asserted and vindicated. Also a treatise of navigation and commerce: with some remarks on the Royal hospital at Greenwich; and improving the woollen manufactory* (London, printed for the author, 1703).

ings. In 1721 Thomas Bowles⁵ published a series of 'Twenty-two Prints of several of the Capital Ships of His Maj^{ties} Royal Navy with Variety of other Sea Pieces after the drawings of T. Baston'. One of these, apparently engraved by others more than once, is known as 'The Greenland or Whale Fishery' but actually depicts the whaling fleet off Spitzbergen. Assuming the drawing was from life and that Baston accompanied the whaling fleet, he was within striking distance of Russia.

And so the question lurks. Do we have the same man producing naval drawing of accomplishment and three editions of a treatise on economics and company ethics at his expense, or two members of the same family, or completely different persons?

⁵ Glasgow University Library holds the *Proposals for engraving by subscription twenty-two different designs of sea-pieces. After the drawings of T. Baston*. It is undated but ascribed c. 1725; more likely it is contemporary with the prints themselves. The prospectus reads: 'Subscriptions are taken in by the Author, and by Mr. Tho. Bowles Printseller near the Chapter-house St. Paul's Church-yard, Mr. John Bowles Printseller near Stocksmarket, and at his shop in Mercers-Chapel ...'. The National Library of Scotland has one print from the series: *The Britannia a first rate carrying 100 guns and 780 men, with a view of Woolwich where she was built*. Printed for Carington Bowles next the Chapter House in St. Pauls Church Yard London.

Sir Arthur Helps's *Oulita the Serf* (1858)

Anthony Cross

If the name of Sir Arthur Helps (1813–1875) still retains any resonance it is surely as the ‘editor’ of Queen Victoria’s *Leaves of Our Life in the Highlands* (1868) and her *Mountain, Loch and Glen* (1869). The Queen’s appreciation and affection for Helps were reflected in the notice of his death that appeared in the *Court Circular*: ‘As a loyal subject and as a kind friend, he rendered to her Majesty many important services. He assisted with a delicacy of feeling and an amount of sympathy which her Majesty can never forget, in the publication of her records of the Prince Consort’s speeches and of her “Life in the Highlands” to which he willingly devoted the powers of his enlightened and accomplished mind.’¹ Helps was, indeed, a most worthy Victorian, who after graduating from Cambridge in 1835 had embarked on a career of devoted public service, combined with prolific authorship, which lasted until his death four decades later. The royal connection essentially began with his appointment as Clerk to the Privy Council in 1860, following his decisions, firstly, not to stand as a parliamentary candidate for the University of Cambridge, and, subsequently, to decline the Chair of Modern History at Oxford.

His first book, published in the very year he graduated, was a collection of aphorisms under the title *Thoughts in the Cloister and the Crowd*, among the more interesting of which was: ‘if you would understand your own age, read the works of fiction produced in it. People in disguise speak freely.’² It was a view he enunciated on several occasions in his writings, devoting, for instance, a chapter to ‘Fiction’ in the first volume of his *Friends in Council* (1847). In the intervening years, however, he had turned not to the novel but to the drama as a vehicle for his ideas, publishing both *King Henry the Second: An Historical Drama* and *Catherine Douglas: A Tragedy* in 1843. Fifteen years later, it was to the tragic genre that he again returned, producing *Oulita the Serf: A Tragedy*, in blank verse and prose and in five acts.

Helps, who characterised himself as a man ‘of decidedly liberal tendencies’,³ was deeply involved with many of the social issues of the age. He wrote pamphlets, contributed articles to journals, and fashioned three volumes of *Friends in Council* in which he used his favoured form of the dialogue, written, according to one critic, ‘with earnestness but lacking originality’.⁴ A subject

¹ Quoted in E. A. Helps (ed.), *Correspondence of Sir Arthur Helps K.C.B, D.C.L.* (London, 1917), p. 12.

² *Thoughts in the Cloister and the Crowd* (Cambridge, 1835), p. 96.

³ *Correspondence of Sir Arthur Helps* (note 1), p. 188.

⁴ G. C. B[oase], ‘Arthur Helps’, *Dictionary of National Biography*, XXV (London, 1891), p. 373.

to which he devoted a whole series of wide-ranging dialogues in the second volume was slavery.⁵ His interest focused on the introduction of slavery into the Americas, and led to two volumes entitled *The Conquerors of the New World and Their Bondsmen: The Events which Led to Negro Slavery* (1848–1852). Having completed them, he realised that he had merely scratched the surface and dedicated himself to serious historical research, including visits to the Madrid archives, to produce his major study of the Spanish *conquistadores*, which he hoped might ‘afford the least aid or enlightenment to those who would legislate wisely upon matters connected with slavery or colonization’.⁶ In the years 1855–1861 the four volumes of *The Spanish Conquest in America and Its Relation to the History of Slavery and to the Government of Colonies* duly appeared. In the interim there had been published in America Harriet Beecher Stowe’s *Uncle Tom’s Cabin*, ‘a very remarkable book’, which deeply moved him and led to the publication of an open letter in *Fraser’s Magazine* in 1852.⁷ Mrs Stowe herself read and responded to the letter, written, she felt, by ‘a man of benevolence and feeling’.⁸

It is in the context of, on the one hand, Helps’s favoured genre of the tragedy and, on the other, his intellectual and emotional engagement with the iniquities of slavery that *Oulita* occupies its distinctive place.

The play is set ‘at the beginning of the 19th century’, when Russia was ruled by an unnamed Emperor, who is to make his entry only in the long third scene of the final act. The Emperor remains as abstract as the Russia he ruled, and he serves only as the agent (unsuccessful in the event) to undo wrongs perpetrated by perfidious underlings. The central clash is between the contemptible ‘Minister of Police’ Baron Grübner, and the high-minded Count Edgar von Straubenheim, who initially enjoys the confidence of the Emperor and would wish to persuade him, in Grübner’s words, ‘not to govern overmuch’ and ‘multiply through millions made of freemen / The power (not to be wished for) he puts off / Himself.’⁹ Grübner contrives to have the scholarly and Anglophile Count nominated as ambassador to England and engaged to marry the Princess Marie Zeozia, daughter of the ‘Boyard Noble’ Prince Lanskof. The Count agrees to both unsought embassy and loveless marriage, although during a visit to the Prince’s home in Moscow he had become fascinated with the charms of the Prince’s house-serf and gifted songstress Oulita. The play is

⁵ *Friends in Council: A Series of Readings and Discourse thereon*, Book the Second (London, 1849), pp. 183–370.

⁶ Sir Arthur Helps, *The Spanish Conquest in America and Its Relation to the History of Slavery and to the Government of Colonies*, I (new ed., London, 1900), p. xxix.

⁷ In a long letter of 9 July 1852 to Charles Eliot Norton, who had sent Helps a copy of the book (*Correspondence of Sir Arthur Helps*, p. 112).

⁸ Letter of 22 August 1852, *ibid.*, p. 133.

⁹ *Oulita the Serf. A Tragedy* (London, 1858), pp. 4–5. (Further references to the play are by page number in the text.)

otherwise populated with spies and double-agents and 'Russian types', such as Mitchka, an 'Executioner' in the prince's household, where there is inevitably also a dwarf, called the 'small wise man', otherwise Nicholas Pougatchoff. All play their parts in a tale of deceit and double-dealing, masks and misunderstandings, commotions and abductions, punctuated by numerous songs from Oulita, and edifying speeches from the Count. It is more reminiscent of some Shakespearean 'Italianate' comedy than anything Russian, but resolves itself in tragedy as Oulita poisons herself in an act of 'most unselfish self-destruction' (p. 188) to remove any obstacle to the marriage of the Princess and the Count, but the Count decides anyway to 'bear an exile not unjust' in Siberia and exits as 'the song of the exiles is heard in the distance' (p. 190).

Helps's Russia is, if it is anything at all, a 'net of spy-work' (p. 15) and as such echoes stories of Nicholas I's Third Department, run by the notorious Count Benkendorf; it is also a country where serfdom still flourishes. There are no real denunciations of the institution as such; only occasional passages in praise of freedom. Oulita, for instance, offers the following *cri de coeur*:

Oh, Sir!
 You've sounded in the depths of this poor heart:
 You see that it is freedom that I crave—
 The basest, meanest, homeliest kind of freedom.
 If you have power, Sir, and give me freedom,
 My whole life long shall be one duty-task,
 My freedom's cost to reimburse. (p. 39)

It is, of course, Oulita's virtues and talents that demonstrate the injustice of the system and highlight their absence in those of higher station, including her mistress, the Princess, who terms her 'our little saintly prude' (p. 17). The Count on the contrary calls her the 'fair philosopher' (p. 37) as she articulates sentiments and thoughts in polished expressions and literary references that belie her humble origins.

The publication of *Oulita* caused hardly a ripple on the English literary scene, but brought at least one review, long and damning. It was published anonymously, as was, incidentally, the play (and almost all Helps's work). The reviewer was in fact a long-standing friend of Helps, Henry Fothergill Chorley, who did not mince his words:

It is not his first attempt at drama, and proves the singular constancy with which those who have gained distinction in one department of literature will sometimes attempt to disport themselves in other worlds, where they can neither breathe freely nor live obediently under the laws to which the subjects of the territory invaded are amenable.¹⁰

¹⁰ *The Athenaeum* (6 March 1858), p. 297.

Moreover, Helps did not have the qualifications of 'a poet, least of all of a dramatic poet; [...] His thoughts subside perpetually into ornate prose the sense of music is wanting to his verse'. Chorley concludes that 'had "Oulita" been the work of a nameless author, the tragedy would have passed into "the valley of the shadow" totally unperceived. As coming from one so well esteemed and justly respected, it has claimed minuter attention, we regret, with no more satisfactory result.'¹¹

Perhaps the most interesting of Chorley's observations and criticisms was that 'those who have read Gogol and Tourgueneff, and the letters of "the Lady of the Baltic" (not to speak of a hundred elder books of serious travel) will look in vain for the Russia painted by these authors in any page or touch of "Oulita".'¹² Chorley is credited as being the first person to mention the name of Turgenev in the British periodical press as early as 1853, even before the first English versions of a number of Turgenev's *Sportsman's Sketches* (*Zapiski okhotnika*) (via the French of Ernest Charrière) appeared, and thereafter, into the 1860s, he was a constant reviewer of his work.¹³ Helps for his part could hardly have been unaware of the considerable British enthusiasm for Turgenev and his work in the context of the growing interest, not least among many of his friends and acquaintances, in Russian society and history during and following the Crimean War. Indeed, he may well have read translations of five of Turgenev's sketches in the very *Fraser's Magazine* that had published two years earlier his letter on *Uncle Tom's Cabin*, and may have seen the comparison between Turgenev and Mrs Stowe (in favour of the former).¹⁴ Helps was to meet Turgenev personally for the first and last time at a reception for Matthew Arnold in London in July 1871, and it was possibly knowledge of that meeting and the re-issue of *Oulita* in 1873 that gave rise to a note in the periodical *Russkii arkhiv* that Helps's tragedy had been based on a subject from *Zapiski okhotnika*.¹⁵ The suggestion is light years away from the truth, but raises the question as to Helps's sources in writing *Oulita* in 1858.

Helps's son suggests that 'of inaccuracy he had a perfect horror, and was very impatient of it in any shape or form', but he seems not to have made special efforts to acquaint himself with things Russian. There is, indeed, not a single reference to Russia in his published correspondence. The few foot-

¹¹ *Ibid.*, pp. 297–98. (Helps is not named on the title page, but the advertisement for the book referred to the author of *Friends in Council*.)

¹² *Ibid.*, p. 298.

¹³ See Patrick Waddington, 'Turgenev's Relations with Henry Fothergill Chorley (with an Unpublished Letter)', *New Zealand Slavonic Journal*, no. 2 (1978), pp. 27–39; Patrick Waddington (ed.), *Ivan Turgenev and Britain* (Oxford, 1995), pp. 222–24.

¹⁴ 'Photographs from Russian Life', *Fraser's Magazine for Town and Country*, L (August 1854), pp. 202–22. On *Fraser's Magazine*, see Waddington, *Ivan Turgenev and Britain*, pp. 3–5.

¹⁵ See Patrick Waddington, *Turgenev and England* (London, 1980), pp. 152–53, where he quotes *Russkii arkhiv*, I (1875), p. 252.

notes to the text of *Oulita* refer on two occasions (pp. 48, 78) to Baron von Haxthausen's *The Russian Empire*, which had appeared in English translation for the first time in 1856, once (p. 57) to Prince Augustin Galitzin's edition of *Relation des particularitez de la rebellion de Stenko-Razin* (1856), and once (p. 147) to Robert Harrison's *Nine Years' Residence in Russia from 1844 to 1853* (1855): all are simply for corroboration of some detail of local colour or fact and suggest that Helps had not pursued his research beyond recent, if varied publications. Yet it is possible that it was Haxthausen's depiction of a young serf woman whom he met on an estate near Arzamas that inspired Helps to his portrayal of her serf heroine Oulita. Haxthausen writes:

She had an expression of youth, a freshness and loveliness, innocence and piety, which were quite enchanting; it was Eve in paradise before the Fall. And not only the expression of her face, but also her words and answers testified to the same gentleness and innocence. After asking her about the various parts of her dress, which she explained to me, and admiring it, I told her she was one of the loveliest creatures I had ever seen; she replied, 'I am but the daughter of poor peasant people, who have not yet been emancipated.' What a plaintive reply to my flattering address! What is beauty without freedom, exposed to the caprice of a master?¹⁶

It was some twenty-five years ago, when I was a Visiting Fellow at All Souls and beginning work on the book which was eventually published in Oxford in 1985 under the title *The Russian Theme in English Literature*, that John Simmons in a typical act of generosity presented me with his copy of the first edition of *Oulita*. It had in fact already been a presentation copy, one of four which Helps had sent to the artist and caricaturist John Doyle (1797–1868), the others for distribution to Doyle's sons James, Richard and Henry. This information is contained in a letter from Helps, dated 23 February 1858, which was subsequently inserted in John Doyle's (and now my) copy. Helps describes James Doyle as his 'ever faithful coadjutor and true friend', who doubtlessly had told his father of 'our troubles & difficulties with this play—to make it an acting play: if, indeed it can be made one'.¹⁷ There is no evidence that it ever became one; if it had made the boards, even in a heavily modified version, it would hardly have been among the season's more memorable offerings. As was his wont, Helps distributed copies of the printed play to his friends, but in the selection of his correspondence edited by his son, only two letters mention *Oulita* and in both cases the recipients, the worthy Rev. C. W. Le Bas and Alfred, Lord Tennyson, regret that they had not managed to read it. Le Bas probably never did, admitting that he had 'long ago forsworn all Tragic

¹⁶ Baron August von Haxthausen, *The Russian Empire, Its People, Institutions, and Resources*, trans. Robert Faire, I (London, 1856), pp. 238–39.

¹⁷ In a letter of 3 June 1855 to Thomas Carlyle, Helps had referred to James Doyle as 'a very intelligent fellow and a sound historian' (*Correspondence of Sir Arthur Helps* (note 1), p. 395).

fiction' and exhorting Helps to write 'a good Comedy'.¹⁸ Tennyson ambiguously writes that 'I have cut it open, which looks as though I meant to read it' (Doyle, incidentally, never quite managed to finish his cutting!), but complains that 'no man ever thinks of sending me a book of prose, hardly ever', and takes exception to Helps's suggestion that he might use his position as Poet Laureate to pass on a copy to 'a *Royal* man'.¹⁹

The Russian theme in Helps's work vanished as suddenly as it had appeared; however, in 1874, the year before his death, and, coincidentally, the year of the state visit of Tsar Alexander III, during which he attended the banquet the Queen gave for the Tsar in St George's Hall at Windsor, it was to re-emerge in his penultimate work, a three-decker entitled *Ivan de Biron*. Set in the 1740s, it is essentially an improbable love story unfolding in Moscow and in Siberian exile, towards which we had left Count Edgar von Straubenheim trudging steadfastly after the death of Oulita. There is some evidence of the reading of the dispatches of British diplomats and of the memoirs of such as Baron Manstein, but the work is perhaps most notable for Helps's enthusiasm for the gypsy theme, fed on a reading of Henry Sutherland Edwards's *The Russians at Home* (1859) that leads him to quote Pushkin's *Tsygany*, and for such nice anachronisms as the reference, a century too soon, to the golden dome of St Isaac's Cathedral.²⁰ The novel adds little to Helps's *oeuvre* and he might profitably have heeded his own counsel: 'Which of all defects, has been the one most fatal to a good style? The not knowing when to come to an end.'²¹

¹⁸ *Correspondence of Sir Arthur Helps* (note 1), p. 199.

¹⁹ *Ibid.* p. 215.

²⁰ See *Ivan de Biron* or, *The Russian Court in the Middle of Last Century*, I (London, 1874), pp. 33–34 (Pushkin), 209 (St Isaacs).

²¹ *Companions of My Solitude* (London, 1854), p. 248.

The 1866 ‘Russian Souvenirs’ of Gustavus Vasa Fox

Edward Kasinec, with Robert H. Davis, Jr

The collection of Gustavus Vasa Fox, held by the Political History Collection, Division of Social History of the Smithsonian Institution’s National Museum of American History, and the subject of this essay, was not our discovery. Indeed, an entry on the collection—‘DC 41-6’—appears in the 1981 publication by Steven S. Grant and John H. Brown, *The Russian Empire and the Soviet Union: A Guide to Manuscript and Archival Materials in the United States*. However, the entry perforce fails to reveal the richness of this collection, which one of the authors has since reviewed and inventoried.

Who was Gustavus Vasa Fox? Born in 1821 in Saugus, Massachusetts, he studied at Phillips Academy in Andover, and received an appointment to Annapolis, the American equivalent of England’s Royal Naval College at Greenwich. After a fifteen-year naval career, Fox resigned his commission, marrying the daughter of a prominent New England judge and political figure, and became the brother-in-law of President Abraham Lincoln’s Postmaster General. Before the Civil War, Fox was an investor in the Bay State Woolen Mills in Lawrence, Massachusetts. When South Carolina’s Fort Sumter was encircled by secessionist volunteers in the waning days of the administration of President James Buchanan in 1857–1861, he left his business interests to serve his country, designing a plan to relieve the federal garrison. He presented it for consideration by the lame duck Buchanan, who promptly rejected it. He found a more receptive ear in the newly-inaugurated administration of President Lincoln, and was made Assistant Secretary of the Navy in August, 1861 under Gideon Welles (1801–1878). By many accounts, contemporary and historical, Fox called the shots for the navy during the Civil War, championing the appointment of Admiral David Farragut (1801–1870) to command the Union blockade of the Mississippi River, as well as the development of the then revolutionary technology of ironclad warships.

Following Lincoln’s assassination, and the end of hostilities, Fox stayed on briefly during the administration of President Andrew Johnson, until May 1866, serving in the mission to Russia detailed below. Later, after returning to private life and the textile business, Fox served as Boston-area host to Grand Duke Aleksei Aleksandrovich (1850–1908) during his whirlwind and much publicised American tour in 1870–71. Most of Fox’s small collection of personal papers, including his diary from 1866 until his death in 1883, are at the New York Historical Society, largely uncatalogued. He died in 1883.

In 1866, following the unsuccessful attempt on the life of ‘Tsar-Liberator’ Alexander II, and close on the heels of the murder of its own leader, the ‘Great

Emancipator', the United States Congress issued a declaration expressing relief that the life of the Tsar had been spared. The United States was also grateful that Russia's sympathies were with the north during the Civil War, in contrast to powers such as Great Britain that backed the vanquished Confederate States of America.

In 1863–64 the Russian fleet paid a well-received visit to New York and Washington. This visit was a watershed event in Russian–American relations. Not only was it seen as a tangible expression of Russia's support for the Union, it also provided an opportunity for the American people, both in person and via many newspaper accounts, to put a human face on a distant land. At whistle stops from New York to Niagara, the officers of the fleet were feted and praised for their unassuming, gentlemanly demeanour. It marked the occasion of the first Orthodox service held in New York, performed by the 'Russian Padre' of the fleet, a Dane named Nicholas Bjerring (d. 1900), who was also diplomat Eugene Schuyler's (1840–1890) Russian tutor.¹ It also re-kindled a lasting interest in Russia on the part of Anglican-Episcopal churchmen and laypeople, who continued their study of, and contact with, Russia long after the fleet departed.²

On the invitation of the Russian government, following the end of hostilities, the U.S. Federal government dispatched a reciprocal delegation, a naval mission to Russia, led by Gustavus Vasa Fox. The Fox mission had a variety of purposes. First, it was, undoubtedly, a sincere expression of gratitude to Russia and its leader. Second, it provided an extended opportunity to view at first hand the human and material resources of European Russia. Third, it provided an opportunity to exchange views on trade, and specifically protectionism, which both Russia and the United States strongly supported. Finally, it permitted some preliminary face-to-face secret discussion of the future of Russian America, Alaska, which was purchased from Russia just a year later, in 1867.

For the Russians, too, the visit provided an opportunity to observe American ironclad technology at first hand, as one of Fox's flotilla was the 'Miantonomah', the first monitor to make a transatlantic crossing. Fox and his mission travelled to St Petersburg and environs, Moscow, Nizhni Novgorod, Rybinsk, Uglich, Tver, and other European cities of the Empire. Like their counterparts from the Russian fleet in 1863–64, they were received with

¹ A significant portion of Schuyler's extensive personal library of Russian materials was given to NYPL by his widow, Gertrude King Schuyler, in 1901.

² One legacy of this voyage was extensive long-term contact between high-ranking religious and secular figures of the Episcopal Church in the United States and the Russian Orthodox Church. On this subject, see two works by Edward Kasinec and J. Robert Wright: *Russo-Greek Papers, 1863–1874: A Reprint* (New York, Norman Ross Publishing, 2001); and their article 'Charles Hale and the Russian Church: the Biography of Innokentii', *Anglican and Episcopal History*, LXXI (1) (2002), pp. 26–41.

great fanfare everywhere they travelled.

The mission took place at a fascinating point in the histories of both the Russian Empire and the American Republic. Both had recently 'emancipated' large populations, and both were struggling to make the transition work. Both were moving from agricultural towards industrial economies. Both were nascent economic competitors, who sought trade protectionism as a means of developing their industrial bases. Both ruled over large territories and diverse populations, some of whom resisted this rule bitterly. Our task here, however, is not to provide an unprofessional excursus into Russian–American diplomatic, social, and economic history.³ Our intent, rather, is to convey the importance of the collection, its diplomatic gifts and related ephemera, as a unique 'time capsule' of nineteenth-century diplomacy, and to give an idea of what images Imperial Russia sought to project to a foreign observer, and of what in turn engaged the interest of a savvy American diplomat.

In the winter of 1866, following his return to the United States, Fox transferred to Secretary of State William Seward (served 1861–1869) eight historic documents on paper, given to him by a 'Mr Pogodin, a distinguished citizen of Moscow' (that is, the historian and collector Mikhail Petrovich Pogodin, d. 1875), for deposit in 'some national institute or museum in Washington'. This cache, first brought to the attention of one of the authors by a colleague and literary scholar, Antonia Glasse of Ithaca, New York, included a letter from Peter the Great, a poem by Gavriil Derzhavin, with his corrections and remarks, a signed poem by Aleksandr Pushkin, and an autographed fragment of text by Nikolai Gogol. Deposited by Seward at the Smithsonian, these documents were kept in a 'table drawer in back room', according to Smithsonian accession records at the time. At the present time, this material cannot be located by curators at the National Archives and Records Service, the location of the referenced table and back room being long forgotten.

The bulk of Fox's collection of 'Russian Souvenirs', however, stayed with his family until 1909, when 'the heirs of Mrs Virginia L. W. Fox, his widow', bequeathed it to the Smithsonian, at that time referred to as the 'U.S. National Museum'. What does this collection consist of?⁴ There are three essential categories of material: first, a small number of *realia*, consisting primarily of

³ On this subject, see the excellent companion works by Norman E. Saul, *Distant Friends: The United States and Russia, 1763–1867* (Lawrence, University Press of Kansas, 1991), and *Concord and Conflict: The United States and Russia, 1867–1914* (Lawrence, University Press of Kansas, 1996).

⁴ There are two extant inventories. The first, by Immanuel M. Casanowicz, 'The Gustavus Vasa Fox Collection of Russian Souvenirs in the United States National Museum', was an attempt to publicise some of the highlights of the collection, particularly the most visually interesting items, by providing brief translations of titles and descriptions. The second was prepared by Edward Kasinec in March 2003. This unpublished 38-page *de visu* checklist of printed, archival and three-dimensional items in the Fox collection inventories what is available at the Smithsonian today.

diplomatic gifts, some quite remarkable, from the Tsar and his government; second, printed works given to, or otherwise obtained by Fox in his travels; and finally, most voluminous, are archival and manuscript materials, including photographs. It should be noted that Fox's travels in 1866 included the royal courts of England, Denmark and Sweden, as well as Russia, and included audiences with the monarchs and cultural elites of those realms.

Of the three-dimensional objects, unquestionably the most striking is a Siberian green malachite chest that contained Fox's certificate of honorary citizenship of St Petersburg. Inlaid with gilt bronze and the arms of the city, it is currently on display in the National Museum of American History's exhibit 'The Ceremonial Court'. A gold snuffbox, probably made by the Court jeweller Ludvig Breitfuss (d. 1868), presented to Fox by Alexander II, was stripped of its thirty-two diamonds and miniature of the Tsar by the Fox family sometime before its donation. Nevertheless, it is a remarkable piece. Other gifts came from the other end of the socio-economic spectrum, including a peasant carved wood and metal model of a monument erected in honor of the delegation in Cherepovets in Novgorod province. There are medals commemorating the centennials of Catherine's accession in 1762, the founding of the Moscow Foundling Asylum in 1763, and the death of Mikhail Lomonosov in 1765. The collection also includes silver trays, salt cellars, and a striking gold and cloisonné snuffbox, presented by various esteemed citizens encountered on the journey.

The pieces of decorative art, though small in number, are interesting as examples of a delegation's souvenirs. However, the real substance of the collection consists of works on paper, both printed books, photographs, and, most especially, ephemera.

Among the printed books are many important presentation volumes, including: the remarkable chromolithographic 'elephant folio' coronation album of Alexander II (a copy of which recently sold for \$160,250); a set of Fedor Solntsev's *Drevnosti Rossiiskogo Gosudarstva*, bound in four folio volumes 'presented by His Majesty, the Emperor Alexander II of Russia to the Honorable G. V. Fox, August 1866' (a copy of which sold at the same sale for \$127,000); de Pauly's ethnographic description of the peoples of the Russian Empire (including Russian America)—a very highly prized rarity to this day; and several lavishly illustrated presentation volumes depicting the treasures of Tsarskoe Selo, the Winter Palace/Hermitage, and the Patriarchal or Synodal Vestry. Illustrated architectural volumes such as those devoted to St Isaac's, the Ipatiev Monastery in Kostroma, ancestral home of the Romanov family, the Kremlin's Cathedral of the Dormition, and Gethsemany Cloister in Sergiev Posad are also found. Heavily-illustrated multi-volume histories, such as *Zhivopisnyi Karamzin*, an illustrated history of Russia, a detailed historical and archaeological description of Moscow, and works on early Russian paleography, folk

songs, and a catalogue of works published by the Imperial Public Library were also obtained by Fox as gifts.

One of the rarest and most visually striking items in the Fox collection is a chromolithographic panoramic scroll depicting both sides of Nevsky Prospekt. Based on Vasilii S. Sadovnikov's (1800–1879) drawings of the early 1830s, each scroll measures over twenty-four feet long! The Smithsonian's copy is one of only two known complete sets in a North American institution, the other being at Yale's Beinecke Library; Harvard and New York Public Libraries each have one half of an uncoloured set.

The collection also includes works intended to facilitate the mission, such as a specially-prepared *Manual of Russian Conversation* and a book of the complex etiquette observed at the Russian court. It is interesting to note the presence of the papers of the Russo-Greek Committee of the Episcopal Church, recording their dialogue with the Orthodox Churches during the nineteenth century.

Not surprisingly, books presented by specifically naval organisations are also found in the collection, including gifts from the Kronstadt Naval Library, the St Petersburg River Yacht Club (of which Fox was made an honorary member), and issues of the venerable journal *Morskoi sbornik*.

A number of the printed volumes reflect Russo–American economic interests, for example: an economic-statistical atlas of European Russia, a description of a graphite mine in Siberia, chromolithographs depicting the equipment used by the Caspian fishing industry, a contemporary Russian study of fisheries, regulations of the Merchants' Mutual Aid Society, city plans of Moscow, floor plans of provincial buildings, a rural population study, and a map of the Agricultural Academy's campus.

Rare photographs in the collection, obviously all dating from the first two decades of the art in Russia, tend to be documentary rather than artistic. They include views of monuments, palaces, churches and institutions throughout Russia (particularly the capital, but provincial cities as well), the Nikolaevskaia Zheleznaiia Doroga from St Petersburg to Moscow, views of the Agricultural and Forestry Academy founded by Peter near Moscow, and a handful of 'Russian landscapes'. There are also views of Russian America, such as the Orthodox Church building in Unalaska in the Aleutian Islands, serving the spiritual needs of a settlement founded by Russian fur traders in the eighteenth century.

Ephemeral materials constitute a particularly intriguing part of the Fox collection at the Smithsonian, as they document Fox's contacts with Russia's political, commercial, and cultural elite. There are letters from provincial mayors, offering to bestow honorary citizenship on Fox. Perhaps the most visually striking of such honorific certificates is a brilliantly illuminated document presented by the city of St Petersburg. There are many invitations, menus, lists of toasts, specially composed songs and items of correspondence relating to various state functions during Fox's visit, as well as dinners with commercial

societies—the Merchants' Club, the Merchants' Assembly, the English Club, and so forth—as well as the speeches made by participants.

Telegrams, toasts, poems, and speeches (both to and by Fox) from the provinces—for example, Lipetsk in south central European Russia, and, far to the east of Moscow, from Tyumen and Ufa, by officials, and even individual peasants and children—are found in abundance among his papers. There are multiple formal invitations to receptions with the Tsar at Peterhof, as well as to military reviews, and dinners hosted by the elite of St Petersburg society, such as Prince Vasilii Andreevich Dolgorukii (1804–1868), Prince Aleksandr Mikhailovich Gorchakov (1798–1883), Prince Aleksandr Fedorovich Galitzine (Golitsyn, d. 1866), the Grand Duchess Konstantin (d. 1911, wife of Grand Duke Konstantin Nikolaevich (1827–1892), who oversaw the modernisation of Russia's navy after the Crimean War), the Aristocrats' Club, and the 'Noble Birth Society', at the home of Countess Stroganova (1796–1872), in honour of the U.S. Ambassador Cassius M. Clay (d. 1903). There are even original poems: 'Song of Welcome', penned by Oliver Wendell Holmes (1809–1894), to be presented to the Tsar, and 'Greetings to the Atlantic Guest', by Fedor Glinka (1876–1880(?)). There are also *cartes de visites*, including those of the Empress Maria Aleksandrovna, Alexander III as Tsarevich, Princess Dagmar of Denmark (soon to be Maria Fedorovna II, consort of Alexander III), Grand Duke Konstantin and Grand Duke Aleksei.

The cache of Fox materials is especially significant, as the 1860s and 1870s presented America and Russia with an unprecedented opportunity to 'discover' one another's commonalities and differences firsthand. To quote Holmes's poem, read to the Emperor:

Though watery deserts hold apart the worlds of East and West,
Still beats the self-same human heart,
In each proud nation's breast.

Fox's life and career certainly deserve more attention than they have received. At the time of his death, one necrology in the *New York Times* (30 October 1883, p. 4) noted:

It is very likely that the death of Gustavus Vasa Fox ... will not attract from our hurrying and forgetful public more than momentary attention. And yet it should be said ... that Mr. Fox, as Assistant Secretary of the Navy during the late rebellion, was an important factor. His somewhat singular career, which he never made conspicuous by his own choice, was a striking illustration of the facility with which an American adapts himself to circumstances.

In North American Anglophone private and institutional collections there are clearly under-investigated and 'unexpected' resources for the study of aspects of Russian history and Russo–American political and cultural contacts.

The ephemeral, visual, printed and even three-dimensional materials available in these hidden collections often provide a different angle, a fresh perspective on historical questions, serving to enhance our understanding of a particular period.⁵

⁵ A brief description of the Fox collection by Edward Kasinec appeared as 'Kollektsiia Gustavusa Foksa' in *Antikvarnoe obozrenie*, 2 (8) (2003), pp. 26–32.

Письмо Л.И. Рылова в ЦК КПСС и его последствия для ВГБИЛ и самого Рылова

Introduction by Marianna Tax Choldin

Every library has its unhappy staff members, and some carry their discontent to the institution's top administration. The documents presented here tell the story of Leonid Ivanovich Rylov, an unhappy staff member at the Library for Foreign Literature in Moscow who, in 1953, took his complaints to the very summit: he wrote an extremely long letter (some 8,400 words) to Mikhail Suslov, secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union.

In the fall of 1997 Ekaterina Genieva, director-general of the Library for Foreign Literature in Moscow, brought Rylov's complaint to my attention. I read it with growing fascination, and by the time I reached the end I had concluded that the letter should be published. Dr Genieva and I were both extremely busy, and the project remained on hold until this year. When Christine Thomas wrote to me about this special issue of *Solanus*, I knew the time and place were right: after all these years Rylov would find an audience.

Rylov's letter, too long to reproduce here, can be found in its entirety at <http://www.libfl.ru/win/rylov1.html>. Ekaterina Genieva offered to ask I. A. Bordachenkov, an archivist at the Library, to prepare for this issue of *Solanus* some material about Mr Rylov and his letter, and about the Library and its staff at the time. He did so, and has also provided some wonderful photographs. I asked Dr Genieva to write a general introduction, placing Rylov's letter in its historical context.

I am delighted to contribute this small gem of the Soviet era to *Solanus*. John Simmons and other readers who recall the era will shake their heads gently at this reminder of the past. And to those readers too young to remember: this, dear colleagues, is the way it was in 1953.

Одно письмо в канве исторических событий

Екатерина Ю. Гениева

Вашему вниманию представляется документ из Российского государственного архива новейшей истории, хранящего дела бывшего ЦК КПСС. Это письмо библиографа Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы Леонида Ивановича Рылова на имя секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова о недостатках, замеченных бдительным оком автора в работе ВГБИЛ, Всесоюзной Книжной палаты и других организаций, связанных с иностранной книгой. Казалось бы, мелкая проблема, не стоящая большого внимания. Одно письмо из миллионов подобных, одна проблема из миллионов, разбиравшихся в ЦК Партии. Но именно тем и ценно это письмо, что оно является типичным представителем целого класса документов, сыгравших большую роль в истории Советского Союза. Да, не только история создает документы, но и документы оказывают влияние на историю. И здесь именно такой случай.

Для того, чтобы понять всю силу и могущество данного класса документов, следует кратко остановиться на взаимоотношениях партийной и советской (то есть государственной) власти в СССР. Пронизывая все общество, коммунистическая партия в советское время практически взяла на себя функции государственного управления. При этом, реально управляя страной, партия не брала на себя ответственности за результаты этого управления, перекладывая ее на плечи государственной власти. Позиция третейского суда, верховного надзорного органа, 'всевидящего ока' была очень удобна для партийного руководства. С этой позиции очень легко было производить коррекцию курса государства, 'Исторические повороты' политики. Сегодня можно было заключать договор с фашистской Германией, а завтра — объявлять священную войну 'гнилой фашистской нечисти'. Сегодня можно было прославлять братство по оружию стран антигитлеровской коалиции, а завтра клеймить позором прогнившую буржуазную демократию. Сегодня — раскулачивать, завтра — публиковать статью 'Головокружение от успехов'. И всегда при любых поворотах партия была во главе, всё так же непогрешимо двигаясь верным курсом.

Еще одной характерной особенностью партийного руководства была ссылка на мнение народа, на широкую всенародную поддержку решений партии. Именно этой цели и служили многочисленные письма в ЦК КПСС. Анализ разновидностей этих писем требует особого исследования. Многие из этих писем были вполне дельными, но

основная масса заслуживает емкого определения — ‘кляузы’. Значительно интереснее исследовать не сами эти кляузы, а механизм их обработки в аппарате ЦК КПСС, механизм их переростания в ‘народное мнение’.

Для такого анализа вполне подходит представляемое письмо. Обратите внимание на подчеркивания в тексте. Неведомый нам функционер ЦК (невозможно представить себе, что подобные письма разбирались лично М.А. Сусловым) выделял в тексте те места, которые наиболее удобно перекликались с текущим состоянием генеральной линии Партии. Позже эти выделенные места войдут в его аналитическую записку или отчет по этому и подобным письмам. А дальше, уже обезличенные, станут тем мнением народа, которым М.А. Суслов будет прикрывать очередную партийную кампанию. В этот раз (а письмо написано в 1953 г.) на повестке дня стояли борьба с космополитизмом и ‘низкопоклонством перед Западом’ и фактический государственный антисемитизм, связанный с пресловутым ‘делом врачей-убийц’. Именно эти вопросы чаще всего выделялись функционером в тексте письма Рылова.

Но и сам Л.И. Рылов в своем письме дает функционерам ЦК богатый материал для нужных выводов. Как его письмо является типичным представителем своего класса документов, так и сам Леонид Иванович Рылов был типичным представителем новой человеческой породы — советского человека, выпестованного Коммунистической партией. Целеустремленность, преданность генеральной линии ЦК, готовность пожертвовать ради нее не только своей, но и чужими жизнями, принципиальность, возведенная в абсолют и доведенная до абсурда — вот некоторые характерные черты этой новой породы людей. Но при этом ничто человеческое им не было чуждо — поиск материального благополучия вполне мирно уживается в т. Рылове с борьбой за идеалы. И это очень рельефно выделяется в рассматриваемом нами письме.

Вот на такие глобальные обобщения может навести изучение одного документа в канве исторических событий.

M. I. Rudomino and staff of the Foreign Literature Library, 1957

Письмо Л.И. Рылова в ЦК КПСС и его последствия для ВГБИЛ и самого Рылова: Обзор документов

И.А. Бордаченков

Леонид Иванович Рылов в 1950 г. окончил Московский государственный институт международных отношений МИД СССР по специальности 'история международных отношений' с квалификацией 'историк-международник референт-переводчик по США'. Комиссия по распределению выпускников МГИМО направила его на работу во ВГБИЛ. Рылов пришел в Библиотеку уже сложившимся человеком с определенными жизненными принципами. Остановлюсь подробнее на его биографии.

Родился Л.И. Рылов в 1918 г. в Вятской волости, в многодетной крестьянской семье, закончил 7-летнюю школу, в 1934 г. приехал в Москву. Учился в ФЗУ, работал на строительстве метро (награжден медалью 'Почетный знак имени Моссовета') и так и не достроенного Дворца Советов. Закончил фармацевтический техникум и в 20 лет был призван в Красную Армию. Участвовал в походе в Западную Белоруссию в 1939 г., в Советско-Финской и Великой отечественной войнах. В 1941 г. попал в окружение, остался на оккупированной территории, сражался в рядах партизанских отрядов в Белоруссии. В 1944 г. попал в госпиталь с туберкулезом, а по излечении был направлен на хозяйственную работу в освобожденном Минске. Там он поступил в педагогический институт, откуда в 1945 г. перевелся в МГИМО.

Особых успехов в учебе не показал — учился на 'хорошо' и 'удовлетворительно', были проблемы и со знанием английского языка. При этом, как указывается в характеристике из института, 'показал умение работать над источниками и литературой и делать правильные выводы. Дисциплинирован. Морально устойчив. Политически развит. В внешнеполитических событиях и в вопросах внутренней политики СССР разбирается и правильно их оценивает'. Слабое знание иностранного языка закрывало ему дорогу в МИД, и ВГБИЛ, находившаяся тогда в ведении Издательства иностранной литературы (Иноиздат), была не худшим местом приложения его способностей.

Штаты ВГБИЛ в то время были маленькими, поэтому администрация старалась использовать их наиболее эффективно. Практиковалась такая схема: нового сотрудника принимали на работу временно на должность болеющего штатного сотрудника. По выходе болевшего на работу,

новичка переводили на должность другого заболевшего и т.д., пока не освободится штатная единица. Такая схема позволяла одновременно полностью использовать фонд оплаты труда, давать работу новым сотрудникам и получать максимальную отдачу от небольших штатов.

Рылов попал в эту схему. С 25 января 1951 г. он был зачислен временно на должность старшего библиотекаря отдела обслуживания с окладом 790 р. При этом реально он работал в справочно-библиографическом отделе, занимаясь росписью советской периодики по общественно-политическим вопросам (то есть тем, к чему он был наилучшим образом подготовлен). На первых порах он зарекомендовал себя с лучшей стороны, своей активностью и трудолюбием заслужил доверие руководства. В качестве поощрения Рылов с 10 апреля 1951 г. был переведен на должность и. о. заведующего читальным залом, что позволило ему получать 1100 р. (Стоит уточнить, что зарплата главного библиографа — высшей ступени профессионального роста рядового сотрудника библиотеки в то время была 1200 р., а зам. директора по административно-хозяйственной части получал 840 р.). Рылов был допущен к иностранной прессе, получил доступ в спецхран Иноиздата. Доверие к нему выразилось также в том, что он был назначен ответственным дежурным по главному зданию ВГБИЛ на ул. Разина, д.12 в день 1 мая 1951 г. (то есть всего через 3 месяца после поступления в Библиотеку). Доверия т. Рылов не оправдал: вместо того, чтобы блюсти неприкосновенность библиотеки, он с товарищем смотрел из окна демонстрацию на Красной площади. За это он получил выговор, не имевший, однако, серьезных последствий.

Рылов продолжал свою работу, ему было поручено ведение картотек: 'Классики марксизма-ленинизма' и 'Общественно-политическая литература'. К середине 1952 г. Рылов настолько освоился в библиотеке, что стал писать докладные записки по всем недостаткам, которые, по его мнению, существовали в работе ВГБИЛ. При этом круг его интересов не ограничивался библиографией. Он давал советы по реорганизации выставочной работы (докладная записка от 8.8.1952 г. 'Об организации постоянной выставки, отображающей основные события международной жизни по материалам советской и прогрессивной зарубежной периодики'), по работе отдела комплектования (докладные от 6.9.1952 г. и 17.10.1952 г.), об издании информационного бюллетеня по общественно-политическим вопросам (докладная от 23.10.1952 г.). Многие из его предложений были приняты, другие отклонены с объяснением причин. Но доводы специалистов Рылова не убедили, он продолжал настаивать на выполнении всех своих рекомендаций. Тем самым он вошел в конфликт с руководством библиотеки. М.И. Рудомино приняла сторону заведующих отделами, которых критиковал Рылов, за

что удостоилась от него обвинений в политической безграмотности. Понимая, что в таком противостоянии ему в одиночку не выиграть, Рылов решил прибегнуть к помощи 'тяжелой артиллерии' и написал письмо в ЦК КПСС, секретарю ЦК М.А.Суслову. В письме им были высказаны замечания о работе не только ВГБИЛ, но и Книжной палаты, Иноиздата и т.п.

Выделяя замечания по работе ВГБИЛ, остановимся на некоторых пунктах.

1. Издание рекомендательных списков литературы для читателей и для рассылки по библиотекам сети. (Осуществлено.)
2. Подготовка научно и политически грамотных работников для библиотек. (С 1953 г. проводились регулярные заседания Ученого совета ВГБИЛ с привлечением научной общественности Москвы, работала сеть кружков и семинаров повышения квалификации сотрудников, сотрудники без отрыва от работы учились в ВУЗах, на библиотечных курсах и т.п.).
3. Создание центра справочной работы во ВГБИЛ. (Справочно-библиографический отдел был сохранен и его функции расширены).
4. Сбор полных комплектов произведений классиков марксизма-ленинизма на русском и иностранных языках. (Осуществлено).
5. Выписка всей общественно-политической литературы, выпускающейся в СССР. (Выписаны все открытые газеты и журналы по профилю ВГБИЛ).
6. Создание единого справочного изданий по всей зарубежной и советской литературе. (Это предложение так и не было реализовано из-за того, что различные организации не смогли договориться о координации этой работы).
7. Издание бюллетеня рецензий на новую советскую и иностранную литературу. (По иностранной литературе такую функцию с 1970-х гг. стали выполнять издания ВГБИЛ).
8. Создание единой схемы систематизации советской литературы. (Осуществлено при активном участии ВГБИЛ).
9. Необходимость создания во ВГБИЛ Восточного отдела. (Группа зарубежного востока создана 1 сентября 1955 г. Самостоятельный отдел создан на ее основе 12 декабря 1956 г.).
10. Издание бюллетеня рекомендуемой литературы на иностранных языках для рассылки в региональные библиотеки. (Осуществлено).
11. Организация постоянных выставок художественной и политической литературы стран народной демократии и капиталистических стран.

(Постоянные выставки существовали в читальных залах. В фойе организованы временные выставки по общественно-политической тематике).

12. Перевод ВГБИЛ в специально приспособленное здание. (Осуществлено в 1966 г.).
13. Увеличение штатов библиографических работников. (Осуществлено за счет ликвидации нескольких единиц работников хозяйственной части).

Как видно из этого, большинство предложений Рылова, указанных в письме, были вполне дельными и рано или поздно были реализованы. Но главное было в другом.

‘Политически развитый’ Л.И. Рылов правильно понял решения XIX съезда партии: усиление политической работы (читай — пропаганды), борьба с ‘космополитизмом и низкопоклонством перед Западом’, антисемитская компания, инициированная ‘делом врачей’. Не случайно т. Рылов в своем письме критически отзывается о работе сотрудников с ‘нерусскими’ фамилиями: Раппопорт, Шварцман, Топштейн, Менцендорф, Перловагор, Троянкер, Гофлин, Вестерман, Фридман, Рабинович, Фольц. При этом Рылову все равно, что Яков Менцендорф — латыш, а Нина Фольц — русская. Главное, чтобы были ‘нерусские’ фамилии. Целит Рылов, конечно и в М.И. Рудомино.

Осталось выяснить, зачем Рылов написал такое письмо? Какие цели он преследовал? Была ли это борьба за идеалы, попытка изменения негативной ситуации, сложившейся во ВГБИЛ? Или под прикрытием пафосных фраз и резонных доводов, Рылов пытался добиться более приземленных целей? В своем письме Рылов сам указывает нам те причины, которые заставили его написать это письмо: желание вступить в КПСС (что подразумевало карьерные перспективы) и получить отдельную жилплощадь в Москве, а не снимать комнату. Он жалуется также не то, что ему не дают должность главного библиографа (с окладом 1 200 р. (!)), которую ему, якобы, обещали. Получается, что материальные стимулы к написанию данного письма были весьма весомы: товарищи из ЦК КПСС, конечно, разберутся, накажут кого следует, выгонят с работы ‘вредителей’, а борца за справедливость т. Рылова поставят на их место, примут в партию и поощрят отдельной квартирой. А то, что своим письмом он дает прекрасный повод разделаться с библиотекой, ему было все равно.

И товарищи из ЦК воспользовались предоставленной возможностью. В апреле 1953 г. Иноиздат по требованию свыше организовал комиссию по проверке ВГБИЛ на основании письма Рылова. Было найдено несколько нарушений, но в целом отзыв комиссии был положительным.

Что помешало более серьезно пройти по Библиотеке — неизвестно. Смерть ли Сталина (товарищам из ЦК было уже не до какой-то там библиотеки), связи ли М.И. Рудомино — остается лишь гадать.

А вот как эта история отразилась на самом т. Рылове — известно из документов. Имея за спиной письмо в ЦК КПСС, Рылов в начале 1953 г. все более активно критикует как работу отдельных сотрудников (например, Веры Троянker), так и всей библиотеки, обвиняя в 'политической близорукости и безграмотности', 'незнании марксизма' и 'саботаже'. На это последовала естественная реакция — сотрудники библиотеки начали борьбу с Рыловым. (Это стоит отдельно подчеркнуть — инициатива в этой борьбе шла именно 'снизу', от сотрудников, а не администрации библиотеки). 20 февраля 1953 г. четыре сотрудника написали обращение в библиотечную стенгазету 'Голос ВГБИЛ' с критикой Рылова. 26 февраля было произведено обследование картотек, порученных Рылову, выявившее большие упущения в их ведении. 27 марта 1953 г. решением Иноиздата Рылов был отстранен от работы в спецхране (как тогда говорили: 'рассекречен') за разглашение в частной беседе 'сведений совершенно секретного характера из закрытой иностранной литературы, передав содержание клеветнических выпадов против правительства СССР'. Сотрудник, занимающийся росписью иностранной периодики и не имеющий доступа в спецхран — такого быть не могло. Поэтому уже 28 марта 1953 г. М.И. Рудомино подписала приказ об увольнении Рылова с работы по ст.47 'в' КЗоТ 'за невозможностью использования в связи с потерей доверия'.

Но т. Рылов был не из тех людей, которых можно было выставить с работы с такой формулировкой. В апреле 1953 г., во время работы во ВГБИЛ проверочной комиссии Иноиздата, Рылов вновь обращается в ЦК КПСС с просьбой разобраться в его незаконном увольнении с работы. Заручившись поддержкой партийных органов, Рылов подал 25 апреля заявление в суд, где, указав на нарушение процедуры увольнения (не было решения разборочно-контрольной комиссии (РКК), без которого увольнение по статье 47 'в' КЗоТ не допускалось), потребовал восстановления на работе. Суд удовлетворил иск Рылова, и 30 апреля постановил восстановить его в должности и взыскать 'с директора ВГБИЛ Рудомино в его пользу зарплаты за 8 дней вынужденного прогула'. Как видно из этого, соблюдение в таких ситуациях процедуры крайне важно. Кассационная жалоба библиотеки ничего не дала, и 5 мая 1953 г. приказ об увольнении т. Рылова был отменен.

Однако, лишение Рылова доступа в спецхран сохранило свою силу, что позволило администрации ВГБИЛ подать документы в РКК для перевода Рылова на другую должность. Уже по всей форме оформленное

решение 'сослало' его на должность старшего библиотекаря отдела хранения с окладом 790 р., где он 'не будет иметь дело с закрытой литературой'. Тут уже пришлось смириться Рылову, и 19 мая 1953 г. он был переведен в книгохранение. Как можно было предположить, место работы ему подобрали соответствующее — в подвале основного здания на ул. Разина: сыро, пыльно и много работы. Рылов взял отпуск и отправился в санаторий в Аджарии, не забыв послать жалобу на решение РКК в Президиум Московского обкома профсоюза работников культуры. Профсоюз поддержал жалобу и постановил посоветовать т. Рылову обратиться в суд с требованием восстановить его в прежней должности. Однако снова обращаться в суд Рылов не стал, а стал жаловаться в администрацию, профком и партком ВГБИЛ на произвол, творимый дирекцией библиотеки по отношению к нему. Новое решение РКК (от 12.11.1953 г.) оказалось не в пользу Рылова, т.к. администрация не нашла возможным ни восстановить его в прежней должности, ни хотя бы перевести из подвала. А Президиум Московского обкома профсоюза 27.11.1953 г. лишь принял к сведению 'заявление администрации, что при первой же возможности Рылову будет предоставлена работа, равноценная ранее им выполняемой'.

'Война' перешла в затяжную фазу. Администрация при первой же возможности объявляла Рылову выговоры, а Рылов продолжал писать в различные инстанции с просьбой посодействовать его борьбе за правду. В июле 1954 г. М.И. Рудомино пришлось отчитываться перед отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС по поводу письма Рылова на имя т. Хрущева Н.С., в феврале 1955 г. — отвечать на письмо из газеты 'Правда' и т.д.

Так продолжалось до июля 1956 г., когда наконец произошло расставание ВГБИЛ и Рылова. 25 июля 1956 г. он был уволен переводом на работу в Центральный узел магистральных связей Главного управления гражданского воздушного флота при Совмине СССР. Характеристика при увольнении ему была выдана положительная, дабы (не дай бог) в ГВФ от него не отказались.

В заключение, я представляю краткие справки о сотрудниках ВГБИЛ, поименованных в письме Рылова в ЦК КПСС.

Раппопорт Сия Ароновна, 1910 г. р. Во ВГБИЛ работала в 1948-1953 гг. Главный библиограф НБО. Уволена по состоянию здоровья.

Шварцман Зоя Лазаревна, 1899-1963. Во ВГБИЛ работала в 1944-1963 гг. В 1953 г. — зам. директора по библиотечной работе, секретарь парткома ВГБИЛ.

Топштейн Роза Ефимовна, 1897 г. р. Во ВГБИЛ работала в 1949-1959 гг. с перерывами. В 1953 г. — главный библиотекарь отдела хранения. 26.2.1953 г. — уволена с работы по собственному желанию. Позже — принята на ту же должность.

Менцендорф Яков Иванович, 1898-1959. Во ВГБИЛ работал в 1937-1959 гг. В 1938-1952 гг. — зам. директора по научной части, с 1952 г. — главный библиограф дирекции.

Перловагор Евгения Самойловна, 1901 г. р. Во ВГБИЛ работала в 1944-1967 гг. В 1953 г. — главный библиотекарь отдела комплектования.

Троянкер Вера Саневна, 1904 г. р. Во ВГБИЛ работала в 1949-1973 гг. с перерывами.

Данилевская Ирина Адамовна, 1908 г. р. Во ВГБИЛ работала в 1937-1964 гг. В 1953 г. — зав. отделом обслуживания.

Левидова Инна Михайловна, 1916 г. р. Во ВГБИЛ работала в 1937-1976 гг. В 1953 г. — главный библиограф НБО. В 1942 г. ушла добровольцем в армию.

Козлов Александр Васильевич, 1928 г. р. Во ВГБИЛ работал в 1951-1953 гг. Уволен 8.6.1953 г. по собственному желанию.

Паевская Анастасия Владимировна, 1910 г. р. Во ВГБИЛ работала в 1930-1973 гг. В 1953 г. — главный библиограф НБО.

Мартынов Владимир Алексеевич, 1922 г. р. Во ВГБИЛ работал в 1950-1953 гг. главным библиографом НБО. Уволен 10.12.1953 г. в связи с поступлением в аспирантуру.

Вестерман Самуил Ноевич, 1916 г. р. Во ВГБИЛ работал в 1948-1953 гг. ученым секретарем, с 1949 г. — и. о. зам. директора по административно-хозяйственной части. Уволен 16.3.1953 г. 'по статье'.

Сальковский Аким Владимирович, 1924 г. р. Во ВГБИЛ работал в 1950-1951 гг. библиотекарем отдела обслуживания. Уволен в связи с поступлением на учебу.

Фридман Надежда Зиновьевна, 1897-1956. Во ВГБИЛ работала в 1931-1956 гг. В 1953 г. — главный библиотекарь отдела обработки.

Иоралова Зинаида Федоровна, 1894 г. р. Во ВГБИЛ работала в 1948-1965 гг. В 1953 г. — методист отдела сети.

Рабинович Фанни Исааковна, 1908 г. р. Во ВГБИЛ работала в 1937-1964 гг. В 1953 г. — старший библиотекарь отдела обработки.

Фольц Нина Николаевна, 1901-1970. Во ВГБИЛ работала в 1936-1970 гг. В 1953 г. — главный библиотекарь отдела обработки.

Михайлов Владимир Петрович, 1902 г. р. Во ВГБИЛ работал в 1951-1953 гг. В 1953 г. — главный библиотекарь НБО.

Обзор подготовлен по материалам личных дел сотрудников ВГБИЛ и других документов архива ВГБИЛ архивистом ВГБИЛ Бордаченковым И.А.

Tracing 'Trophy' Books in Russia¹

Patricia Kennedy Grimsted

Since the issue of 'trophy' books from the Second World War became public for the first time in the late 1980s, Russian librarians have faced intense foreign criticism, especially from Germany, whose historic libraries were the source of millions of books transported to the USSR in the immediate postwar years. In reply Russian librarians have understandably emphasised Russia's monumental book losses resulting from the German invasion, justifying their 'trophy' books as appropriate 'compensation'. Recently, to emphasise Russian losses, the Ministry of Culture initiated an elegantly published series on 'Lost Cultural Treasures', with lost books scattered prominently through the initial volumes covering the St Petersburg imperial palaces.² Two volumes have already appeared in the sub-series describing many examples of rarities among the *Lost Book Treasures*.³

During the past fifteen years many more accounts of Soviet wartime losses and trophy receipts have drawn on newly opened sources, and debates in the press have been rampant.⁴ Aleksandr Mazuritskii, the rector of Russia's most

¹ This paper was the basis for my brief comments at a colloquium with Russian librarians at the New York Public Library, 8 March 2005, for the session entitled 'Wartime Cultural Losses, Reparations, Restitution'. The data are drawn from my larger ongoing study of cultural treasures in the USSR, see the full bibliography of my writings on the International Institute of Social History website—http://www.iisg.nl/archives_in_russia/bibliography.html.

² *Svodnyi katalog kul'turnykh tsennostei, pokhishchennykh i utrachennykh v period Vtoroi mirovoi voyny* / English edition: *Summary Catalogue of the Cultural Valuables Stolen and Lost during the Second World War*, vol. 1: *Gosudarstvennyi muzei-zapovednik 'Tsarskoe Selo'* / *The Tsarskoe Selo State Architectural Palace-Park Museum Zone*, books 1 and 2: *Ekaterininskii dvorets* / *The Catherine Palace* (Moscow and St Petersburg, Ministerstvo kul'tury Rossiiskoi Federatsii, 1999–2000); vol. 2: *Gosudarstvennyi muzei-zapovednik 'Pavlovsk': Pavlovskii dvorets* / *The Pavlovsk State Museum Zone: The Pavlovsk Palace* (Moscow, 2000).

³ *Svodnyi katalog kul'turnykh tsennostei* / *Summary Catalogue of Cultural Valuables*, vol. 11, book 1: *Utrachennye knizhnye tsennosti* / *Lost Book Treasures*, and book 2: *Leningradskaia oblast'. Gatchina* / *Leningrad Region. Gatchina* (Moscow, 2003).

⁴ The most extensive bibliography, which includes some of the press discussion, is 'Beutekunst': *Bibliographie des internationalen Schrifttums über das Schicksal des im Zweiten Weltkrieg von der Roten Armee in Deutschland erbeuteten Kulturgutes* (Museums-, Archiv- und Bibliotheksbestände) 1990–2000, compiled by Peter Bruhn, 2nd ed. (Berlin, Staatsbibliothek zu Berlin—Preußischer Kulturbesitz, Osteuropa-Abteilung, 2000), Veröffentlichungen der Osteuropa-Abteilung. Staatsbibliothek zu Berlin—Preußischer Kulturbesitz, 26; Literaturnachweise zu aktuellen Rußland-Themen, vol. 1. Much relevant literature is covered in my own writings. See, for example, the relevant chapters of Grimsted, *Trophies of War and Empire: The Archival Heritage of Ukraine, World War II, and the International Politics of Restitution*, foreword by Charles Kecskeméti (Cambridge, MA, Harvard University Press for the Ukrainian Research Institute, 2001), especially chapters 5–7. See the more recent monograph by Margarita S. Zinich, *Pokhishchennye sokrovishcha: vyvoz Natsistami rossiiskikh kul'turnykh tsennostei* (Moscow, Institut Rossiiskoi istorii RAN, 2003).

prominent library school, follows many of his earlier writings on the subject with a 2004 monograph on Russian library losses.⁵ His writings need to be compared to other studies on the subject, especially those from the University of Bremen.⁶

Mazuritskii claims book losses as a result of the war to have been over 100 million volumes, but it is not entirely clear if he means from Russia itself as opposed to the entire Soviet Union. He cited most recently the 100 million figure at a Russian-American colloquium at the New York Public Library, which he earlier stated as having been established by the official postwar Soviet Commission to Investigate War Losses (ChGK). In his 2004 monograph, he first gives the ChGK figure of 100 million but then also cites a 1991 Moscow rhetorical journalistic estimate as high as 200 million volumes for the entire Soviet Union.⁷ Given available Soviet sources and priorities, such statistics will

⁵ Aleksandr M. Mazuritskii, *Knizhnye poteri Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny. Monografiia* (Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi universitetet kul'tury i iskusstv, 2004;); those figures are cited on p. 3 and pp. 93–94. Professor Mazuritskii is one of the editors of the Ministry of Culture series mentioned in note 3. His latest brief survey remains superficial and with no bibliography, but does take into account some of the recent Russian discussion in Russia. See also, for example, A. M. Mazuritskii, I. G. Matveeva and G. V. Mikheeva, 'Book Losses in Russia during World War II', *Solanus*, 16 (2002), pp. 27–38; and Mazuritskii's earlier monograph *Knizhnye sobraniia Rossii i Germanii v kontekste restitutsionnykh protsessov* (Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi universitetet kul'tury i iskusstv, 2000). My present comments were expanded in response to Mazuritskii's remarks at the NYPL colloquium 8 March 2005.

⁶ See for example, some of the publications from the Bremen University project on German cultural plunder from the USSR: Gabriele Freitag and Andreas Grenzer, 'Der deutsche Umgang mit sowjetischem Kulturgut während des Zweiten Weltkrieges: Ein Aspekt nationalsozialistischer Besatzungspolitik', *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 45 (2) 1997, pp. 223–72; Andreas Grenzer, 'Die Evakuierung von sowjetischen Kulturgütern im Zweiten Weltkrieg', *Osteuropa* 47 (1997), pp. 922–31; Wolfgang Eichwede and Ulrike Hartung, eds., 'Betr.: Sicherstellung': *NS-Kunstraub in der Sowjetunion* (Bremen, Edition Temmen, 1998); Ulrike Hartung, 'Der deutsche Umgang mit sowjetischen Archiven und Bibliotheken im Zweiten Weltkrieg', in *Displaced Books: Bücherrückgabe aus Zweierleisicht. Beiträge und Materialien zur Bestandsgeschichte deutscher Bibliotheken im Zusammenhang von NS-Zeit und Krieg*, 2d ed. (Hannover, Laurentius Sonderheft, 1999), pp. 42–51; Ulrike Hartung, *Raubzüge in der Sowjetunion: Das Sonderkommando Künsberg 1941–1943* (Bremen, Edition Temmen, 1997); Anja Heuss, 'Die "Beuteorganisation" des Auswärtigen Amtes: Das Sonderkommando Künsberg und der Kulturgutraub in der Sowjetunion', *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* 45 (4) October 1997, pp. 535–56. Heuss has some good chapters on German agencies of plunder in the USSR in her *Kunst- und Kulturgutraub: Eine vergleichende Studie zu Besatzungspolitik der Nationalsozialisten in Frankreich und der Sowjetunion* (Heidelberg, Universitätsverlag C., Winter, 2000).

⁷ Mazuritskii's source for that figure is a three-part rhetorical article by Aleksandr Sherel', 'Kochuiushskie muzy', in the official government weekly newspaper *Rossia*, nos. 39 (47)–41 (49), 2–22 October 1991. Sherel' first gives the ChGK figure of 100 million books lost or destroyed from Soviet libraries in occupied territories, and 200 thousand museum items, but then raises the figure for total Soviet book losses as a result of the war to ca. 200 million volumes (no. 39, p. 3), without indication of how he was arriving at the higher estimate. In the following segment (no. 40, p. 3), a summary headline highlights wartime losses: 'stolen or destroyed more than 100 million books'. Mazuritskii repeats without question Sherel's earlier 200 million figure, but also does not explain the statistical basis.

be difficult to verify today. Admittedly, ChGK figures on which Mazuritskii's total is based frequently gave the highest possible estimates to justify more compensation and, as many have pointed out, ChGK figures fail to distinguish between books plundered from the USSR and those destroyed by bombing and warfare. Once the official ChGK statistics of loss were published, there was little inclination to revise them with details about books retrieved by Soviet library brigades and those that were restituted by the Western Allies.⁸ There have been no attempts in Russia to establish statistics for retrieval. Yet even if estimates were reduced as appropriate for returns, the total figures for losses would still be staggering and make the demand for compensation completely understandable. What follows has no intent to minimise the magnitude of Russian—and indeed Soviet—losses, although sixty years after Allied victory over the Nazi regime, it is perhaps time for more realistic appraisal and more open reporting of returns and trophy receipts.

One major problem arising is that there were many other European victims of Nazi looting, and among the trophy books brought to Russia were many that had been previously plundered from other European countries. With all the revelations about displaced cultural treasures on the Eastern Front, including those 'twice-plundered', there are new demands for accurate appraisal of losses and migration of cultural treasures, including books, often in the context of restitution claims. Such factors augment the incentive for more careful research by all concerned. However, further problems arise in the Russian statistics: retrieved and restituted books often passed through the same facility where trophy books were gathered; many of the 'trophy' echelons arriving in the USSR combined those three categories; and books were frequently not distinguished in numbers of crates for consignments of archives or other cultural treasures. Even today, sixty years after the end of the war, many sources needed remain classified or otherwise unavailable, especially in Russia.

Most (but not all) German wartime reports preserved and open for research today (including those in Moscow and especially Kyiv) indicate many specific details about the number of volumes plundered from different libraries in many countries and where they were sent.⁹ If migration routes are followed

⁸ The official Soviet-style name was the 'Extraordinary State Commission for Establishment and Investigation of Crimes of the German-Fascist Aggressors and Their Accomplices and Appraisal of the Losses Incurred by Citizens, Collective Farms, Social Organizations, State Enterprises and Institutions of the USSR', the records of which are now open for consultation. See my background discussion of ChGK reports in Grimsted, 'Measuring Losses in the World War II context', chapter 5 in *Trophies of War and Empire* (note 4).

⁹ In the case of Kyiv libraries Liubov' Dubrovina and her associates have prepared a detailed guide to sources, predominantly based on documents among the ERR records remaining in Ts-DAVO (fond 3676): *Biblioteky Kyieva v period natsists'koï okupatsii (1941–1943): Doslidzhennia. Anotovanyi pokazhchyk. Publikatsii dokumentiv*, comp. L. A. Dubrovina and N. I Malolietova; ed. O. S. Onyshhenko, H. V. Boriak, L. A. Dubrovina et al. (Kyiv, NBUV, Derzhkomarkhiv, 2004), Biblioteky Ukraïny pid chas Druhoï svitovoï viiny.

through careful research, we can have a better idea of where what collections might have survived. If such data are further combined with postwar retrieval and restitution files, we can begin to trace how many and what books came home. Currently, however, the subject can be traced only with heavy reliance on foreign sources, because openly available Soviet documentation frequently is only fragmentary or at variance with foreign figures.

The whole subject of 'trophy' books was taboo during the Soviet period. The furor started in 1990, when Evgenii Kuz'min revealed that several million rare German imprints had been left to rot under pigeon droppings in the Uzkoe church outside Moscow owned by the Academy of Sciences of the USSR.¹⁰ Two years after that scandal, at the Russian-German Round Table on trophy books in Moscow, Kuz'min first revealed a 1948 document from the VGBIL archive estimating shipments of 11 million trophy books to the USSR.¹¹ VGBIL library founder Margarita Rudomino had led the largest trophy library brigade to Germany (May 1945–November 1946), and the unsigned document was attributed to her. Closer examination of the original document shows one figure had been read erroneously, so the total would be only ten million.¹² While Uzkoe became a symbol of the failures and abuses of the trophy books programme, a decade later we still cannot document even the ten million figure.

German library director Ingo Kolasa's article 'Tell me, Where are the books? ...' became a battle cry to German librarians.¹³ Kolasa included a

¹⁰ Evgenii Kuz'min, 'Taina tserkvi v Uzkom', *Literaturnaia gazeta*, no. 38 (18 September 1990), p. 10; English ed.: 'The Mystery of the Church in Uzkoye', *The Literary Gazette International*, 1990, no. 16, p. 20. Kuz'min now heads archival and library programmes in the Ministry of Culture and Mass Communications. See also the earlier report by Nikolai V. Kotrelev, 'Plach o pogibeli russkoi biblioteki', in *Redkie knigi i rukopisi: izuchenie i opisanie (Materialy Vsesoiuznogo nauchno-metodicheskogo soveshchaniia zaveduiushchikh otdelami redkikh knig i rukopisei bibliotek vuzov. Leningrad, 24–26 ianvaria 1989 g.)* (Leningrad, 1991), pp. 107–109; or the English version: 'Lamentation on the Ruin of the Russian Library', *Kul'turologiia: The Petersburg Journal of Cultural Studies* 1, no. 3 (1993), pp. 147–50. See also the article by Leningrad University librarians Aleksandr Gorfunkel' and Nikolai Nikolaev, 'Kak vozvrashchat' "trofeinye knigi": Eshche raz o zakhvachennykh vo vremia voyny kul'turnykh tsennostiakh', *Nevskoe vremia* 8 (163), 14 January 1992.

¹¹ Evgenii Kuz'min, 'Neizvestnye stranitsy istorii nemetskikh bibliotechnykh kolleksii v gody Vtoroi mirovoi voyny', in *Restitutsiia bibliotechnykh sobranii i sotrudnichestvo v Evrope: Rossiisko-germanskii 'kruglyi stol', 11–12 dekabria 1992 g.* (Moscow, 1994). The proceedings were first published in a much more extensive German version, *Restitution von Bibliotheksgut. Runder Tisch deutscher und russischer Bibliothekare in Moskau am 11. 12. Dezember 1992*, ed. Klaus-Dieter Lehmann and Ingo Kolasa (Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann, 1993), *Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie*, Sonderheft 56. That document and the Kuz'min article and a few other selections from the 1992 Roundtable are available electronically—<http://www.libfl.ru/restitution>, together with extensive bibliography.

¹² The document in question was found in the VGBIL Archive—'Spravka o trofeinykh fondakh, privezennykh v SSSR v 1945–1946 gg'. (December 1948 [date pencilled in later]), *Arkhiv VGBIL*, 1/29–37/20, fols. 29–31 (unsigned carbon copy), where I later obtained a copy.

¹³ Ingo Kolasa, 'Sag mir wo die Bücher sind ...: Ein Beitrag zu "Beutekulturgütern" und

German translation of the 1948 Rudomino document, but we now know the eleven [ten] million figure does not include transports by other trophy brigades, such as those operating in Silesia, and those intermixed with shipments of archives, or books sent by SVAG from varying sources, much of the documentation for which is still closed to researchers. In 1996, Kolasa and Klaus-Dieter Lehmann published in German translation a collection of significant documents from the Rudomino brigade (under the Committee for Cultural Enlightenment, led by Aleksei D. Manevskii) along with other revealing Soviet-period documents related to trophy receipts.¹⁴ Almost half of those documents were drawn from former Communist Party archives (RGASPI and RGANI), and have since been reclassified.¹⁵ Although the files of the Manevskii/Rudomino brigade have been open for limited research in GARF, the German editors never saw the originals in their Russian archival context.¹⁶

For example, one published document listing over 150 German public and private libraries plundered by the Soviet brigade between 6 May and 31 December 1946 is missing the first 23 pages of the original. The editors note that the initial 55 listings were museums rather than libraries, but it turns out that no. 21 was the Leipzig Museum of the Book and Printing; the 19 crates from that collection sent by air to Moscow included the Gutenberg Bible fragment now in a Russian State Library (RGB) safe.¹⁷ Margarita Rudomino's

"Trophäenkommissionen", *Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie* 42 (4) (1995), pp. 357–60.

¹⁴ Ingo Kolasa and Klaus-Dieter Lehmann, eds., *Die Trophäenkommissionen der Roten Armee: Eine Dokumentensammlung zur Verschleppung von Büchern aus Deutschen Bibliotheken* (Frankfurt am Main, Vittorio Klosterman, 1996), *Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie*, Sonderheft 64. Lehmann since 1988 has been director general of the Deutsche Bibliothek and president (since 1998) of the Foundation for Prussian Cultural Heritage. I am grateful to Ingo Kolasa, who now heads the Deutsche Musikarhiv (Berlin) for consultations regarding various aspects of the problem.

¹⁵ A 'use slip' for some of the files in RGASPI, for example, shows that the documents had been consulted and copied in 1992, although the documents themselves are now sealed off. Over the years since the publication, I have located original copies or verified archival locations for most of the documents, and for those still classified, I have unsuccessfully filed requests for declassification with the holding archives.

¹⁶ Almost half the documents are from the remaining files of the Rudomino/Manevskii brigade, now in a declassified inventory (opis') of the records of the Committee for Cultural Enlightenment in the State Archive of the Russian Federation (GARF), fond A534, opis' 2. I am grateful to the directors for permitting me to work extensively with these files, so I could compare the originals to the published German versions. Following the German publication, research in the original files requires special permission and is frequently restricted, especially to German researchers.

¹⁷ The original of the document, 'Otchet o rabote Upolnomochennogo Komiteta po delam kul'tprosvetuchrezhdenii pri Narkome RSFSR po Sovetskoi zone okkupatsii Germanii c 6 maia po 31 dekabria 1946 g.' (signed by A. M. Manevskii), GARF, A-534/2/10, fols. 1–69. The published portion (doc. no. 17) includes nos. 58–202 starting with page 23 (fol. 23) of the original report. The reference to the Museum of the Book and Printing (no. 21) with the Gutenberg Bible is on fols. 12–13 where it is described as 'the most valuable book in the world'. More detailed packing lists remain in GARF for the air shipment that contained the Gutenberg Bible.

son Adrian first revealed the existence of the Gutenberg Bible in RGB in 1994, and—for the ‘50th Anniversary of Victory’, a 1995 Russian TV film, ‘By Right of the Victor’, featured his role in its 1945 transport.¹⁸ Tat’iana Dolgodrova subsequently prepared a professional description of the RGB copy.¹⁹ Rare book specialist Aleksandr Gorfunkel’ raised the issue of the second Gutenberg Bible (on paper) from Leipzig, which has since been confirmed as held by the Lomonosov Library of Moscow State University. Gorfunkel’ also provides more examples of unfortunate catastrophes for trophy books that were hidden away, and he appropriately pleads for more open information about many of the rare trophy receipts.²⁰ Catalogues of other rarities from the Leipzig collection in RGB prepared by Tat’iana Dolgodrova are awaiting publication subsidy in Moscow.²¹

In 1999 Adrian Rudomino published from his mother’s papers another list of 88 plundered German libraries,²² but with fewer entries than indicated in reports in the GARF files. In 2000 Aleksandr Mazuritskii published one GARF document listing 92 library collections, each with reference to the echelon number in which it arrived—so far the most extensive list published in Russia.²³ German art historian Regine Dehnel (Magdeburg) in her 2003

¹⁸ Adrian Rudomino, ‘Polveka v plenu’, *Nashe nasledie*, no. 32 (1994), pp. 92–96, and in the segment featuring him in the Russian documentary film ‘Po pravu pobeditelei’ (1995). See also the subsequent German account ‘Wo ist die Gutenberg-Bibel? Die wertvollsten Bestände des Deutschen Buch- und Schriftmuseums in Leipzig als Kriegsbeute’, in *Leipziger Jahrbuch zu Buchgeschichte*, 7 (1997), pp. 247–301.

¹⁹ Tat’iana Dolgodrova, ‘Bibliia Gutenberga, khраниashchiasia v Rossiiskoi Gosudarstvennoi biblioteke, kak vydaiushchiisia pamiatnik pečati’, in *Kniga: issledovaniia i materialy* 73 (Moscow 1996), pp. 125–40. See also her dissertation, *Nemetskaia i niderlandskaia kniga XV veka (problemy vzaimovliianiia i natsional’nye osobennosti)*, *avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk* (Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi universitet pečati, 2000).

²⁰ Aleksandr Gorfunkel’, ‘Bibliia Gutenberga v Rossii’, in *Zapadnoevropeiskaia kul’tura v rukopisiakh i knigakh Rossiiskoi natsional’noi biblioteki* (St Petersburg, RNB, 2001), pp. 195–206. Internet lists of the 48 copies of the Gutenberg Bible confirm both locations: <http://clausenbooks.com/gutenbergcensus.htm>; <http://www.gutenbergbible.net/locations.html>.

²¹ See, among Dolgodrova’s published articles: ‘Kollektsiia Nemetskogo muzeia knigi i shrifta v sobranii Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki’, *Nashe nasledie*, no. 32 (1994), pp. 97–106 (with Oleg Borodin); ‘Unikal’nye zapadnoevropeiskie pečatnye knigi XV–XVI vekov iz trofeinogo sobraniia Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki’, *Nashe nasledie* 42 (1997), pp. 113–19; and ‘Sobranie perepletov Iakoba Krauze v Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteke’, *Nashe nasledie*, no. 49 (1999), pp. 97–102. Recently she has completed three professional descriptive catalogues of the Leipzig collection, all of which still await publication subsidy.

²² Rudomino’s son Adrian was serving in the Red Army in Germany during his mother’s mission—‘Knigi voiny: Pis’mo M. I. Rudomino iz Germanii v 1945–1946 godov i nekotorye dokumenty togo vremeni’, *Nashe nasledie*, no. 49 (1999), pp. 78–96. See also his edition of his mother’s memoirs augmented with extracts of her correspondence, *Moia biblioteka*, compiled with commentary by A. V. Rudomino (Moscow, Rudomino, 2000), with a separate chapter on the German trophy mission, pp. 189–221.

²³ Mazuritskii, *Knizhnye sobraniia Rossii i Germanii* (note 5), pp. 95–110, on the basis of the original signed by Margarita Rudomino (Berlin September 1946), which he cites as GARF,

English-language article augments the plundered German libraries 'missing' in Adrian Rudomino's list but with references to only to one of the lists published by Kolasa and Lehmann. Consultation of the original archival files in GARF would have significantly augmented Dehnel's number, as well as the accuracy and authority of her publication.²⁴ Yet the comparative data she presents is a step needed in establishing a more complete list of the major foreign libraries represented among the trophy books brought to the USSR.

The crucial point is that we still do not have a full list of the libraries plundered from Germany because the published lists have not been compared one to another or to others available in various archives. Library of the Academy of Sciences director V. P. Leonov published some excerpts from a 1993 report about BAN trophy receipts and returns (mostly the Gotha Library), which provides a starting place for tracing Academy trophy receipts, but there were undoubtedly other institutions involved.²⁵ Nor do we even have a preliminary list of all the German and other libraries plundered by Soviet trophy brigades from Silesia, where many Berlin libraries had been evacuated in 1943. Lists remain from postwar U.S. investigation records for many of those Berlin library evacuations, and some extant documents from Soviet trophy brigades indicate many of those seized in Silesia.²⁶ If we could start with a list of the major private and institutional libraries (with images of their book markings) from which the trophy books came, we could get a better understanding of the receipts in the USSR. Some books were returned to East Germany and Poland in the 1950s, which will also need to be accounted for, but again in many cases, documentation is openly available. The VGBIL has issued a volume with images of markings on their trophy rare book holdings (also available on their

A534/2/1, fols. 21–24. Actually that is a variant of the published document no. 31 in *Die Trophäenkommissionen* (note 14), the original of which appears to be in fond A-534/2/10, fols. 218–234, with variant copies also in A-534/2/1, fols. 102–112 (cc fols. 113–126).

²⁴ Regine Dehnel, 'Books of German provenance in Russian libraries', *Spoils of War: International Newsletter*, no. 8 (2003), pp. 25–44. The English-language translation of this article could have been improved with editing before publication. (The promised Russian translation of that issue has still not appeared as of 2005.) Dehnel's additions are from only one of the 1996 German published lists *Trophäenkommissionen der Roten Armee*, doc. 31, pp. 187–202 (the original is in GARF, A-534/2/10, fols. 218–234; a variant copy with less detail in the last two columns appears in A-534/2/1, fols. 102–112; cc. fols. 113–126). Dehnel told me she had not tried to obtain access.

²⁵ Valerii P. Leonov, *Sud'ba biblioteki v Rossii. Roman-issledovanie* (St Petersburg, BAN, 2000), pp. 357–63—he quotes a special report prepared on his order by Oleg V. Dubrovskii, 'O postuplenii, khranении i otpravke nemetskoii trofeinoi i reparatsionnoi literatury, nakhodivsheisia v Biblioteke AN SSSR v 1946–1958 gg.'. John Simmons kindly alerted me to this publication.

²⁶ See, for example, the preliminary coverage of libraries seized in Silesia in Grimsted, *The Odyssey of the Turgenev Library from Paris, 1940–2002* (Amsterdam, International Institute of Social History, 2003), IISG Research Papers, no. 42, chapter 7. Documentation from the Peschke file in NACP, RG 260, lists many of the Berlin libraries and private art collections evacuated to Silesia.

website), which could be a starting point for coverage of current locations, and the format they have developed for listing foreign collections among their rare book holdings could prove a further point of departure for collection-level listings for other libraries, as they have for the Sárospatak Calvinist College Library from Hungary.²⁷ The University of Voronezh has issued a series of brochures with foreign book markings, another helpful beginning. But now a centralised compendium is needed listing all of the major libraries from which books were seized with available data from many sources.

Shipping lists (including wagon container lists) have been preserved for many consignments. Hence, simultaneously, it would be helpful to compile a content list of major military echelons with trophy books (with citations to available documents), because only fragmentary lists have been published.²⁸ But the published ones do not list those from Silesia, and some of those sent by other brigades from Germany. A major problem with statistics about echelons, however, is that many of the Soviet books retrieved and those returned by the Western Allies came in the same echelons with trophy books.

Scattered details about books retrieved by Soviet authorities have surfaced, but until there is more open archival access to Soviet military shipping records and relevant files from the Chief Political Administration of the Red Army (GlavPU RKKA), it will be difficult to establish more precise figures of books

²⁷ *Inostrannye knizhnye znaki v sobranii redkikh knig Vserossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki inostrannoi literatury imeni M. I. Rudomino* / *Foreign book signs in the Rare Book Collection of the Library for Foreign Literature (founder M. Rudomino)*, comp. E. V. Zhuravleva, N. N. Zubkov and E. A. Korkmazova (Moscow, Rudomino, 1999). The database of book markings is available electronically—<http://www.libfl.ru/restitution>, as are data about several other collections, including the Esterházy library from Austria. See also *Katalog der Drucke des XVI. Jahrhunderts aus den Beständen des VGBIL* / *Katalog nemetskoiazychnykh izdanií XVI veka v fondakh VGBIL* / *Catalogus librorum sedecimi saeculi qui in Totius Rossiae reipublicae litterarum externarum bibliotheca asservantur*, comp. I. A. Korkmazova and A. L. Ponomarev; ed. N. V. Kotrelev (Moscow, Rudomino, 1992; 2nd ed. 1996), and the more recent *Katalog izdanií XVI veka v fondakh VGBIL* / *Catalogus librorum sedecimi saeculi qui in totius Rossiae Reipublicae litterarum externarum bibliotheca asservantur*, part 2: *Knigi na novykh evropeiskikh iazykakh (krome nemetskogo)* / *Libri verba aliarum linguarum vernacularum continentes* (Moscow, Rudomino, 2001).

²⁸ One list with train numbers and number of wagons for four 1946 echelons from Berlin and one from Dresden—the last page of a Rudomino report—is published in German translation in *Die Trophäenkommissionen* (note 14), doc. no. 26, p. 170 (the original ribbon copy in GARF, A-534/2/1, fols. 90–96, is signed by Rudomino; cc fols. 21–25 [also signed] and fols. 59–65). A second list (which includes three 1945 air shipments) is published as doc. no. 30, p. 186 (original in GARF, A-534/2/1, fol. 66). Another list in the same file lists contents of two more shipments GARF, A-534/2/1, fol. 69, as does the list in an unpublished September 1946 report by Rudomino, fol. 101. The list with an initial introductory fragment published (without archival citation) by Waldemar Ritter, *Kulturerbe als Beute? Die Rückführung kriegsbedingt aus Deutschland verbrachter Kulturgüter—Notwendigkeit und Chancen für die Lösung eines historischen Problems* (Nuremberg, Verlag des Germanischen Nationalmuseums), 1997, Wissenschaftliche Beibände zum Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums, Bd 13, p. 61, appears to be fragments of document no. 26 in *Die Trophäenkommissionen* from GARF.

retrieved or trophy shipments.²⁹ We know from the few available GlavPU reports that they were active in library reconnaissance. For example, published GlavPU reports that reached the Central Committee reveal one major cache of plundered Soviet books found in one of the satellite ERR centres in Silesia.³⁰ But it turns out that the books from Soviet libraries mentioned there were eventually combined in an echelon of 54 wagon loads with the books found in the nearby Katowice suburb of Mysłowice (German Myslowitz), where many more plundered books from Soviet libraries were combined with a massive cache that the Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg (ERR) had plundered from occupied countries of Western Europe, totalling between one and two million books.

One GlavPU document regarding that Silesian retrieval released only partially for publication omitted all reference to the trophy books found in the same place. The published portion mentioning six 'Russian libraries' included the Paris 'Turgenev Library' as one of the six.³¹ The available portion of the GlavPU report did not explain that over 100,000 books from that Paris library was in fact plundered by the ERR in October 1940. Rudomino, in another report, confirmed the location of the Turgenev Library 'among the 4,735 crates and 2,305 cardboard containers . . . in a warehouse in Myslowitz (Poland)'.³²

Since the migration route of the Turgenev Library to the ERR centre in Silesia has been established, it has been possible to piece together information from other sources about the military echelon of 54 freight cars, bearing approximately 1.2 million books that arrived in Minsk from Mysłowice in November 1945. It turned out that only half of those books had been plundered from Belarus and other Soviet libraries. The other half million were

²⁹ For example, Mazuritskii told me that he was not admitted for research in those records in the Central Archive of the Ministry of Defence (TsAMO) in Podolsk. I have been refused by TsAMO on several occasions, one time with the unbelievable reply that they 'have no documentation on [my] subject'.

³⁰ Report by the Deputy Chief of the Chief Political Command of the Red Army (GlavPU RKKA), I. V. Shikin to G. M. Malenkov, TsK VKP(b) (1 March 1945), RGASPI, 17/125/308, fols. 11–12; G. F. Aleksandrov and I. V. Shikin to G. M. Malenkov, TsK VKP(b) (1 March 1945), RGASPI, 17/125/308, fols. 14–17. Major excerpts from the original reports were published by Valerii Shepelev, 'Sud'ba "Smolenskogo arkhiva"', *Izvestiia TsK KPSS*, 1991 (5), pp. 135–36.

³¹ Fragments of the report by Major V. Pakhomov (of the Chief Political Command [GlavPU]), 'O bibliotekakh, obnaruzhennykh voiskami Krasnoi Armii', are published as doc. no. 169 in *Bibliotechnoe delo v Rossii v period Velikoi Otechestvennoi voiny (iun' 1941–mai 1945)*, comp. A. L. Divnogortsev, ed. V. A. Fokeev et al. (Moscow, Izd-vo RGB 'Pashkov dom', 2000), pp. 274–75; the archival reference cited is TsAMO, fond 32 (Chief Political Command RKKA), opis' 11302/327, fols. 383–384v. Notably the fragments published deal only with the retrieval of books confiscated by the Nazis from Soviet libraries. The reference to the Turgenev Library from Paris is the only mention of non-Soviet plundered libraries. RGB was refused a complete copy of the original document by TsAMO.

³² Rudomino's report is published in facsimile and English translation in Grimsted, *The Odyssey of the Turgenev Library* (note 26), appendix. See the details about the fate of the library in that monograph.

books plundered by the ERR from eminent private collections in Western Europe and the Balkans, that ended the war in the same ERR Silesian centre of Ratibor (now Polish Racibórz) and satellite depositories, most of which remained under wraps in Minsk for the next forty years. Most of the Western 'trophy' books still in Minsk from between 60 and 100 private libraries can be matched up with extant ERR lists of confiscated 'Jewish Libraries' in France, Belgium, and the Netherlands.³³

Even many of the books plundered from Soviet libraries that arrived in Minsk were never returned to their originating libraries in other cities, which explains the presence in Minsk today of books from Novgorod, Pskov, and Kyiv collections, to say nothing of former Russian imperial libraries from suburban Leningrad.³⁴ Belarusian and Ukrainian cultural specialists today may complain that they never received cultural property restituted by the Western Allies, which was in fact turned over to Soviet authorities in Germany or Austria. The problem of the books that arrived in Minsk is the other side of the coin. Within the Soviet Union there was no strict policy for sorting and distribution to the home library once books arrived at the major Soviet centres run by the State Book Reserves (Gosfond) or the Central Depository of Museum Fonds (TsKhMF) in suburban Leningrad, let alone the major echelon that arrived in Minsk. The inadequate provisions and questionable practices for postwar distribution of trophy books are now magnified by the loss of Gosfond records. Mazuritskii and others have been searching for them, but so far there is no information about their fate.

Official transfer documents from American restitution centres in Germany to the USSR are now published in facsimile.³⁵ Meanwhile in Russia, we do not even know the whereabouts of the records of the Restitution and Reparations Division of Soviet occupation authorities in Germany (SVAG) and Austria (Soviet Element of CAA) that would contain information about books retrieved by Soviet scouts, books restituted by the British and Americans, as well as trophy books seized and sent back to the USSR. Large files of Soviet claims and restitution proceedings are openly available in American and British records, while library lists and the U.S. albums of book stamps pre-

³³ See more details in Grimsted, 'The Road to Minsk for Western Trophy Books', *Libraries and Culture*, 30 (2004), pp. 351–404, with added details about the ERR lists of confiscated libraries; a Russian version is forthcoming in Minsk. Vladimir Makarov mentions some names in 'Involuntary Journey of Books from Paris to Minsk', *Spoils of War: International Newsletter*, no. 6 (February 1999), pp. 25–27 (also published in Russian); see also his 'Avtografy sud'by', *Evropeiskoe vremia* (Minsk), 1993, no. 10, pp. 12–13.

³⁴ These can be found in the extensive card catalogues indicating library markings and provenance in the Rare Book Division of the National Library of Belarus (NBB).

³⁵ *U.S. Restitution of Nazi-Looted Cultural Treasures to the USSR, 1945–1959: Facsimile Documents from the National Archives of the United States*, compiled with an Introduction by Patricia Kennedy Grimsted, with a Foreword by Michael J. Kurtz (Washington, DC, GPO, 2001).

pared at Offenbach can help identify the collections from Soviet libraries that passed through the British and American restitution centres.³⁶ But then once the books were turned over to Soviet authorities, the trail is lost.

Sometimes careful cross verification of restitution documentation yields surprising discrepancies leading to major misconceptions. For example, documents in files from the Manevskii/Rudomino brigade confirm one Soviet echelon from Berlin with eight freight cars of books from Soviet libraries (1055 cases) restituted from the Offenbach Archival Depot (OAD), the U.S. book restitution centre near Frankfurt am Main. Another Soviet document from Berlin suggests that only 100,000 books were received, although the number of freight cars and cases were the same. According to receipts in U.S. records signed by Soviet restitution officers at Offenbach, 232,000 books in 1055 cases were shipped out of OAD in eight freight train wagons in early August 1946.³⁷ Were over 132,000 books lost from those same 1055 crates in eight wagons between Frankfurt and Berlin? Soviet restitution officers later signed receipts in Offenbach and Berlin for an additional 50,000 books, but recent Russian writings complain that no more than 100,000 books were received from American authorities in Germany.³⁸ To add to the statistical confusion, those books were shipped to the Soviet Union from Berlin as one of the major echelons of trophy books, and hence possibly counted as part of the 'ten million' trophy book figure.

Other Western restitution of Soviet books is often not counted at all or with minimised figures. We now know that one transport of books that were restituted to Soviet officers in Austria from the British and American occupation zones first went to a Gosfond warehouse (probably in Moscow) and then to TsKhMF in suburban Leningrad. By contrast TsKhMF documents refer to the consignment of four or five railroad wagons 'from Germany' or 'from Moscow' when in fact the books were returned by the British in Austria.³⁹ Among that British consignment were close to 7,000 books from Voronezh University Library. Some of the rare books returned by the British are now reported among the published *Lost Book Treasures* from Voronezh. Although we can document the fact that they were turned over to Soviet authorities by

³⁶ Images of the portions of the OAD book stamp albums covering Soviet libraries are included on the Grimsted CD, *U.S. Restitution of Nazi-Looted Cultural Treasures*.

³⁷ See Grimsted, *Trophies of War and Empire* (note 4), pp. 224–29, and related documents in facsimile in *U.S. Restitution of Nazi-Looted Cultural Treasures*, transfer nos. 4 and 5, and explanation in the 'Introduction'.

³⁸ For example, Mazuritskii repeats the 100,000 figure in his *Knizhnye poteri Rossii* (note 5), p. 128.

³⁹ See Grimsted, 'Books from the Library of Tsarskoe Selo Return from the War', forthcoming. Mazuritskii for the first time notes British restitution from Tanzenberg (Austrian Carinthia), *Knizhnye poteri Rossii* (note 5), p. 128, but his figure of 27,000 is half the total indicated in British documents.

the British in Austria, they were never returned to Voronezh.⁴⁰ Such examples highlight the need for more careful research in the mechanics of plunder to determine which German agencies took what books, where they were sent, where they ended the war, and which ones were returned to the USSR, and what happened to those distributed to other Soviet libraries.

Research has shown that some of the scientific books brought as ‘compensation’ from Germany were put to constructive use in Soviet libraries, including VGBIL, in postwar decades.⁴¹ On the other hand, many examples of inappropriate publications transported and the chaotic distribution system are summarised in a 1948 report by Glavlit chief K. Omel’chenko to the CP Central Committee. Even at that time, Soviet librarians were asking, ‘for what purpose was such ‘literature’ brought to the Soviet Union?’⁴² Recently, German librarian director Ingo Kolasa criticised the Gosfond distribution of trophy ‘compensation’ as ‘ending in total chaos’. He cites the example of a consignment of ‘100,000 rain-soaked trophy German books to the Central Library of the Academy of Sciences in Tbilisi in the 1950s’.⁴³ After fifty years in a library cellar, at least 96,000 books were returned from Georgia to Germany in 1996 in a ‘splendid gesture’, paralleling the return of 575 books returned by Armenia in 1998.⁴⁴ Those restitution gestures resulted in significant German library assistance for Georgia and Armenia. In 1992, the All-Russian Library of Foreign Literature (named after Margarita Rudomino) returned 650 trophy Dutch books to Amsterdam University—‘Russia’s only library restitution to the West’—only a symbolic portion of an estimated 30–40,000 Dutch books that arrived in Minsk. They had never passed Soviet-period Glavlit censorship as there was no one competent to evaluate them in Minsk, which kept them out of circulation and had led to their transfer to Moscow. There were some books of Belgian provenance among them, as well as a Dutch-language New Testament with stamps of the Turgenev Library, the first book from that

⁴⁰ See Grimsted, ‘Rare Books from Voronezh in Tartu and Tanzenberg: From Nazi Plunder and British Restitution to Russian “Lost Book Treasures”’, *Solanus*, 18 (2004): 72–107; an updated Russia version is in preparation.

⁴¹ Pamela Spence Richards, ‘Scientific Communication in the Cold War: Margarita Rudomino and the Library of Foreign Literatures during the Last Years of Stalin’, *Libraries and Culture*, 31(1) (Winter 1996), pp. 235–46.

⁴² See Grimsted, *Trophies of War and Empire* (note 4), pp. 259–66. The composite report by Glavlit chief K. Omel’chenko is among Agitprop files (7/8 September 1948), RGASPI, 17/132/97, fols 93–110, large parts of which were published by Pavel Knyshevskii, *Dobycha: taina germanskikh reparatsii* (Moscow, Soratnik, 1994), pp. 110–11, which led me to the original text.

⁴³ *Die Trophäenkommissionen* (note 14), preface by Ingo Kolasa, p. 18. See more details in Grimsted, *Trophies of War and Empire* (note 4), pp. 262–63.

⁴⁴ ‘A Splendid Gesture. Chronology of a Restitution’, part 1 by Ingo Kolasa, and part 2 by Juri Mosidse, *Spoils of War: International Newsletter*, 3 (1996), pp. 53–59; and ‘Books from Armenia Returned to Germany’, *ibid.* 5 (1998), p. 85. See more details in Grimsted, *Trophies of War and Empire* (note 4), pp. 467–68.

Parisian Russian library to return from the war.⁴⁵

Thus in conclusion, we are left with unanswered questions: To be sure it is appalling that the Lenin Library in Minsk (now the National Library of Belarus), for example, lost 1.7 million volumes as a result of the war. But can Dutch books no one can read adequately serve as 'compensation'? Some of them were for seized from the homes of Holocaust victims in the Netherlands and Belgium. Can books dedicated to Léon Blum before he went to Buchenwald, or those with dedications to other prominent French Jews who perished in the Holocaust compensate in good faith for Soviet losses? Why did French victims of Nazi plunder such as twenty members of the Rothschild clan or feminist Louise Weiss never even know that some of their libraries had made an 'involuntary journey' from Paris to Minsk?⁴⁶

Today in Russia or Belarus there may be no thoughts of return of those books to the countries or families from which they were looted. But we still need to know what collections are represented from the European cultural heritage as a memorial to those libraries destroyed or displaced as a result of the most horrendous war in the history of humanity. Even if the Russian Duma has outlawed the return of trophy cultural property to Germany, and insists on nationalising however many millions of 'unneeded' trophy books that may still remain in the former Soviet Union, we need to identify their provenance and where what major portions of what European libraries are still held prisoners of war. Such recognition would be a small tribute to such displaced components of the national heritage of nations and a personal tribute or memorial to those spoliated by the Third Reich.

What is really needed is an international collaborative database to assemble and extend available information about the fate of trophy library collections in Russia, ideally with the participation of Belarus, Ukraine, and Poland, as representing other recipients of significant trophy books of foreign provenance after the Second World War.⁴⁷

In 2001 the Russian Ministry of Culture, now the Ministry of Culture and Mass Communications, was officially delegated the responsibility of publishing an internet register of all Russian 'trophy' cultural treasures.⁴⁸ Fragment-

⁴⁵ Frits Hoogewoud, 'Russia's Only Restitution of Books to the West: Dutch Books from Moscow (1992)', in *The Return of Looted Collections (1946–1996). An Unfinished Chapter: Proceedings of an International Symposium to mark the 50th Anniversary of the Return of Dutch Collections from Germany*, ed. F. J. Hoogewoud, E. P. Kwaadgras et al. (Amsterdam, 1997), pp. 72–74.

⁴⁶ See Grimsted, 'The Road to Minsk' (note 33), and Makarov, 'Involuntary Journey from Paris to Minsk' (note 33).

⁴⁷ At the request of the organisers, I submitted a proposal for such a database following the Russian German Round Table on Displaced Libraries in Berlin at the time of the 2003 IFLA meeting.

⁴⁸ Details of the 'inventorisation' programme, and the related orders of the Ministry of Culture and discussed in opening sections of Grimsted, 'Russia's "Trophy" Archives: Still Prison-

tary data were posted for only a few libraries on the initial 'lostart.ru' website, while it was functioning through 2003. Emphasis was so far only on the level of individual titles—the State Public Historical Library (GPIB) being the only library to group books by collection of provenance. Since the March 2004 government reorganisation of the Ministry of Culture that website is still 'under reconstruction' (March 2005) and the whole 'inventorisation' project, initially due to be completed by the end of 2002, appears to have run into foul weather.⁴⁹

VGBIL lists a handful of trophy collections on its own website, and their specialists have assisted with descriptions of 'twice-plundered' trophy receipts from several other libraries, such as the valuable rare-book collection from the Sárospatak Calvinist College Library from Hungary now held in Nizhnii Novgorod.⁵⁰ More recently they published an important bilingual catalogue of Hebrew manuscripts from the former Breslau Rabbinical Seminary held by the Russian State Library and the Russian State Military Archive (RGVA).⁵¹ While the format they have developed could prove a further point of departure for collection-level listings for other libraries, they have not had adequate staff and funding to continue the project on a larger scale.⁵²

A more extensive cooperative collection-level database could start by identifying foreign collections of books mentioned in removal/seizure and shipping documents and reports by trophy brigades or other library scouts immediately after the war, with citations of available archival documentation. It could simultaneously work backwards from current library holdings, together with images of book markings of originating libraries of provenance. Such a cooperative database would provide an essential supplement to the Ministry of Culture item-level 'inventorisation' programme. As an essential reference tool for Russian and foreign specialists such a compendium would:

ers of War?', *Electronic version*: Budapest: Open Society Archive (Central European University): <http://www.osa.ceu.hu/publications/2002/RussianTrophyArchives/RussianTrophyArchives.html> (last revised April 2002; an updated version is in preparation for 2005).

⁴⁹ Although the main 'lostart.ru' website homepage has been closed down (as of April 2005), some of the library files can still be accessed through the URL—<http://www.lostart.ru/page3.php>—and subsidiary pages for several of the libraries listed.

⁵⁰ E. A. Korkmasova, E. V. Zhuravleva and N. N. Zubrov, comps., *Trofeinye knigi iz biblioteki Sharoshpatakskogo reformatskogo kolledzha (Vengriia) v fondakh Nizhnegorodskoi gosudarstvennoi oblastnoi universal'noi nauchnoi biblioteki: Katalog* (Moscow, Rudomino, 1997). Also available electronically on the VGBIL website.

⁵¹ *Katalog rukopisei i arkhivnykh materialov iz Evreiskoi teologicheskoi seminarii goroda Breslau v rossiiskikh khranilishchakh / Catalogue of Manuscripts and Archival Materials of Juedisch-Theologisches Seminar in Breslau held in Russian Depositories*, with a preface by Ekaterina Genieva (Moscow, Rudomino, 2003). The first in a projected series of descriptions of Holocaust-related cultural treasures in Russian sponsored by the Research Project on Art and Archives in New York and the Ministry of Culture of the Russian Federation.

⁵² See the several collections described on the VGBIL website—<http://www.libfl.ru/restitution>, including the Esterházy library from Austria.

First, help many libraries identify their holdings of foreign provenance;

Second, inform librarians in many countries and private owners anxious to know the fate of their books still held hostage in Russia;

Third, serve as a memorial to Holocaust survivors and their heirs whose libraries ended up in the USSR;

Fourth, assist research, especially abroad, in connection with the recent increased concern about illegally obtained Holocaust-era assets, helping provenance identification of rare books and manuscripts that may have reached foreign libraries, booksellers, and auction houses;

Fifth, help establish more reliable patterns of migration of major collections as a result of war.

Finally, it is to be hoped that such a project would elucidate the wider issue of books as victims and trophies of war, while simultaneously promoting more interlibrary cooperation and international goodwill in the library world.

Three Thousand Theses: The Bibliography of British Theses in Slavonic Studies

Gregory Walker

When John Simmons published his original list of British higher-degree theses in Slavonic studies in *Oxford Slavonic Papers* in 1967, he noted in his introduction that ‘... British theses in Slavonic studies have not so far attracted the attention of the bibliographer’. It was characteristic of him to identify the need for a bibliography that would give access to British postgraduate research on Russia, the USSR and Eastern Europe—research that was difficult to trace through general and subject-based thesis bibliographies because of its multidisciplinary nature. Equally typical was his decision to meet that need himself by compiling the first list, covering theses approved from 1907 to 1966, drawing not only on existing published sources but also on responses to a direct approach to university departments. He followed it with three five-yearly supplements before convincing me to carry on the undertaking. Since then four further quinquennial supplements have appeared, taking coverage up to 2001;¹ and work is now (January 2005) in progress on an updated cumulation which is expected to list well over 3,000 theses from institutions in the UK and the Irish Republic.² This article sets on record the bibliography’s principal features, and briefly traces some of the trends in nearly a century of postgraduate research that the eight lists seem to reflect. It is not in any sense, however, a history of that research—still less of Russian, Soviet and East European studies

¹ ‘Theses in Slavonic studies approved for higher degrees ...

... by British universities, 1907–1966’, by J. S. G. Simmons, *Oxford Slavonic Papers*, xiii (1967), pp. 139–59;

... by British universities, 1967–1971’, by J. S. G. Simmons, *Oxford Slavonic Papers*, n.s. vi (1973), pp. 133–47;

... by British universities, 1972–1976’, by J. S. G. Simmons, *Oxford Slavonic Papers*, n.s. x (1977), pp. 120–38;

... by British universities, 1977–1981’, by J. S. G. Simmons, *Oxford Slavonic Papers*, n.s. xv (1982), pp. 140–67;

... by British universities, 1981–1986’, by Gregory Walker, *Oxford Slavonic Papers*, n.s. xx (1987), pp. 140–61;

... by British universities, 1986–1991’, by Gregory Walker, *Oxford Slavonic Papers*, n.s. xxvii (1994), pp. 144–73;

... by British universities, 1992–1996’, by Gregory Walker, *Oxford Slavonic Papers*, n.s. xxxi (1998), pp. 104–52;

... by universities in the British Isles, 1997–2001’, by Gregory Walker, *Slavonic and East European Review*, 82(1), January 2004, pp. 132–98.

² Publisher to be announced.

as a whole in the UK.³

John Simmons sought to provide ‘an exhaustive, classified and minutely indexed list of all dissertations in Slavonic studies accepted to date by British universities’; and this statement of intent has been followed, with few modifications, throughout the life of the bibliography. ‘Slavonic studies’ has been very broadly defined as extending to all subjects in the humanities and social sciences where their treatment relates wholly or substantially to Russia, the area of the former USSR, and the whole of Europe (except Greece) lying East and South of Germany, Austria and Italy. Theses from Irish as well as British institutions are included. Arrangement by subject has been retained and the original classification scheme expanded; while the index headings still include all proper names and specific thesis topics as well as a pragmatically developed set of standard terms.⁴ Theses and dissertations accepted for all degrees above BA were included until the latest quinquennial list (1997–2001). By that point, five years’ worth of British and Irish postgraduate activity in Russian and East European studies was generating so many titles that we had to omit MA dissertations (which had been heavily under-reported in earlier years) as the least arbitrary way to keep within the space available for what is still—by some distance—the longest list so far.

The **first list** contains 313 entries for the sixty-year period following the award of the first relevant degree—an Oxford B.Litt. granted in 1907 to T. P. Themelis for his thesis on ‘The relation of the Eastern Church to the Western Churches from the sixteenth to the eighteenth century’. Only eleven theses are listed up to 1919, mostly on theological topics from Oxford and history from Birmingham. A gradual and piecemeal expansion in Slavonic studies followed over the next quarter of a century, with 59 theses recorded between 1920 and 1945. Of the nine institutions represented, the new School of Slavonic and East European Studies (founded within the University of London in 1915) showed the most postgraduate activity, reporting seventeen theses in subjects spread across international relations, economics, education, literature and politics. Oxford’s sixteen were heavily weighted towards religious history (still) and foreign policy; while the remaining institutions (Cambridge, Birmingham, the London School of Economics, Edinburgh, Swansea, University and King’s

³ Three brief historical overviews can be found in: University Grants Committee, *Review of Soviet and East European Studies* (Report of a Working Party chaired by Dr Norman Wooding) ([UGC], July 1989), pp. 7–12; Higher Education Funding Council for England, *Review of Former Soviet and East European Studies* (Report of a Working Group chaired by Mr Bahram Bekhradnia) (HEFCE, October 1995), pp. 8–9, 53–59; Stephen Hutchings, ‘Russian studies in UK universities’, Subject Centre for Languages, Linguistics and Area Studies website <http://www.lang.ltsn.ac.uk/resources/goodpractice.....> 5 pp.

⁴ A cumulative index to the first four lists (1907–81) appears at the end of the fourth, in *OSP*, n.s. xv (1982), pp. 155–67, prepared by John Simmons ‘to mark the end of a task lightheartedly undertaken some seventeen years ago’.

Colleges London, Manchester, and a London 'external' degree) ranged from six down to one. Very striking—in comparison with the period immediately following—was the relatively poor showing of titles in literature (twelve, of which five were from SSEES) and in language (one, from University College London).

The recommendations of the Scarbrough Report in 1947 resulted in special government grants until 1952 to develop Slavonic and East European studies in nine universities (Aberdeen, Birmingham, Cambridge, Glasgow, Hull, Manchester, Nottingham, Oxford and SSEES). The report of the Hayter Committee in 1961 resulted in a further ten years of earmarked funding, aimed primarily at building up multidisciplinary centres for Soviet and East European studies at Birmingham, Cambridge, Glasgow, Oxford, SSEES and Swansea. The effects on postgraduate research were quickly evident: 150 theses were listed for the fourteen years 1946 to 1959, and a further 93 in the next seven years up to 1966. Over three-quarters of this total of 243 was accounted for by only four institutions: SSEES (65), Oxford (54), LSE (41) and Cambridge (27); but the number of awarding institutions rose to twenty-five, some of which—including Glasgow and Nottingham—would figure prominently in future lists. The number and proportion of titles in language and literature rose dramatically in the postwar period to 97 (40%). It was noted that less than one-fifth of the entries over the first sixty years dealt with countries outside Russia and the USSR, a proportion which remained fairly stable until the early 1990s.

The **second list** and first quinquennial supplement (1967–71) contained 161 entries, evidence not only of increasing research output but also of the wider geographical spread of Russian, Soviet and East European studies within the UK. Nine new names appeared on the list of awarding institutions, and the list was less heavily dominated by research in a small number of universities, although the same four places were still reporting the most titles: Oxford (26), SSEES (23), LSE (18) and Cambridge (12). By the time the **third list** (for 1972–76) appeared, the expansion in research had become even more dramatic. The 238 listed theses had been awarded by 38 different institutions, and several new headings had to be added to the subject classification, including art and architecture, law, and military and naval studies. The highest title count again came from Oxford (43), followed this time by LSE (24) and Birmingham (21), with SSEES (20) now in front of Cambridge (18).

The **fourth list** (for 1977–81)—the last to be compiled by John Simmons—registered something of a plateau in postgraduate research, with a total of 223 theses. Moreover, 38 of these were late entries for earlier years—a sign of the effect that delays in notification were having on the bibliography's currency. (The second supplement had included 19 late entries and the first only four.)

Even so, the number of awarding institutions had risen to 48, although the established front-runners held on to their lead: Oxford (33), followed again by LSE (23), then Birmingham (22), SSEES (20) and Cambridge (16). The classification was further expanded with the addition of headings for archaeology, film (later changed to mass media), philosophy and sociology as more disciplines turned their attention to the Soviet Union and Eastern Europe, while titles on language and literature fell to 63 (28%).

By the time the **fifth list** appeared, taking the coverage up to 1986, it included so many late entries (86, or 32% of the 267 titles registered), and the numbers recorded for 1985 and 1986 were so obviously incomplete, that it presented a somewhat distorted picture of the latest five years of postgraduate research. Even so, it did seem to indicate something of a decline in overall activity—hardly surprising in view of the recommendations in the University Grants Committee's Atkinson Report of 1979, which forecast a contraction in the demand for teaching and research in Russian studies and recommended the discontinuance, restriction or phasing out of Russian teaching in many universities. While Atkinson's recommendations were never fully implemented, they had a significant if patchy effect. The number of awarding institutions in the fifth list fell back to 42. The output ranking—though suffering from the late and incomplete reporting—again placed Oxford first (58 entries) with Birmingham (50) now second, followed by LSE (18), SSEES (13), Cambridge (12), Nottingham (11) and Glasgow (10).

The beginnings of a recovery in postgraduate research were becoming evident in the **sixth list**, which contained 330 entries up to 1991, even though 94 of these (28%) dated from 1985 or earlier. The proportion of doctoral theses (69%) was virtually the same as in the two previous lists, and the number of institutions represented reached a new record at 49. Subject to the same cautions about incomplete figures, Oxford increased its lead with 70 entries, including 42 doctorates, followed at some distance by Birmingham (an under-reported 19), Glasgow (18), Cambridge (16) SSEES (14), LSE (13), Edinburgh and Manchester (12 each), and East Anglia and Exeter (10 each).

While the sixth list had suggested a gradual improvement, the **seventh list** (1992–96) proclaimed quite unmistakably that British research in the field—which now included post-Soviet studies—had expanded with amazing speed to record levels of quantity and variety. The 614 entries, from a new record of 58 institutions, represented an 84% increase over the previous list, despite the fact that the proportion of late entries had fallen appreciably to 22%. Part of the increase was due to a rise in the proportion of masters' dissertations (to just over 50%, mainly due to the inclusion of 106 late masters' entries), but even so the absolute number of doctorates had risen from 195 dated 1987–91 to 240 so far dated 1992–96, with the certainty of more yet to be reported. The rise in numbers was heavily concentrated under three subject headings:

international relations, economics and politics, which together accounted for 55% of entries. The combined impact on the scale and direction of research of the fall of communist regimes, the opening of archives, and the transition to market economies was unmistakable. Equally significant was the shift of focus in the direction of Central and Eastern Europe: the proportion of titles dealing with countries outside Russia and no longer part of the USSR rose markedly to 34%. By contrast, the proportion of titles on language and literature fell to its lowest point ever at 10.4%. A ranking by number of doctoral theses dated 1992–96 (corrected to include late entries from the eighth list and totalling 300 in all) shows Oxford again in front with 63, then Cambridge (26), Glasgow (24), SSEES (21), LSE (19) and Birmingham (13).

Oxford Slavonic Papers ceased publication with volume N.S. XXXIII in 2000, but the *Slavonic and East European Review*, published by the School of Slavonic and East European Studies at University College London, kindly offered space to the **eighth list** of the bibliography (1997–2001). Even with the omission of MA dissertations, entries reached a new high point of 668, of which only 11% were late entries, giving a more up-to-date picture of research activity. The number of doctoral theses dated 1997–2001 was 475—an astonishing 58% rise—while the number of awarding institutions showed its largest-ever quinquennial increase, from 58 to 79. This can be partly attributed to the recommendations of HEFCE Working Group in 1995, which led to the funding of over thirty new academic posts across a wide range of disciplines relating to the area.⁵ The distribution of entries between the major research institutions showed a distinctly more even spread than in earlier years. Oxford with 94 entries (of which 66 were 1997–2001 doctorates) was quite closely followed by Cambridge (70, 49 doctorates), SSEES (42, 35 doctorates), Glasgow (40, 22 doctorates) and Birmingham (39, but 28 doctorates). Then came LSE (24, 21 doctorates), Bradford (18, 12 doctorates), Leeds and Sheffield (16 each, with 15 and 14 doctorates), Manchester (14, 9 doctorates), then Warwick, Exeter, Kent and Edinburgh (12 each, with 10, 9, 8 and 6 doctorates respectively). About half of the entries were again in international relations, economics and politics, but languages and literatures did show a modest recovery, from 69 entries to 85 (13%). The shift in geographical emphasis which was detectable in the previous quinquennium had grown into a major reorientation of research interests. About 55% of titles related wholly or primarily to countries outside Russia, including those formerly but no longer part of the USSR, with a very noticeable concentration of work on those Central and East European countries preparing for admission to the European Union.

⁵ Higher Education Funding Council for England, *Review of Former Soviet and East European Studies* (Report of a Working Group chaired by Mr Bahram Bekhradnia), HEFCE, October 1995.

A word should be said in conclusion about the use, and usefulness, of sources. Like all thesis bibliographers in pursuit of their ideal of a comprehensive, accurate and up-to-date listing, John Simmons and I have always been encouraged by:

- universities and departments which place details of their higher-degree theses on their website immediately on acceptance, and which report them quickly and accurately to the relevant national listings (in the UK this is now the online *Index to Theses*—formerly the *Aslib Index to Theses*);
- universities and departments which maintain a full and permanent record of all their accepted theses;
- authors who choose titles and subtitles which fully and accurately describe the subject matter of the thesis;
- authors who don't change their thesis title between registration and acceptance, or who—if they do—make sure that the university records the change; and
- university libraries which receive and catalogue all their institution's theses quickly and fully after acceptance.

Contributors

James H. Billington is Librarian of Congress.

W. E. Butler is Professor of Comparative Law and Director of the Vinogradoff Institute, University College London.

I. A. Bordachenkov is Archivist of the Rudomino Foreign Literature Library.

Marianna Tax Choldin is Mortenson Distinguished Professor Emerita, University of Illinois at Urbana-Champaign.

Ralph Cleminson is Professor of Slavonic Studies, University of Portsmouth.

Anthony Cross is Emeritus Professor, Dept of Slavonic Studies, University of Cambridge.

Robert H. Davis, Jr is Librarian for Special Collections and Outreach in the Slavic and Baltic Division, New York Public Library.

C. L. Drage is Russian Coordinator of the Humanities Programme, Imperial College of Science, Technology and Medicine.

E. Iu. Genieva is Director-General of the Rudomino Foreign Literature Library.

A. Kh. Gorfunkel is an Associate of the Davis Center for Russian Studies, Harvard University.

Patricia Kennedy Grimsted is Senior Research Associate at the Ukrainian Research Institute, Harvard University, and Honorary Fellow at the International Institute of Social History, Amsterdam.

A. A. Guseva is Head of Rare Books, Russian State Library.

Iaroslav Isaievych is Director of the Ivan Krypiakevych Institute of Ukrainian Studies.

Edward Kasinec is Head of the Slavic and Baltic Division, New York Public Library.

N. A. Kopanev is Head of the European Centre for Enlightenment Studies and Curator of the Voltaire Library, National Library of Russia.

Gary Marker is Professor of History at the New York State University at Stony Brook.

E. L. Nemirovskii is Chief Senior Researcher at the Russian State Library and at the Centre for the Study of Book Culture History attached to the Nauka Publishing House, Russian Academy of Sciences.

Villi Petritskii is Head of the Faculty of Culturology, Sociology and Politology, St Petersburg Technical Forestry Academy, and Co-President of the Organisation of Russian Bibliophiles.

I. V. Pozdeeva is Head of the Archeographical Laboratory, Moscow State University.

W. F. Ryan is Emeritus Professor of Russian Studies and Honorary Fellow of the Warburg Institute.

A. V. Voznesenskii is Head of Rare Books at the National Library of Russia.

Gregory Walker, formerly Head of Collection Development, Bodleian Library, is a freelance library consultant, based in Oxford.

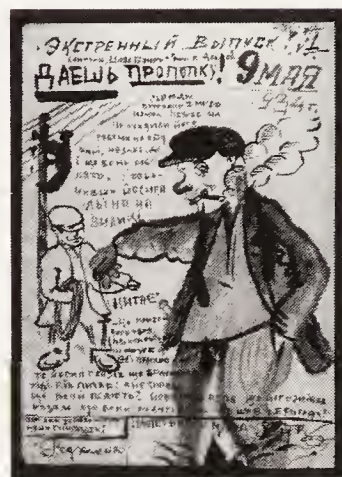
Everyday Stalinism II

Peasants under Stalinism: Mentality and Way of Life

Letters written by peasants (*kolkhozniki*) to Krest'ianskaia Gazeta provide a unique insight into the mentality of this group under Stalinism. At the time, peasants comprised the majority of the Soviet population, and these letters reveal their attitudes toward nationality, the financial system, social and economic policy in the countryside, the Soviet government's penal policy, the use of the Red Army in agriculture, Soviet holidays, and family and leisure. Many letters are accompanied by poems, stories, and drawings. The peasants' naïve appreciation and worship of the Soviet party elite is at variance with their attempts to defend their own rights.

- *Opis'* 10 and 11
- 119 microfilm reels
- Including online EAD Finding Aid at www.idc.nl

«EAD»

Anti-Soviet Newspapers

Following the successful release of the "Press of the White Movement" collection, IDC Publishers is proud to announce the publication of "Anti-Soviet Newspapers." Until recently, the surviving anti-Soviet newspapers remained undisclosed and practically unknown to academia.

IDC Publishers has unearthed one of the world's largest collections of previously inaccessible anti-Soviet newspapers, and is making it available to all those who are interested in the undistorted and true-to-fact history of Russia. In many of these editions, the 'Russian national idea' increasingly assumed the character of anti-Semitism. In this collection there is much information about the numerous pogroms - massacres committed against the Jewish population inspired by Tsarist's regimes and later by anti-Bolsheviks governments during the Civil War.

- 493 titles
- 91 microfilm reels
- Including MARC21 bibliographic records
- Title list available at www.idc.nl/ez/11

IDC
PUBLISHERS

For more information please contact

IDC Publishers | 2301 EE Leiden
P.O. Box 11205 | The Netherlands

Phone +31 (0)71 514 27 00
Fax +31 (0)71 513 17 21

Internet www.idc.nl
E-mail info@idc.nl

Jewish Theatre under Stalinism:

Moscow State Jewish Theatre (GOSET)

This collection of archival documents from the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI) contains unique material on Jewish avant-garde art, the history of the Soviet culture and theatre, and Stalin's repressions. This material not only furthers our knowledge about Yiddish theatre and Jewish culture in the Soviet Union, but also deepens and revise our understanding of the Kremlin's policy toward Jewish society and culture form 1919 till early 50's.

- *Fond 2307, opis' 1-2 and Fond 2308, opis' 1*
- Approx. 85 reels
- Including MARC 21 bibliographic records
- Title list available at www.idc.nl

Jewish Cultural Renaissance in Imperial Russia

In 1917, there were more Jews living in the Russian Empire than anywhere else in the world. The Jewish population in Russia had grown from 1.6 million in 1820 to 5.6 million in 1910. Starting in the second half of the 19th century, the Jews in the Russian Empire were caught up in a major cultural and social transformation that ushered in modernity for the Ashkenazi Jewries.

This collection reflects the cultural and social life of the Jewish population of that period, and its relations with the wider society. The overwhelming majority of these publications - which were issued in small editions, and often in provincial cities - have been irretrievably lost. The uniqueness of these publications is also evinced by the fact that their pages contained works by many writers who later became well-known authors, poets, translators, commentators, or political activists

- 48 titles
- 648 microfiche
- Including MARC 21 bibliographic records
- Title list available at www.idc.nl

IDC
PUBLISHERS

For more information please contact

IDC Publishers | 2301 EE Leiden
P.O. Box 11205 | The Netherlands

Phone +31 (0)71 514 27 00
Fax +31 (0)71 513 17 21

Internet www.idc.nl
E-mail info@idc.nl

Central and Eastern European Online Library

Online archive of humanities and social science articles, scholarly journals, e-books from and about Central and Eastern Europe.

The database contains documents provided by 170 journals from 25 countries, in 23 languages and offers:

- full text PDF articles with bibliographic description, keywords and abstract in English
- bio-bibliographic information about over 1000 authors
- Extensive search function

www.ceeol.com

info@ceeol.com • Phone: + 49 69 6860250 • Fax: +49 69 65009682

VOPROSY ISTORII

The Legendary History Journal

History Through Russian Eyes
Digital Access from 1926 to Present

www.eastview.com

GRANT
&
CUTLER

The largest stock in London of

Russian

books ♦

cds ♦

cassettes ♦

videos ♦

dvds ♦

software ♦

UK's largest foreign-language bookseller

55-57 Great Marlborough Street, London W1F 7AY

Mon-Fri 9-6, Thurs 9-7, Saturday 9:30-6, Sunday 12-6

Phone lines are not open on Sundays. Underground - Oxford Circus

tel: 020 7734 2012

mail@grantandcutler.com

fax: 020 7734 9272

www.grantandcutler.com

*"They referred me to you for the sources
on Moslem movements in Russia."*

*"Have you tried the new database?
All Russian bibliography is now online."*

"Even dissertation abstracts?"

"Everything. Since 1998."

*All Letopisi. The entire
Russian National Bibliography.*

Now online.

www.eastview.com

For a free trial, email
info@eastview.com

School of Slavonic and
East European Studies
University College London

Printed by
Q3 Print Project Management Ltd,
Loughborough, Leicestershire